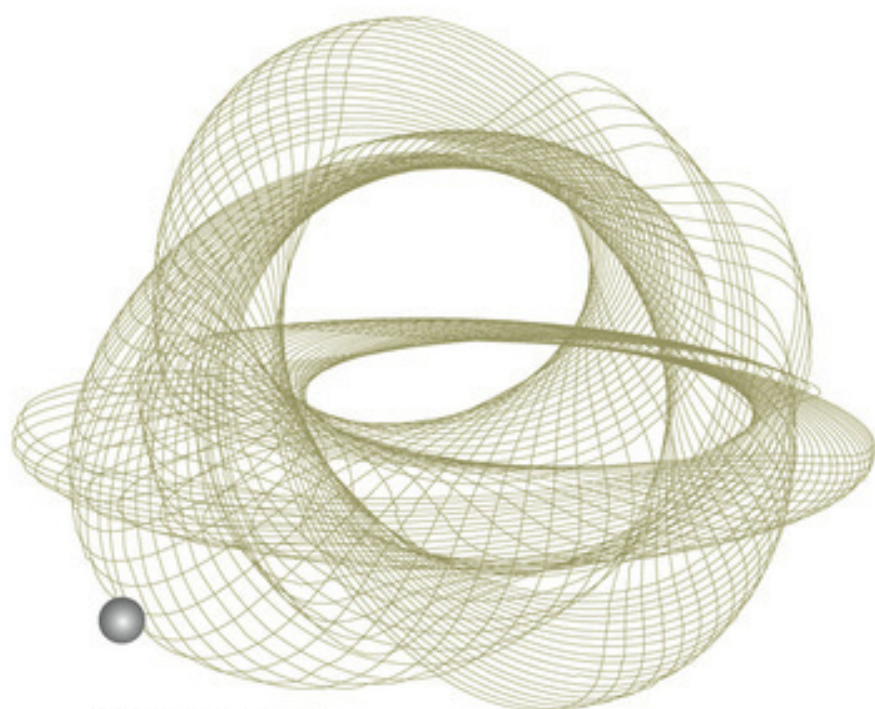


АЛЕКСАНДР ГРОМОВ



ШЕДЕВРЫ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ФАНТАСТИКИ

ВАТЕРЛИНИЯ



Александр Громов
Ватерлиния (сборник)

«ЭКСМО»

Громов А. Н.

Ватерлиния (сборник) / А. Н. Громов — «Эксмо»,

Александр Громов – один из ведущих мастеров современной отечественной научной фантастики, лауреат многочисленных литературных и читательских премий. Каждая его новая книга становится не только бестселлером, но и подлинным событием в читательской среде. Большинство произведений А.Громова построены на глобальных катастрофах и столкновениях цивилизаций, однако основным мотивом в них все же становятся человеческие взаимоотношения и психологические конфликты, поведение человека в сложной ситуации, когда обстоятельства вынуждают его раз за разом делать крайне сложный нравственный выбор. В этот том вошли избранные произведения писателя, удостоенные призов на международных фантастических фестивалях и конференциях. Романы и повести • Нарботка на отказ • Ватерлиния • Вычислитель • Корабельный секретарь • Такой же, как вы • Рассказы • Текодонт • Уступчивые • Секундант • Дарю тебе звезду • Вопрос права • Сила трения качения • Вдруг откуда-то летит

© Громов А. Н.

© Эксмо

Содержание

Наработка на отказ	5
У каждого свои проблемы	5
Глава 1	25
Глава 2	34
Глава 3	47
Глава 4	55
Глава 5	72
Глава 6	84
Глава 7	98
Глава 8	110
У каждого свои проблемы	121
Ватерлиния	125
Часть первая	125
Глава 1	125
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Александр Громов

Ватерлиния (сборник)

Наработка на отказ

«Лучше быть безумным со всеми, чем благоразумным в одиночку».
Бальтасар Грасиан. Карманный оракул.

У каждого свои проблемы

1

Утром потоп сошел на нет, но последние, особенно крупные капли еще побрякивали по жестяной крыше, скатывались к краю и лениво стекали по окнам. Как всегда после ливня, снаружи пузырилось и шипело, воздух был свеж, и очень хотелось выбраться из жилого вагончика, вдохнуть полной грудью, а может быть, даже пробежаться босиком, по-детски расплескивая лужи и ловя ртом настоящий воздух с небольшим, но верным избытком аммиака. И пахло как будто аммиаком, хоть говорят, аммиак и не пахнет вовсе. Чепуха, в больших дозах он особенно приятен. Муссон всегда приносит много аммиака. Не вонь нестерпимая – целебный воздух, пьяная ясность в голове и позыв к немедленному действию. Такие позывы надо гасить. Но, пожалуй, было бы неплохо дойти до лаборатории, посмотреть, много ли бед натворил предутренний толчок, а заодно выяснить, что еще не готово к эвакуации, и если что-нибудь все-таки не готово – найти виновного и занудить так, чтобы тот побежал работать вприпрыжку, а не сидел без дела, что плохо, и не ныл на печальные обстоятельства, что еще хуже. Сегодня каждый должен быть мил и очарователен, с точки зрения высокого начальства, иными словами – деловит, корректен и исполнителен до безмозглости, а если таковым не окажется, то это в первую голову вина начальства местного... Симо Муттик скрипнул зубами. В иных случаях начальник биологической станции обязан быть само радушие и гостеприимство, и грош начальнику цена, если он этого не умеет. Джулия послана вчера в Международную Зону с приказом пустить в ход личное обаяние и без Чернова не возвращаться. Можно не сомневаться, Чернова она добудет, да и сам Чернов, если, сидя в начальственном кресле, еще не задрал нос в заоблачные сферы, не откажется повидать друга-приятеля Симо Муттика, хоть и понимает, конечно, что раз друг-приятель зазывает к себе, значит, что-то ему, другу-приятелю, от начальства нужно. Остается выяснить: много ли просит? А впрочем, чего там выяснять, сам скажет.

В углу трудился Ахмет, драил мягкой щеткой противорадиационный скафандр, останавливался, критически глядя на работу, потом плевал на щетку и драил снова. Скафандр блестел. Еще один в ожидании чистки был разложен на полу, а остальные три, грязные и облохматившиеся, были убраны с глаз долой и заперты в дальнем шкафу лично Симо Муттиком.

– Внутри чистил? – скучным голосом спросил Симо.

Ахмет прервал работу.

– Обызаесь, насыальник. За сто обызаесь Ахметку? Ахметка нисего не сделал.

– Не дури. – Симо не счел нужным менять тон. – Я тебя спрашиваю: внутри чистил?

– Чистил, – зло сказал Ахмет. – И снаружи, и внутри, даже дезодорантом spraysнул, если хотите знать. Еще духами могу полить, хорошие духи у Джулии. Полить? Ахметка мигом.

Паясничает, подумал Симо. Это хорошо, что паясничает, значит, еще не опустил руки, еще на что-то надеется. Хороший парень, цепкий.

– Вольфганг где?

Ахмет отложил щетку, пытливым взглядом оглядел убогое нутро вагончика, затем заглянул под стол и, не найдя там никого, перевернул скафандр и затряс им, очевидно ожидая, что уж оттуда-то непременно выпадет Вольфганг. Вольфганг не выпал.

– Ахметка не знает, насыльник.

– Бакалавр Усманов, – хмыкнул Муттик, – я вынужден призвать вас к порядку.

– Слушаюсь, насыльник.

– Заткнись, – сказал Симо. – И без тебя тошно. Имей совесть.

Ахмет посверкал глазами.

– Ладно, – сказал он и снова взялся за щетку. – Тошно так тошно. Нашли чем удивить.

А Вольфганг пошел на сельву смотреть, прилива он, видите ли, боится.

– А ты не боишься?

– Я всего боюсь, – мрачно сказал Ахмет. – Только не прилива. В любом случае нужно эвакуироваться, придет там ваш Чернов или не придет. А придет, так будет уносить ноги вместе с нами. Кстати, правду говорят, будто вы спасли ему жизнь на Капле?

– Глупости, – буркнул Муттик. – Кто это говорит? Это он меня спас, а не я его. На это-то вся надежда.

– А-а, – протянул Ахмет. – Понимаю. Этот ваш Чернов – не иначе как высоконравственный человек, купли-продажи не приемлет и любит человека за сделанное ему добро, а не наоборот, так, что ли?

– Замолкни, сделай милость.

– Ничего он не сделает, ваш Чернов.

Симо пожал плечами и протер ладонью окошко. Со вчерашнего дня горы отодвинулись вбок, будто кто-то сдвинул пленку в проекторе: во время толчка, разбудившего всех, вагончик с треском и скрежетом съехал метров на десять вниз по склону и, налетев на вросший в землю валун, застрял в наклонном положении. Могло быть и хуже, следовало только радоваться, что за толчком на сей раз не последовало камнепада. Обошлось. А могло бы не обойтись, особенно теперь, когда вкупе с ливнем первый же толчок способен родить хороший сель.

Симо с ненавистью посмотрел на господствующую вершину. Гора как гора, округлый и скучный на вид конус, подпорка для снежных гигантов хребта Турковского, и ничего более. Названия у конуса нет, снега нет, растительности нет, солидных камней по склонам и то что-то не видно, гнейсовая скала над южным разломом рухнула еще на прошлой неделе, и что, спрашивается, еще может с горы сыпаться? Однако сыплется, и еще как сыплется. Только вчера с восточной стороны сошел такой оползень, что, возьми он южнее, от станции осталось бы одно воспоминание. А передвинуть станцию еще ниже нельзя, там – сельва, а с ней не шутят. Вольфганг прав: если будет прилив, станцию захлестнет. Впрочем, прилив обычно бывает на третий день после первого ливня, время терпит. Симо повернул голову к Ахмету:

– Долго будешь копать?

Ахмет отложил вычищенный скафандр, взял другой.

– Для Чернова готово, – сказал он. – А вам блеснуть ни к чему, по-моему. Пусть ваш Чернов блестит и радуется. И дезодоранта не дам, не надейтесь.

– Это почему? – спросил Симо.

– Рангом не вышли, – объяснил Ахмет. – Вот когда вы, а не Чернов будете определять стратегию в науке, тогда, так и быть, дам немного. В целях приспособления личного организма к доминирующим условиям. А кроме того, радиоактивному горизонту все равно, чем пахнет ваш скафандр, разве нет?

Симо усмехнулся:

– А если Чернов наденет не тот скафандр?
– Наденет то, что я дам, – заявил Ахмет. – И пусть попробует пикнуть. Вообще, рамки для начальства должны определять подчиненные.

– У тебя это хорошо получается, – сказал Симо, забавляясь. Разговор позволил отвлечься, и это было приятно.

– А если Чернов забыл о Капле, так я ему напомним, – сказал Ахмет.

Симо постучал согнутым пальцем по голове.

– Не вздумай.

– Ясно. – Ахмет вздохнул. – Я так понимаю, что меня это не касается. А кстати, что это за имя для планеты – Капля?

– Имя как имя, – неохотно сказал Муттик – и вдруг почувствовал зуд в спине, как раз там, где после Капли ему был вживлен изрядный клочок искусственной кожи. Чесотка возникала всякий раз при упоминании о Капле, должно быть, эту кожу берегли специально для какого-нибудь неврастеника. – Нормальное имя, – сказал он, стараясь не морщиться. – Чем тебе не нравится? Жидкая планета, есть такой космогонический феномен. Твердого ядра нет, потому – Капля. У нас там был исследовательский плот, пока Капля его не растворила.

– Как это растворила? – Ахмет вскинул глаза. – Как сахар, что ли?

– Не как сахар. Как плот. Молча. В один день.

– А люди?.. А, ну да, извините. Вы ведь там с Черновым вдвоем были?

– Вдвоем. – Зуд стал совсем невыносимым, и Симо, кряхтя, завернул руку за спину, поскреб. Стало легче.

– Меня там не было, – с завистью сказал Ахмет.

– И очень хорошо. Ты работай, работай.

– Я и работаю.

– Вот и не отвлекайся. Дочистишь скафандр – переходи к уборке помещения. Вольфганг поможет, скажешь ему, что я велел. Меня найдете в лаборатории. Если понадобится.

– Если от нее еще что-то осталось, – буркнул Ахмет.

– Если понадобится, – с расстановкой повторил Симо. – Что кому убирать, разберетесь сами. А при Чернове, будь любезен, сделай так, чтобы он твоего языка не слышал. И я тоже. Сиди молча и не высовывайся, иначе ты со мной больше не работаешь. Уяснил?

– Даже очень, – со злостью сказал Ахмет. – А энтузиазм на морде изображать?

– На морде – обязательно.

Ахмет с видимым наслаждением плюнул на забрало скафандра, размазал плевком ветошь и, сверкнув глазами на начальство, потянулся к флакону с чистящей жидкостью. Симо отвернулся. Идти в лабораторию уже не хотелось. Он снова протер окошко и всмотрелся. Здание лаборатории было еще цело, только чуть покосилось набок, будто присело на одну ногу, и снаружи выглядело вполне благопристойно. Если не знать, что там внутри. «Не-ет, – решил Симо, – Чернова я туда не пушу». Сегодняшний толчок уже ничего не мог изменить к худшему. Строго говоря, лаборатория перестала существовать после особенно мощного толчка, случившегося четыре дня назад, – к счастью, погибло не самое ценное, только то, что Джулия не смогла отправить с последней оказией. Не так уж много, но Чернову и этого будет достаточно, чтобы подтвердить полученное еще месяц назад и пока что успешно саботируемое распоряжение о немедленной эвакуации станции и персонала. Пока еще не поздно. И нужно убедить его в том, что этого делать нельзя. Ни в коем случае.

Камнепады начались в начале лета.

Еще в мае, который в нынешнем високосном году растянулся на сорок три дня, горы временами вздрагивали от глубинных толчков, будто в сезон землетрясений; где-то очень высоко, с уреза аммиачных снегов, чаще обычного срывались лавины. Иногда, особенно ночами, был слышен приглушенный гул далеких обвалов, и грохот катящихся камней походил на сон-

ное бормотанье не вовремя разбуженных гор. К концу месяца удары рушащихся скал стали слышны и днем, кто-то впервые заметил набрякшую желтую тучу над свежим обвалом по ту сторону ближайших уже вершин, а из Межзоны пришло первое распоряжение об эвакуации. Поначалу Симо пытался спорить и к отсылаемым в Академию отчетам прилагал пространные объяснительные записки. Потом бросил. Прибывший на грузовой платформе уполномоченный – мерзкая рожа – увез часть оборудования и двоих сотрудников, пожелавших уехать. С Симо уполномоченный не разговаривал. Кричал. Остающиеся предупреждены о вероятном исходе? Предупреждены. Они согласны ждать до последнего? И вероятно, полагают, что это их личное дело? Они ошибаются, это дело Академии и администрации Международной Зоны. И если необходимо эвакуировать научную станцию с территории чужого государства по недвусмысленному требованию его правительства, это может быть сделано и силой. . .

Наверное, следовало наорать в ответ. При желании всегда можно переорать того, кто орет по обязанности. Ага, значит, силой? Силой, да? Оч-чень любопытно, знаете ли. Следовательно, Международная Зона уже имеет своих командос? Имеет? Я так и думал, что это не мое дело. И Зона, надо полагать, не задумается послать их на территорию суверенного государства? Так-таки всю роту инвалидов от чиновной науки, с геморроем и ловчими сетями для поимки Симо Муттика? Ну то-то, не суйтесь немывтым рылом в чужие исследования, в которых вы там ни бельмеса, а Симо Муттик вам не какой-нибудь дурак-энтузиаст и впредь мешать науку с политикой не намерен, хватит с него Капли, хлебнул досыта на пару с Черновым. . . Ну, что приутих-то? С Черновым, не с кем-нибудь. С ним и будешь иметь дело, если сей момент не уберешься отсюда к чертовой матери. Пшел!

Вот примерно так и надо с ними разговаривать. Симо улыбнулся, и его отражение в запотевающем оконце улыбнулось тоже. Да, это было бы сладко. И глупо: не Черновым единым жива Международная Зона, черт бы ее взял, и незачем дразнить красной тряпкой чиновную братию, она от этого звереет, а академическая в особенности. И потому – молчать, а если спорить, то недолго и всегда соглашаться, благодаря за ценные указания, долженствующие обеспечить взлет мировой науки, держать пиетет, а еще очень следить за глазами, глаза должны быть светлыми и выражать признательность за заботу, иначе ничего не выйдет. Конечно! Обеспечим! Само собой! Еще день, ну два на свертывание лаборатории – и распоряжение будет выполнено, мы же в своем уме. . . Соглашаться! И делать то, ради чего ты здесь, а не в Межзоне, где, положи руку на сердце, не в пример уютнее. И – сохранить станцию.

Так Симо и сделал.

Потом – перевести дух. Поднять глаза и встретить три взгляда: недоумевающий – Вольфганга, гневный, с презрением – Джулии и ехидный – не в меру проникательного Ахмета. Нужно еще выдержать эти взгляды, как кулачный боец держит удары, вышибающие воздух из диафрагмы. Вот кто энтузиасты, негнущиеся, вот кого ломают в первую очередь. А вы согнитесь! Только потом не забудьте распрямиться, а я помогу, если будет трудно. Ну, как? Не желаете? Нет, брезгует молодежь. Вот что я вам скажу: вы все очень хорошие ребята, но вы совершенно не умеете думать – не головой, как раз головой вы думать умеете, – а чем-то еще, спинным мозгом, что ли, а может быть, и трясущимися коленками, и поэтому вы проиграете. Потухнут ваши идеалы, так-то, и вспоминать о них вы будете с неловкостью и смешками. А может, не вспомните вовсе. Учитесь же! Учитесь у мудрого змея Симо Муттика, и пусть его шишки станут вам наглядным пособием, иначе к чему их столько накоплено? Опять не хотите? Жаль. . . Жаль, времени мало, вот что. Совсем нет времени.

Два дня мучились – тянули вездеходом вагончики, несли на руках хрупкое. Подальше от крутых склонов, поближе к Процессу. Вольфганг рассчитал: тоннель выйдет на поверхность не ближе километра от места Процесса. И не далее полутора. Двадцать шестого июня после особенно сильных толчков опять двигали станцию – к урезу сельвы. Успели вовремя: в ночь на двадцать девятое раскололась гнейсовая скала, катящиеся глыбы испахали южный склон,

одна особенно крупная прошла рядом с жилым вагончиком, раздавила в лом антенну спутниковой связи и с треском ухнула в сельву. Тридцать третьего, после небольшой передышки, гора вздрогнула так, что вагончик подпрыгнул на полметра и в лаборатории не осталось ни одной целой склянки. Тридцать четвертого были отмечены продолжительные нерегулярные толчки: тоннель спровоцировал-таки землетрясение. Километрах в пятидесяти к западу ожил безымянный вулкан, плюнул в небо серной тучей. Сегодня тридцать пятое, и уже был один толчок. Нужно ждать второго, а скоро будет последний. Чернов тоже это знает.

Пискнула входная дверь, вошел Вольфганг. Долго, по-медвежьи топтался, снимая бахилы, потом, сложивши свой рост вдвое, не торопясь, как положено, прошел фильтрующую завесу – оба слоя. Не торопясь, снял дыхательный фильтр, сунул в очиститель. Пахнуло дезинфекцией, и Вольфганг удовлетворенно хмыкнул. Весь он был громадный, ростом в полтора Ахмета, а весом в два, а медлительность у него не от комплекции, понял вдруг Симо, – а оттого, что очень уж старается парень не делать ошибок. Кой черт, все равно делает, разве что чуть реже, чем другие.

– Ну, что сельва?

– Просыпается. – Вольфганг сел.

– Знаю, что просыпается, – терпеливо сказал Муттик. – Твой прогноз?

– Завтра, – сказал Вольфганг. – Скорее всего, к вечеру. Или ночью.

– Станцию захлестнет? – спросил Симо. Он знал, что захлестнет, но в душе поселилась дурацкая надежда: а вдруг нет?

– Ясное дело, захлестнет, – вставил Ахмет.

– А я тебя не спрашиваю...

Вольфганг наморщился, задвигал бровями. Медлил, обдумывая.

– Захлестнет. Прилив будет мощным.

Симо кивнул. Ладно. Если все-таки придется эвакуироваться, прилив – дело десятое, а если станцию удастся отстоять – передвинемся выше.

– Там нас угробит, – опять влез Ахмет.

Дурак. Будто без него не ясно. Поставить сопляка на место. Нет, пусть лучше это делает Джулия. Когда вернется. А мы ограничимся пристальным взглядом, долженствующим, как пишут, иметь воспитательное значение. Вот так. И достаточно.

– Там пришел Третий, – сказал Вольфганг. – У сельвы. Стоит и ждет вас.

Так. И этот хорош. До сих пор не понял, о чем нужно докладывать в первую очередь. Добросовестный, этого у него не отнимешь – но бизон...

– Как он сейчас выглядит? – спросил Симо.

– Тетраэдр, – Вольфганг показал руками, – вопросительная форма. Он хочет говорить.

– А ты что же?

– Он хочет говорить с вами.

Вот как. В другое время это было бы любопытно. Значит, уже и вариадонты научились разбираться в человеческой иерархии, подай им не кого-нибудь, а начальника станции, будто от него в самом деле многое зависит. И ведь догадались послать Третьего, а Джулия еще уверяет, будто им чужд практицизм... С нами же рядом жили, у нас учились. Третий самый упорный, не уйдет, пока не получит ответа, – а что ему можно ответить? Что мы все ему можем ответить? Симо почувствовал ужас. Но если вариадонт спрашивает – нужно отвечать. Никто не скажет почему. Просто нужно.

Не очень далеко из трясины бил грязевой гейзер, похоже, тот самый, что заработал еще с вечера и все никак не мог иссякнуть. А может быть, другой. Сельва дышала. Там, откуда она отступила при последнем выдохе, простиралась широкая полоса грязи, окаймляющая необозримую коричнево-зеленую стену зарослей. Стену осточертевшую. Стену, готовую к броску,

колышущуюся, будто от ветра, хотя ветра не было и не могло быть ветра, способного заставить сельву колыхнуться – сельва не обращала внимания даже на ураганы, изредка достигавшие гор. Она была безгранична. Она была равнодушна ко всему постороннему, как бывает равнодушно большое животное к судьбе насекомых, хрустящих у него под ногами.

Сельва дышала. Ошеломляющая вонь гниения перебивалась острыми запахами жизни, чужой, странной и страшной для всякого осмелившегося углубиться в топкие чащи или не успевшего уйти от прилива. Сельва шевелилась. Временами из темной глубины невероятно сплетенных ветвей по-змеиному выскальзывало гибкое корнешупальце ползучего тростника, тяжело плюхалось в жижу и, найдя незанятое место, мгновенно укоренялось, твердело и прорастало десятком жестких стеблей, очень похожих на земной тростник, если не знать их способности остановить вездеход, оплести его со всех сторон, играючи приподнять над топью, примериться и со вкусом разорвать, как большого твердого жука... Стена двигалась. Коричнево-зеленое тесто ползло вперед. Начинался новый вдох.

Это был еще не прилив, сельва лишь просыпалась. Ворочалась. Накапливала силы. Еще день-другой она будет дышать, с каждым часом все размашистее, потом замрет на недолгое время – и ринется вверх, по камням, по голым склонам, по мутной остекленевшей слизи, оставшейся с зимних приливов... А может быть, и по вагончикам биостанции, есть такая вероятность. На прилив лучше смотреть откуда повыше, например, с той стороны разлома, стоять на краю и снимать на пленку, как падают вниз и корчатся на дне ползучие гиганты и чуткие ветвистые плотоядные, а еще как сыплются вниз колоссальные одноклеточные, упакованные в мембрану, поросшую отравленными иглами, как шарахаются от них коричневые фитофаги с рудиментарным фотосинтезом и слепые, но стремительные в атаке болотные гады, разбуженные всколыхнувшейся топью, – да мало ли безмозглых и бессмысленных тварей создано природой в припадке избыточности и неизвестно зачем, а ведь каждая форма уникальна, каждую беречь надо. Так же, как и себя от нее. Но после отлива подбирай все, что осталось – раздолье: иногда сельва позволяет людям считать себя объектом изучения, могла бы ведь и не позволить... Вот и сейчас, выдирая бахилы из клейкой грязи, Симо привычно отметил незанятый прежде вид фотосинтезирующей планарии и еще что-то мелкое, копошащееся в трясине и ничего путного не напоминающее. Животное. Пожалуй, новый отряд, а вернее всего, класс или даже тип. Поймать бы, подумал Симо, Джулии показать, самому покорпеть... Но он хорошо знал, что не станет этого делать, потому что совсем рядом, в десяти шагах от живой стены, в грязи, увязнув в ней основанием, стоял вариадонт.

Судя по всему, он стоял уже давно – должно быть, приполз сразу после толчка, еще до рассвета, и Симо проклял себя за то, что не рискнул выйти под ливень – ну пусть бы сбило с ног... Это действительно был Третий. Он ждал.

– Привет, – сказал Симо.

Тетраэдр задвигался: не то приглашал к разговору, не то просто устал быть тетраэдром. Нет, все-таки приглашал. Симо почувствовал покалыванье в висках, что-то теплое пришло и вдвинулось в мозг – вариадонт налаживал связь.

– Ты хоть из грязи-то вылез.

Третий скруглил углы, сплющился с боков. Симо моргнул. Теперь к нему, медленно раздвигая грязь, катилось огромное рубчатое колесо: не иначе, вариадонт где-то у границы подсматривал за армейским вездеходом. Очень похоже. Только к тем колесам грязь липла, а к этому – нет. На твердой почве колесо завалилось набок, подпрыгнуло, будто резиновое.

– Все шутишь, – сказал Симо. – Не до шуток ведь тебе, знаю. Тоже вроде нас, только что врать не умеете... Ты ведь спросить пришел, так я жду, спрашивай...

Он знал, о чем спросит Третий. Вариадонт, он же кучевик, он же нуклеод, каких только названий им ни выдумывали, а до сих пор ни одного годного, каждое каким-то боком равняет

их со зверьем. Вариадонт. Зверь-де, меняющий форму тела по своему разумению. Оч-чень исчерпывающе, знаете ли. Креодонт. Мастоодонт. Глиптодонт. Глипт.

– А человеком можешь?

Колесо без видимых усилий встало, точно в фильме, пушенном в обратную сторону, потянулось вверх, вырастая в колонну, и колонна выпустила из себя, как выстрелила, отростки-руки и шар головы, лопнула снизу, формируя ноги. Человек. Вот только лица у человека не было – вместо лица была гладкая черная поверхность, матово отсвечивающая, как кожа, как искусственная кожа, еще не бывшая в употреблении, – иллюзия для непосвященных. Настоящей кожи у вариадонтов нет и никогда не было. Зато был запах, резкий и специфический, и когда Третий шагнул вперед, запах прорвался сквозь дыхательный фильтр и ударил в нос, заглушая миазмы топи. Не запах – вонь, бежать от нее хочется. Это им повезло, подумал Симо. Неудивительно, что вариадонты не очень-то боятся сельвы – ну кто захочет пробовать на зуб существо с таким запахом? Разве что нарвутся на пограничный пост...

...Хруст ветвей, клацанье, писк брызнувшего сока или, вернее всего, крови. Долгий поросычий визг... Симо не повернул головы на хорошо знакомые звуки. В чаще происходило то, что и должно было происходить: один панцирный гад вскрывал другого. Урчал, пожирая. Природа... И вариадонты все еще по уши в этой природе, подумал Симо, никуда от нее не ушли, она же их и пожрет, как только найдется какая-нибудь тварь без обоняния. Вот Седьмого не видно уже которую неделю, да и Четвертый вчера был какой-то странный: подранили? Не нужно им в сельву лезть, совсем не нужно, да, как видно, придется...

А вопрос все нарастал, бился в черепной коробке, и было ему там тесно. Симо поднес ладони к вискам, зажмурился, привычно напряг и расслабил мышцы шеи. Он был готов к передаче. Он уже знал, что ответит. И знал, о чем попросит. Никогда бы раньше не подумал, что придется о чем-то просить вариадонта... Да, в лучшем случае придется туго. Если очень повезет, то будет туго. А в худшем случае – не будет Процесса, не будет вариадонтов, не будет Симо Муттика. Радиоактивного горизонта и то не будет, выскребут его мало-помалу, а вот тут, например, вот на этом самом месте, где мы с тобой, Третий, стоим, возведут горнообогачительный комбинат, и потекут от него составы на ту сторону, в Северный Редут. А вон там будет огромный карьер, здесь у нас под ногами такое лежит... Ты знаешь, что такое карьер? Сейчас я его представлю – вид сверху, – и ты поймешь... Теперь понял? Здесь будут люди, много людей, они и сельву заставят отодвинуться, насколько смогут. Но прежде будет последний взрыв, и тоннель выйдет наружу. Будет, наверное, радиоактивное облако, но это совсем не та радиоактивность, что у вашего горизонта, и вам от нее лучше держаться подальше. А может быть, в вас станут стрелять. Объяснить тебе, что такое – стрелять?..

Вариадонт стоял неподвижно. Он ждал. Он привык ждать. Сначала, еще в Процессе, как только начал сознавать себя, он ждал очередного глипта. Потом ждал, когда выйдут из Процесса Четвертый, Пятый... Восьмой. Потом стоял в грязи и ждал, когда же к нему наконец соизволит выйти Симо Муттик. Теперь он ждал, когда же этот бестолковый человек dokonчит свой бестолковый рассказ о других бестолковых людях, грызущих тоннели под горными хребтами – зачем? Должно быть, в свое удовольствие... Ничего он не поймет, с тоской подумал Симо, самому бы понять...

– Я понял. – Голос был негромкий, но явственный. – Продолжай.

Симо вздрогнул. Вот это да! – значит, они умеют и разговаривать... Интересно, чем? А как мы их учили, как старательно выговаривали слоги, пока не поняли, что телепатировать им и проще, и удобнее... И какие же мы кретины, если не уяснили до сих пор, что в вариадонтах куда больше непознанного, чем во всей сельве! А голос... Господи, да это же мой голос! То-то слышу – знакомое. Дрянь у меня, а не голос, блею, как старый козел, слушать не хочется. Но Чернов!.. Если он и после этого не захочет поверить, что перед ним разумная форма жизни, тогда он сволочь и остальным под стать. Пусть увидит Процесс, вот что. Глипт нужен...

- Мне нужен глипт, – сказал он вслух.
- Мало, – глухо возразил Третий. – Трудно найти.

Он уже пятился к придвинувшейся вплотную чаше – черный, неестественно прямой, – уже уходил, как всегда, неожиданно, легко вынимая из топи ноги, к которым не липла грязь, а ступней на ногах не было... Нужен глипт... Глиптов мало. Еще бы не мало, коли в последнюю войну их выбили на девять десятых: принимали, видите ли, за танки. Это в сельве-то – танки!..

– Ты слышишь! – закричал в чашу Симо. – Мне нужен глипт! Сегодня! Чернову!.. Я знаю, что их мало, но мне очень нужен хороший глипт...

Он попятился. Коричнево-зеленая стена наступала, нависала над ним, как океанская волна, тянула хищные ветви. Где-то там, в зловонной трясине, пискнуло под ногой Третьего какое-то растение. И все смолкло.

2

С самого утра полковник Нуньес чувствовал себя неважно. Во-первых, полковника мучил кашель, неизбежный спутник сезона муссонов, – и не дал-таки уснуть ночью, несмотря на таблетки и дилетантскую попытку самогипноза; во-вторых, на краю стола лежал далекий от завершения полугодовой отчет, о котором командующий округом напоминал не далее как вчера, и это было непонятно, а непонятного Нуньес не любил. Да еще этот больной... Полковник озабоченно потер подбородок. Больной – это скверно. И непонятно, как беднягу угораздило подхватить – не в сельву же ходил... Как назло: который год все тихо, и вот на тебе – пятнистая горячка, да еще с такой анемией, что хоть прямо в учебник. Жаль солдата – толковый, случайно сюда попал, – но тут уже ничего не поделаешь. Выраженные симптомы, и даже не поймешь сразу, плохо это или хорошо, что они сразу заметны? Наверное, плохо, коли врач кинулся бежать, едва увидев больного, и назад в лазарет светило медицины пришлось волочить силой и при непосредственном участии начальства в лице самого Нуньеса. Врач впал в истерику и только визжал и плевался, когда Нуньес орал ему в самое лицо, в бешеные глаза: «Твоя работа? Твоя работа, я спрашиваю!..» Толку не было.

О гарнизонном враче Нуньес не мог думать без тихой ярости. В военное время мерзавца следовало бы расстрелять перед строем, без суда и незамедлительно. Неужели же знал, подлец, что сыворотка скисла? Наверняка знал, брезгливо подумал Нуньес. Вор не вор, а разгильдяй и трус первейший. Заплевал весь лазарет. Не на пол наплевал, скотина полуштатская, – на службу. В карцере в потолок он давно не плевал, это точно.

Полковник промокнул лоб носовым платком и расстегнул китель. Утро выдалось жарким, кондиционер уже не справлялся. Днем будет еще хуже, если только не разразится ливень, а к вечеру станет уже совсем невыносимо, но за вечером придет ночь, и тогда, может быть, удастся уснуть. Если позволит кашель. И если сегодня за ворохом мелких дел найдется время закончить отчет. Ну, пусть не закончить, пусть только выделить главные моменты. Хотя бы в черновом варианте.

Он дотянулся до клавиши интеркома.

- Дежурный... Кхе!.. – И приступ кашля разразился, как всегда, совершенно неожиданно.
- Дежурный слушает. Доброе утро, господин полковник.
- Доброе, – соврал Нуньес, вытирая глаза. – Я еще когда заказывал документы из архива.

Где?

- Они на вашем столе, господин полковник.

Нуньес скосил глаза на стол – действительно, все три пластиковых листка на месте. Надо же, не заметил. Глупо и, пожалуй, обидно. Лишний повод к сочинению очередной байки для любителей устного словотрепа. Впрочем, сегодня дежурит хороший мальчик, этот не позволит себе лишнего, разве что отметит про себя, что хрыч Нуньес успешно переходит в новое каче-

ство: в хрычи старые, заслуженные. И это, надо признать, соответствует действительности. В линейной пехоте стариков не держат. А если тебе шестьдесят два, то о пехоте забудь и радуйся, что командуешь хотя бы пограничным участком, без перспектив повышения по службе и по уши в сельве. Унизительно, если знать, что сельва охраняет границу лучше любых постов, сколько бы их ни было, – а кто же этого не знает? Начальство, во всяком случае, знает. Но и в отставку пока не гонит. Это главное.

О значении слова «синекура» Нуньес лишь догадывался. Судя по конкретным признакам, его предшественникам это понятие было знакомо во всех приятных подробностях. Участок оказался из рук вон, оторви и выброси, что же касается личного состава, то он, подобно всякой изолированной системе, уверенно стремился к нулевой энергии и вполне в этом преуспел. Нуньес впрягся в службу как вол и о начальном периоде командования участком отзывался кратко: чистил нужник. Для дам он на всякий случай держал в памяти «авгиевы конюшни», однако дам на участке не было, а тех существ последнего разбора, что поначалу были, язык не поворачивался назвать дамами, и Нуньес с особенным удовольствием вышвырнул их с заставы при первой возможности. В него стреляли: кто-то, пожелавший остаться неизвестным, пустил в полковника две пули – обе мимо. Нуньес не стал выяснять, кто это сделал. Он знал, что, когда хотят убить, – убивают. Вместо этого он добился замены большей части младших офицеров и сержантов – как ни странно, это удалось – и в конце концов смог констатировать некий минимум порядка, который и старался поддерживать, не особенно рассчитывая на большее. На него писали кляузы, всегда остававшиеся без последствий. Раз в полгода он сам писал отчет «о положении дел» с грифом: «Секретно. Лично» – по обязанности и без энтузиазма, ибо хорошо знал, что насчет секретности еще так-сяк, а что касается «лично», то вряд ли командующий лично вникает в каждый документ подобного рода, и правильно. Он был забыт, это кололо самолюбие, но пока устраивало. И вот – начальство вспомнило, что есть еще такой Нуньес, и, вместо того чтобы попросту гнать вон со службы, торопит с очередным отчетом. Почему? Об этом полковник еще успеет подумать, но сперва нужно разгрести текучку.

– Дежурный! Вы слышите меня?

– Еще что-нибудь, господин полковник?

«Еще что-нибудь!..» Наглец. Тон как у официанта. Наказать? Нет, пока рано. В линейную бы пехоту его, суток на трое в сельву с полной выкладкой, да чтобы без жратвы... Сдохнет ведь. Молодежь, одно слово.

– Еще вот что, – хмуро сказал Нуньес. – Сегодня же эвакуируйте больного. Да, вы. Вертолетом. Займитесь этим немедленно. Что? Это как понимать: «Если позволит погода»? Пусть позволит. Запомните себе на будущее: плохая погода бывает только для разгильдяев. Вот и хорошо, что вы поняли. Далее. С больным полетят двое сопровождающих, выберите их сами из резервной смены. Еще полетит врач. А меня не интересует, захочет он или не захочет. И не интересует его невменяемость. Тогда так: еще двое сопровождающих полетят с врачом. Пусть получит в медицинском управлении новую партию вакцины, вы поможете ему составить заявку, если он забыл, как это делается. Кхм... Кха! Кашель, черт... Вакцина сегодня же должна быть здесь. Сегодня же. И врач тоже. Нет, не «пусть он катится к чертовой матери», а пусть сегодня же проведет повторную вакцинацию всего личного состава. Да. Я сказал: всего личного состава. Полностью. Ответственный – вы лично. Это все.

Полковник снова закашлялся и, прочистив горло, сплюнул в носовой платок. Вот гадость. А ведь после прививки станет еще хуже. Люди будут недовольны, и трудно их за это осуждать. Но аверс аверсом, а с реверса отчетливо маячит пятнистая горячка – та еще хвороба, верный и мучительный конец. Вакцина спасает от пятнистой горячки, зато делает человека крайне восприимчивым к обычным простудам, это бы еще ничего в сухое время года, но теперь пошел муссон, и значит, уже завтра личный состав будет едва волочить ноги. Вакцина – дерьмо... И жара. Страшно подумать, что будет там, снаружи, когда солнце взберется повыше.

Особенно завтра, после прививки. По-видимому, единственной работоспособной единицей на всем участке останется полковник, строчащий полугодовой отчет. Трогательная картина.

Он подошел к окну, косил глаза вниз. Оттуда, с прямоугольной площадки, отвоеванной у сельвы под плац, забетонированной и расчерченной в соответствии с назначением, поднимались торопливые дрожачие испарения. В тени старой башни, реликта эпохи Второго Нашествия, ныне увенчанной крутящейся антенной станции дальнего обнаружения, досыхали последние, самые стойкие лужи. Двое солдат с натугой катили через плац гигантскую кабельную катушку, их движения были плавны, как в замедленном кино. «Мухи дохлые», – определил Нуньес. В катушке было куда больше жизни, чем в солдатах, она проявляла норы и стремилась покатиться в направлении, солдатами не предусмотренном. Полковник отогнал мысль о том, что было бы с ним самим, вздумай он спуститься вниз. И здесь-то не продохнуть... Скверный сезон. Муссонные ливни все похожи один на другой. И еще они похожи на конец света. Но сельве того и надо.

И вот пожалуйста! – на плацу опять свежая трещина. Спрашивается: откуда? Вчера ее здесь не было, это точно. Не иначе, опять из земли лезет какая-то дрянь, ей двухметровый бетон вроде скорлупы для любителей яиц всмятку. Санобработка? Да, и чем скорее, тем лучше. Полковник поморщился. Излучатели выжгут всякую жизнь на пятьдесят метров вглубь, но, конечно, лишь на время. В муссонный сезон эту процедуру необходимо повторять как минимум раз в неделю. Плохо то, что излучатели портят плац: бетон крошится, рассыпается в неприглядную вонючую пыль, и плац потом выглядит как обгаженный. Не дай бог, командующий округом затеет инспекционную поездку – сгореть от стыда полковнику Нуньесу.

Сельва, кругом сельва, до горизонта во все стороны, кроме севера – там она только до гор. Сельва бессмертна. У нее тысячи способов расправиться с человеком, и поэтому углубиться в нее хотя бы на пять шагов способен лишь самоубийца или буйнопомешанный, каких здесь, слава Лиге, пока еще не держат. Каждому доводилось видеть, как легко и вместе с тем мощно движется, нависая над чащей, шагающий баньян и отвратительное месиво словно бы раздвигается, угадывая, где он ступит, и давая ему ступить. Несуразный глипт в шишкастой броне ползет напрямик, с треском валит подгнившие деревья, оставляя за собой развороченную просеку. Там, где он прошел, могла бы получиться хорошая вездеходная трасса – только сельва не даст. Для этого в ней слишком много жизни.

Можно каждый месяц выжигать вдоль границы контрольную полосу. Если хорошо выжечь и если на ней не укоренится баньян, ее действительно хватит на месяц. Потом – снова, и так без конца. Жечь, травить дефолиантами, выметать излучателями все живое – в золу и пепел. Надолго ли? Сельва упорна от рождения, гораздо упорнее людей. На соседних участках контрольной полосы давно уже не существует, линия границы условна, как мнимое число, и на это обстоятельство не устают выжидательно намекать подчиненные. Дьявольский соблазн. Люди не понимают, что они охраняют и от кого. По эту сторону хребта Северный Редут формально владеет куском территории, до которого еще ни у кого не дошли руки – потому и владеет. Между прочим – потенциальный противник, несмотря на то что уже лет двадцать как полноправный член Содружества и плюс к тому формальный доминион Земной федерации. Но их людей здесь нет, если не считать каких-то биологов в предгорьях, да и те не северяне, а из Межзоны, как-то их там терпят. Больше никого. У полковника Нуньеса нет коллеги по ту сторону границы. Это плохо. Такая служба оскорбляет командный состав и разлагает подчиненных. У них есть задачи, текущие и на перспективу, но нет цели, придающей службе значимость и видимый смысл. Людей трудно винить, но необходимо. Подчиненные не понимают, за спиной полковника делают неприличные жесты, сочиняют похабные анекдоты и думают, что одереvenевший на службе Нуньес ничего не видит. Один из этих сочинителей пустил в него две пули. Его пытались напугать – что ж, на службе случается всякое. И тем не менее полков-

ник не считает своих людей сбродом. Просто они не могут дать ответ на мучительный вопрос: *з а ч е м?* Нет ответа. И, наверно, не будет, и не надо его искать, ответ этот. Служить надо.

Он переждал приступ кашля и вернулся к столу. Сначала дело, нытья на сегодня уже хватит. Отчет – тоже дело, и дело первейшей важности, когда отчетом интересуется лично командующий. И он не скрыл того, что интересуется потому, что заинтересовались в высших сферах, похоже, даже в генштабе. Непонятно, зачем им? Совсем темный лес, вроде здешней сельвы. Что они там хотят выудить из этого отчета? Уж наверно, не то, что гарнизонный врач скотина, не исполняющая прямых обязанностей. Тогда что?

Дана подсказка: случай с нарушением воздушной границы, очень неприятный случай. Нуньес не любил о нем вспоминать. В свое время и начальство о нем не вспоминало, то есть настолько, что вообще не отреагировало, хотя, по убеждению полковника, отреагировать следовало бы, и самым крутым образом. Случай был скандальным, до сих пор сидел как заноза, и хотя обошлось без видимых последствий, но дураку было ясно, что об этом еще вспомнят... Вспомнили – но странно. Об отставке ни слова. Само собой очевидно: ждут не оправданий и, вероятно, даже не анализа бездарных действий дежурной смены, не говоря уже о предложениях по совершенствованию порядка боевых дежурств. Ждут чего-то иного, а если подумать, то все это очень похоже на тотальный сбор информации, настолько систематизированный, что задействованы все каналы сбора, даже самые гиблые... Знать бы еще: какой информации? И на кого?

Полковник недовольно посмотрел на тощую пачку исписанных листков. Отчет называется... Нет, строго говоря, нормальный отчет «о положении дел на вверенном...», ну и так далее, по стандарту. Даже против обыкновения позволил себе кое-какие предложения касательно «совершенствования порядка»... Нуньес поморщился. Дельные, между прочим, предложения, а придется все же убрать, чтобы у высших сфер не застревал глаз на том, на что они заведомо не обратят внимания.

Итак. Нуньес перетасовал три полученных из архива листка и выбрал наугад. Короткий текст оказался рапортом давно уже сплавленного отсюда солдата, и с первого взгляда было видно, что документ составлен не по форме.

«По тре. плк. Нониуса от младшего оператора радарной службы рядового Ф.Р.Мбеле. Доклад...»

Полковник механически исправил Нониуса на Нуньеса, зачеркнул слово «Доклад» и вписал: «Рапорт». Дальнейшее он решил не править. В официальном интерсанскрите рядовой Мбеле путался, как водолаз в водорослях, но пиджин-санскритом владел и писал на нем следующее:

«...В соотв. с росписью дежурств 8 июня 91 г. Лиги около в 11 ч. 29 м. едного времени мною был замечен движение летательного объекта в напране приблига к гран. В наиточном соответствии с инструкцией (номер инструкции) я произвел немедля вложение всех параметр полета предположной цели в следячий контур и доложил. Все без исключ. указания которого дежурного офицера четкоточно сполнял вдалнейшем. Случаем пользуюсь докласть факт о том, что жидкость для протира экранов операторам не дают почему не знаю, которые потому упыляются и не обеспечивают надлежного слежения. Рядовой Филипп Реджинальд Мбеле». Резолюция – прочерк. Дата.

Вот так, подумал Нуньес и хмыкнул. Себя – полным именем, а полковник у него Нониус. Болвану лучше быть скромным, пыжащийся болван слишком похож на сувенир: дорого стоит и ни на что не годится. И правильно, что нет резолюции. Какие тут могут быть резолюции? Отчитать дурака в устной форме, заставить вы зубрить инструкцию, чтобы впредь знал, что делать в первую очередь при обнаружении цели. Обругать за жаргон в официальном документе. Жидкости для протирки экранов не давать: не хватало еще пищевых отравлений, – а вместо

этого назначить рядового Филиппа Реджинальда, как его там, на три внеочередных дежурства. Кажется, так и было сделано.

Полковник вздохнул, отложил листок на край стола и перешел к следующему. Второй документ был рапортом дежурного офицера лейтенанта Риттера из той же злосчастной смены. Первые строки Нуньес пробежал вползгляда. «Объект-нарушитель был замечен над южным склоном хребта Турковского уже в непосредственной близости от границы...» Так. Параметры полета на момент обнаружения... азимут... угол места... скорость полета... Ого! Далее: относительная высота... Так. Снижение. Маневр. Первый вывод: «Нарушитель осуществил пологое пикирование с одновременным глубоким разворотом вправо и через 20 секунд после вторжения вторично пересек линию границы и покинул охраняемое воздушное пространство, двигаясь на малой высоте в направлении азимута 310 градусов. Исходя из параметров полета, а также вариаций эффективной отражающей поверхности, можно утверждать, что нарушителем являлся боевой одноместный флайдарт класса «джокер» типа «Е» или более поздних модификаций...»

Так. Нуньес пробежал еще несколько строк и устроился в кресле поудобнее. Дальнейшее он помнил очень хорошо, но все же следовало вчитаться еще раз.

«...Таким образом, по вине дежурного оператора рядового Мбеле боевая тревога была объявлена с опозданием на 30–35 секунд. За это время нарушитель успел вторгнуться в охраняемое воздушное пространство и начал разворот, очевидно намереваясь в возможно более короткий срок выйти за пределы зоны поражения. Поднятое по тревоге зенитно-ракетное подразделение обеспечило готовность к пуску ракет в соответствии с установленной нормой времени, однако к этому моменту нарушитель находился уже в воздушном пространстве Северного Редута, удаляясь в глубь его территории на крайне малой высоте, и через 70 секунд после вторичного пересечения границы радарный контакт с объектом-нарушителем был потерян. В связи с этим обстоятельством мною была дана команда отбоя боевой тревоги...»

Нуньес заерзал в кресле. Вот в чем была главная ошибка Риттера, а вовсе не в том, что перед экраном у него сидел дурак. И даже не в том, что Риттер в горячке не успел сложить два и два, а потому не вспомнил, что «джокер Е» в силу своих исключительных летных качеств способен уйти от атаки зенитными ракетами и надо было задействовать лазерный пост... Самое печальное для Риттера случилось минуты через две после отбоя тревоги, когда локационщики искали, кто виноват, а зенитчики, скучно ругая Нуньеса – а кого же им еще ругать, – захеляли свои ракеты. В это самое время флайдарт-нарушитель снова пересек границу и несся на сверхмалой высоте, практически повторяя свою первоначальную траекторию. Суета боевой тревоги повторилась во всех подробностях и с тем же успехом. Что-либо предпринимать было поздно. Нарушитель преспокойно удалился в сторону южных владений Редута, сразу после пересечения границы сделал горку метров на восемьсот, и дальнейшая траектория его полета была классифицирована как посадочная глиссада.

Нуньес даже застонал от досады: вот тут бы Риттеру и сбить нарушителя – на горке! Пусть даже над чужой территорией – полковник Армандо Нуньес сумел бы отстоять своего подчиненного. А так – пришлось наказывать. Риттер мог бы и сообразить, а по должности просто обязан был догадаться, что нарушитель обязательно пойдет на второй круг – иначе где ему там сесть? В сельву? На горы? Уже на первом заходе можно было понять, что нарушителя из Редута интересует своя территория. Свой собственный пяточок, на который еще надо сесть. Ну ладно, флайдарту высокого класса не нужна необъятная посадочная полоса, но при всем том он не вертолет и не летающая платформа, чтобы садиться на любую ровную лысину. Он просто выжег себе посадочную полосу где-нибудь на краю сельвы, а чтобы сесть, ему нужен был второй заход. С его радиусом разворота он непременно должен был еще раз войти в охраняемую зону и еще раз подставить себя под вероятный удар. Вернее – под маловероятный, учитывая полную деморализованность Риттера. Умно. Отлично спланированная акция, со здоровенной

дозой разумного нахальства. И время выбрано удачно: за несколько недель до летнего муссона, иначе торчать бы тому флайдарту в болоте по самый стабилизатор...

К концу рапорта Риттер не удержался и съехал на оправдания и объективные обстоятельства, что в глазах Нуньеса выглядело совсем уже неприлично. Хлюпик, щенок скулящий... Резолюция: «Аргументы неубедительны. Лейтенанта Риттера предупредить о неполном соответствии. Капитану Нильсену принять необходимые меры к обеспечению надлежащей боевой подготовки вверенного ему подразделения. Нуньес».

Спускал на тормозах. А что еще было делать?

Полковник опять вздохнул. Последний документ он читать не собирался: помнил наизусть. Это был рапорт самого Нуньеса, обращенный к командующему округом. Не рапорт – крик души, черт знает что. Хорошо, не подал сгоряча в отставку, а ведь мог бы... Две недели спустя, когда о нарушителе уже и думать забыли, тот самый флайдарт – а откуда там взяться другому? – вновь вынырнул из южных земель Редута, легко, у всех на виду пронесся на взлетном форсаже чуть ли не над самой заставой и в считанные секунды скрылся за хребтом Турковского. Как назло, лазерный пост погряз в регламентных работах, а от ракет, в попытках пущенных вдогон, нарушитель, конечно же, ушел в какое-нибудь ущелье. Ясно же, пилот высочайшего класса, таких один на две-три сотни. Он и в эту сторону летел ущельями, иначе быть бы ему обнаруженным за триста километров, гореть бы ему дымным огнем сразу после пересечения границы... Мастер. И опять-таки налицо все приметы тщательно спланированной и подготовленной операции. Не говоря уже о тщательности исполнения.

А виноват Нуньес. Виноват, потому что не задумался над простым вопросом: а что он делал, этот пилот, по южную сторону хребта? Где он жил эти две недели, не вопрос – у биологов он жил, – а вот чем он там занимался? Именно пилот, не кто-нибудь: в «джокер Е» два человека не поместятся физически. Учил биологов пилотажу?

Транспортная операция, вот что это такое. С целью доставить специалиста в интересное кого-то место, не привлекая излишнего внимания ни к месту, ни к специалисту, потому и замаскированная под нахальный разведполет. Ясно, отчего выбран флайдарт: никакая летающая платформа не в состоянии перевалить через хребет, кишка тонка, а что касается космических средств, то у Редута всего один корабль, да и тот грузовой мастодонт, там ему не сесть. Правда, и «джокер Е» с навесным ускорителем способен выходить в ближний космос, но на посадке сделает такой круг, что будет испепелен над чужой территорией задолго до вхождения в тропосферу. Неудачные задворки у северян, прямо скажем...

Тихонько дзенькнули стекла. Задрожал письменный стол, пополз по нему рапорт рядового Мбеле. Дурнота накатила было, но отхлынула. Какого черта...

– Кха!... Хгм. Дежурный, вы что-нибудь почувствовали?

– Толчок, господин полковник. Уже второй за сегодняшний день.

Да, верно. Откуда они взялись, эти каждодневные толчки? Не было же раньше. Ну ладно, это мы потом, а сейчас не худо бы выяснить насчет того пилота, лучше поздно, чем слишком поздно. А что? Заказать полную информацию о пилотах высокого класса, затребованных Редутом за последние три-пять лет, и в особенности об их смежных специальностях... Допуска нет, не дадут. Еще доложат: суется старый пень не в свое дело, подозрительно... Разве что через Пикара? Круто он пошел в гору с тех пор, как я его вытащил, а сам небось думает, что выплыл без помощи Нуньеса, и в свои тридцать семь уже полковник службы информации с хорошими связями. Пряткий, как всякая сволочь. Что ж, напомнить не помешает, хотя, конечно, риск... Да что там риск, противно это, как ногой в дерьмо... а придется. Лучше ногой, чем мордой, тут и думать нечего. Как-нибудь оботремся.

– Дежурный! Соедините-ка меня с полковником Пикаром...

3

– Ого, – взгляд Чернова прилип к шкале индикатора, вшитого в рукав скафандра, – тридцать рентген в час. Здесь всегда так?

– Не всегда, – сказал Муттик. – Иногда больше. Скафандры держат. Ты смотри, смотри, как они его...

Глипт был еще жив. С полдесятка ложнокрылов уже обсели его, как москиты, завязнув бивнями в спинной броне. Остальные пока кружили высоко: были еще сыты позавчерашним зверем, оказавшимся на редкость упитанной тушей. Некоторые вообще не покинули верхушки скалы – торчали черными изваяниями, абсолютно неподвижные, и издали напоминали обыкновенных птиц с не в меру развитым клювом – вроде марабу. Не спешили. Глипт крутился на месте, как тяжелый танк с перебитой гусеницей, взрывал и явно не понимал, что с ним происходит. Он был стар. Он хотел жить, он и приполз, чтобы жить, – сюда, где растения-карлики, подступившие к осыпи, вырастают гигантами, а гиганты бессильно стелются по земле, он тащил свое тело прочь от пограничных постов, унося неразорвавшуюся противотанковую ракету, ушедшую в бок по самое сопло. Пожалуй, он еще мог бы спастись, повернув назад, но Симо знал, что глипт не повернет. Не догадается, тупорылый, не сообразит костным мозгом – а другого у него нет – и потому обречен стать частью Процесса, сырьем Процесса, углем в разгоревшейся топке. Третий – молодец, не подвел, зверь что надо. Больной, конечно, но ведь здоровый к радиоактивному горизонту не полезет. Вылечат его здесь, сей момент... Не зацепили бы ракету, вот что. Все-таки уму непостижимо, какая медленная тупость, какая косная животная сила толкает Процесс, выбрала Природа тех, кого не жалко. И ложнокрылы тоже тупы на редкость, летающие бронебойные тараны, что с них возьмешь – сыты они, видите ли, жрать не хотят. Чернов уже устал стоять, уже глядит понимающе, готовый принять извинения, – ничего, мол, в другой раз... «Ну давайте же! – мысленно взмолился Симо. – Ну, вниз, вниз... Все вместе! Хорошенько его!..»

Есть! Незабываемое зрелище, когда пикирует вся стая – словно россыпь управляемых бомб. Бивни вниз, отброшенные за ненадобностью крылья – кружащиеся лепестки, подхваченные ветром. Новые отрастут уже на земле, в считанные секунды. Ложнокрылы развивают в падении невероятную скорость; забавно смотреть, как они перестраиваются в воздухе, стараясь не помешать друг другу... Тук! Тук-тук! Тук-тук-тук-тук!.. Звук пулеметной очереди. Крррр... Так его!

Спина глипта лопнула в десяти местах разом. Брызнули фонтанчики синеватой жидкости. Глипт замычал, долго, мучительно... Он еще боролся, еще дышал... все слабее, слабее...

– Хм, – сказал Чернов. – Ты мне хотел показать именно это?

– И это тоже. Но самое интересное будет потом, когда съедят. Они быстро.

– А мы для них, случайно, не съедобны? – попробовал пошутить Чернов. На агонизирующего глипта он старался не смотреть.

– Ты натурализован? – спросил Симо.

– Дурацкий вопрос, извини. Да, конечно.

– Значит, съедобен. Но ты не беспокойся, нас они не тронут.

Глипт содрогнулся в последний раз и упал на брюхо. Сверху в него уже вгрызлись, когтистые лапы выдирали прочь обломки спинных щитков.

– А почему, собственно, они нас не тронут?

– Глупые...

Маленький ложнокрыл с обломанным бивнем прыгал возле самых ног, видимо, не решаясь приблизиться к туше. Квохтал что-то.

– Иди, иди, дурачок, – ласково сказал Симо, – туда иди, там всем хватит... Старый знакомый, – объяснил он Чернову. – Вздумал однажды спикировать на вездеход, сломал бивень. Он теперь пария, Джулия его подкармливает.

– Может быть, ты его отгонишь? – сказал Чернов. – Дрянь какая...

– Сам ты дрянь, – весело фыркнул Симо. – Гидролух ты, Борька, а не гидролог, красоты не понимаешь. Ладно, ладно, отгону, не мучься... Пшел! Пшел, дурачок! Фьють!..

Ложнокрыл запрыгал прочь – у туши глипта зачем-то сбросил крылья и мелко-мелко затряс головой – явно канючил. Глипт уже не был глиптом. Он был сочащейся пищей, огромным мясным складом, отданным на разграбление, вскипающей муравьиной кучей, потревоженной упавшей веточкой. Куча заметно оседала.

– Жрут, – сказал Чернов и прищелкнул пальцами. – Ты прав, на пленке это выглядит не столь гомерически. Но я думал, они умеют быстрее.

– Торопишься? – спросил Симо.

Чернов промолчал. Только переступил с ноги на ногу.

– Значит, торопишься...

Глипт исчез. Последним взлетел ложнокрыл с обломанным бивнем, тяжело покружился в небе, опробуя новые крылья, и наконец угнездился. На него квакнули, и он попятился к краю скалы. И почти сразу же из сельвы вышли вариадонты.

– Конвой, – объяснил Симо. Он всматривался, угадывая. Так... Четвертый, Первый и, естественно, Восьмой. А вон тот, кажется, Пятый. Свита более чем пышная – в честь Чернова. Но Третьего почему-то нет. Интересно, где Третий?

– Ну вот, смотри, как это бывает...

Останки глипта неторопливо шевелились. Удивительно мало оставляют после себя ложнокрылы: щитки панциря, кости, часть системы выделения и еще одно... Знать бы: зачем глипту этот орган? Туман. Мертвый зверь ничего не дал, а с живым глиптом в лаборатории не поэкспериментируешь, скорее он сам поэкспериментирует с лабораторией. Пока что по умозрительным построениям получается, что речь идет о древнем рудименте со странными свойствами, вроде способности к самостоятельному передвижению. Гм... когда не знают, как вписать работу непонятого органа в расхожие представления о метаболизме, обыкновенно списывают на рудиментарность. Одно ясно: не мозг. «Суборганизм икс»... Джулии это название почему-то не нравится, а Ахмет и вовсе позволил себе охарактеризовать уровень фантазии, доступный начальнику биостанции. Вольфганг, правда, промолчал. Он молодец.

Черный блестящий комок размером с голову человека, ритмично сокращаясь, полз точно к Восьмому. Пока все шло как обычно, Симо видел эту картину двадцать раз воочию и сотни – в записи. Теперь, притемнив забрало скафандра, он исподволь наблюдал за Черновым. Ничего... Ну, то есть, совсем ничего, никакой реакции. Можно подумать, что Чернову неинтересно. Стоит себе человек, смотрит на Процесс как на пустое место, как на осточертевший пейзаж в окне, но пейзажа не видит, а мучительно размышляет: куда же он, черт побери, подевал свои тапочки... А может быть, хоть на Чернова и не похоже, просто вспоминает последний толчок, содрогается внутренне, что вполне естественно, и думает о том, как бы поделикатнее унести отсюда ноги. Обидно.

Восьмой двинулся навстречу комку. Сначала медленно, потом все быстрее и быстрее, как два притягиваемых друг к другу магнита, и наконец последний стремительный рыбок... Чмок! Удивительно сочный звук соприкосновения. Черного комка не стало, и Восьмой замер. Теперь он стал немножко больше.

– Это – все? – спросил Чернов.

– Все, – разочарованно ответил Симо. – Прирос. Это шестнадцатый по счету, а всего нужно девятнадцать. Теперь он поползет на осыпь и будет часа два заряжаться, да и остальные

тоже, так что мы можем идти. Когда они едят, с ними без толку разговаривать – не ответят. Или, может быть, подождем?

– Ну-у... – с сомнением протянул Чернов, – вряд ли это интересно. И потом, я читал твои отчеты. Ты мне вот что скажи: ты всерьез полагаешь, что они разумны?

Ну вот, мрачно подумал Муттик. Опять начинается, в который уже раз. И кто – Борька Чернов!

– Ты же читал мои отчеты...

– Мало ли, что я читал.

– Они немножко больше, чем разумны, – сказал Симо, сдерживаясь. – Они мудры. Мудры, как дети, если это не смешно звучит. В сущности, они и есть дети. Редкие, гениальные дети, феноменальные младенцы. Ты видел рождение, поздравляю.

– Это не похоже на рождение, – сказал Чернов. – Это похоже на басню с моралью. Чтобы стать мудрым, необходимо, чтобы тебя съели. И даже не один раз. Так?

Пришлось улыбнуться:

– Ну... примерно.

– Спасибо, что показал. В последний раз ведь.

Симо похолодел.

– В последний, в последний, – кивнул Чернов. – Станцию будем эвакуировать. Ну что, двинулись?

Двинулись. Красный столбик на индикаторе радиоактивности потихоньку пополз вниз. Одиночные камни, вывернувшиеся из-под ног, неторопливо скатывались по осыпи. Симо плелся сзади, стараясь не смотреть на мелькающую перед глазами начищенную оскафандренную спину – зря старался Ахмет. Зря молчал как убитый, терпел и только кивал, поддакивая, зря старалась Джулия, зря Вольфганг тяжеловесно пытался услужить. Все впустую, болотному гаду под панцирный хвост. Не тот Чернов, совсем не тот, что лез в пекло на Юнии, и даже не тот, каким был на Капле. Начальство. Молодое, еще горячее начальство, не без спеси, любит принимать решения даже там, где это не обязательно. Попирает землю, человеке. К тому же спасатель по натуре: на Капле спас и теперь тоже тщится, а когда спасаемый упирается и намерен утонуть, его глушат кулаком по темени и выволакивают на берег за волосы, это всем известно. Веди себя смирно, выполняй, что приказано, сам не тони, пока не топят, и не вовлекай подчиненных. Уяснил?

Нет.

Ну, тогда заставим...

Капля, Капля... Симо на ходу помотал головой, отгоняя видение. Стойкий сюжет ночных кошмаров: разьедаемый тонуций плот, жгучие брызги, слетающие с таранящих волн, плевки едкой пены, и горизонт горит – что там может гореть?! – а вокруг только океан, зеленые воды, наполненные жизнью до самого центра планеты, и где-то там, уверенно и неотвратимо, наматывая на винты чужую жизнь, идет к цели ядерная торпеда, наделенная искусственным интеллектом... Симо еще поморгал, и видение пропало.

– Зря ты меня тогда вытащил, вот что.

– А? – Чернов обернулся. Симо догнал, пошел рядом.

– Борька, – хрипло попросил он. – Давай так: ты меня не видел, а? Не нашел, не долетел, не передал. Гукнулся в сельву, застрял, пришлось вернуться. Годится?

Чернов натянуто улыбнулся. Покачал головой.

– Раньше надо было думать, Симка. Теперь поздно. Не сегодня завтра здесь будет полно северян. Это их территория.

– Нет, – сказал Симо. – Это не их территория. Это вон чья территория, – он показал через плечо. – Только их и ничья иная. Это единственное место на планете, где возможен Процесс,

и ты это понимаешь не хуже меня. Где ты еще видел превращение неразумного в разумное? Вот и не увидишь нигде через несколько дней, голову даю на отсечение...

– Это почему не увижу? – спросил Чернов.

– Убьют их, вот почему! – не выдержал Симо.

– Ну-ну. Вот так сразу и убьют... – Чернов поморщился. – А зачем их, собственно говоря, кому-то убивать? Чепуха. Пошлем от Академии официальное обращение к правительству Редута. В связи с исключительной научной ценностью... ну и так далее. Я добьюсь. Слово.

– Подотрутся они твоим обращением, – сказал Симо. – Каплю забыл?

– Ну, Капля – это аномалия. Когда начинают делить жидкую планету...

– Когда начинают делить твердую, бывает то же самое. А мы тут... «В связи с исключительной научной ценностью...» – Симо фыркнул. – Мне вообще последнее время кажется, что в Академии разучились думать. Никак не могут понять, что вариадонты ценны сами по себе, а вовсе не потому, что мы ими интересуемся. Да не очень-то и интересуемся, право слово.

Чернов поднял бровь, молчал. Симо отвернулся, скрывая злость. Надо же, как смотрит, ждет, что подчиненный сам поймет неуместность своих слов... Не дождется.

– Академия занимается вопросами комплексного освоения планеты, – заговорил наконец Чернов. – Освоения, заметь, это существенный момент. А не наоборот. Ты что намерен предложить, только без соплей, – заповедник?

Симо махнул рукой:

– Не мечтаю. Тут Редут устроит заповедник... Но хотя бы... Борька, я прошу тебя, ты же можешь... Сохрани мне станцию, больше мне ничего не надо, только станцию...

– Вот эту? – показал Чернов. Развалины вагончика были уже видны вполне отчетливо. В развалинах копошились три крошечные фигурки, издали было не разобрать, где кто. Пытались что-то спасти.

– Станция – это не вагончики, – возразил Симо. – Станция – это люди. Люди, делающие свое дело и готовые делать его впредь. Нормальные люди.

– Вот-вот, – сказал Чернов. – Значит, ты, сам нормальный, хочешь рискнуть своими нормальными для того, чтобы уберечь этих твоих... как их...

– Вариадонтов.

– Вот именно, вариадонтов. Прикрыть, значит, телом, причем не только своим... молодец! Да ты хотя бы представляешь себе, что здесь будет твориться в тот момент, когда тоннель выйдет наружу?

– Нет, – зло сказал Симо. – Не представляю. А что здесь будет твориться?

– Сдохнешь, идиот! Если тебе на себя наплевать, то мне нет. И ставить Академию, да что там – всю Межзону в дурацкое положение я тебе не позволю. И мне не позволят. Понял?

– Значит, нет? – спросил Симо. – Значит, никакой надежды?

– Ее и не было, – сказал Чернов. – Я тебя, кажется, не обнадеживал.

Верно. Симо почувствовал себя опустошенным. Не обнадеживал. Сейчас придем, Чернов скажет: «Мы сюда еще вернемся», – и все поймут, что это ложь и что мы не вернемся сюда никогда. Почему же он ничего не понял, Чернов? Ведь понял же тот пилот, а уж на что, кажется, заурядный малый... Может быть, Чернов испугался? Может быть, дошел своим умом, какие для кого-то откроются возможности, если гипотеза верна и восемь вариадонтов, как только будет готов Восьмой, сольются в единый сверхорганизм-супермозг? Ужаснулся, замалхал руками: не хочу, мол, не надо... А может быть, просто дорожит своим местом – чем же еще и дорожить, когда жизнь привычно вне опасности? Нормальный человек, налицо нормальная логика...

– Ну вот что, Борька, – Симо прибавил шагу, оглянулся через плечо, – имей в виду: я отсюда никуда не лечу. Никуда, ты меня понял?

Томмазо Матрелли. Александр Шабан. Юзеф Рыкульский. Рэндолф Дитц. Нуньес механически помассировал шею, стряхнул с ладони капли пота. Кто-то из них, из этой четверки... Кто? Все четверо пилоты класса «ультра-плюс», рассматривать иные уровни не имеет смысла, и все четверо в июне девяносто первого находились в Редуте. Кто же? Так... первого и четвертого можно отбросить: нет побочных специальностей, пилоты как пилоты, не более. Гм... Матрелли – дипломированный инструктор по прыжкам с планирующей доской... Ну, пусть себе прыгает. Не то.

Нуньес отложил два листка на край стола, взял два оставшихся. Его не покидало предчувствие удачи. Рыкульский и Шабан, теперь один из двоих. Кто?

Юзеф Рыкульский, двадцати девяти лет. Так. Очень подходящий возраст: рефлексy еще не притуплены, мышление конкретное. Прекрасные аттестации. Долгосрочный контракт с Редутом. Ладно. Что еще? Ага, образование: Северо-Западный Центр земных ВС, одиннадцатый в выпуске 88 года. До этого: Технологический колледж в Ванкувере, полный курс. Неплохо... На этом можно было бы построить немало предположений, если бы не одно обстоятельство: пилот Юзеф Рыкульский прибыл в Редут 2 июня 91 года Лиги, за 6 дней до полета флайдарга-нарушителя... Нуньес наморщил лоб. Нет, чепуха, не получается по времени, за такой срок сколько-нибудь серьезно подготовить акцию невозможно. Или, лучше сказать, сомнительно. Как-то удивительно несерьезно это выглядит: поручить сверхсложный полет малознакомому новичку, заведомо плохо знающему местные условия... Нет, не то.

Третий листок лег поверх первых двух. Осталась последняя кандидатура: Александр Шабан, тридцати трех лет, в Редуте с сентября 90 года, трехгодичный контракт. И значит, он еще здесь, на Прокне, и еще долго будет здесь, знаем мы эти трехгодичные... Нуньес усмехнулся. А вот самое удивительное: о пилоте Шабане в контракте ни единого слова, оговоренная работа – геологоразведка. Это как понимать? Редут послал в Межзону липовую копию? Вряд ли, причины не усматриваются. Гм... Ладно, еще раз... Так. Кадетская школа с младых ногтей, затем опять-таки Северо-Западный Центр, четвертый в выпуске 83 года... Ого! Пилот «ультра-плюс», без натяжки. Так. Служба... Вот оно: авария, разлом центроплана пилотируемой машины. Что ж, бывает... Результаты церебрального анализа: страдает синдромом Клоцци в скрытой форме, к несению службы непригоден. Отставка – 86 год. Гм, Клоцци, Клоцци... Ага, есть сноска: «Синдром К. – стойкое психическое состояние, при к-м больной не в состоянии на сколько-нибудь длительный срок подавить мыслительный процесс. Неизлечим. Для Прокна-натурализованных временный эффект дает применение психотропных препаратов группы СТ-гамма...»

Нуньес сочувственно кивнул. Понятно, отчего флайдарт развалился в воздухе: он же с церебрууправлением. На карьере пилота с синдромом Клоцци можно ставить жирный крест. Так, а чем этот клоццанутый занимался после отставки? Гм... пробелы. Неопределенный род занятий – по 87 год. Далее: Скандинавия, Берген. Курс петрографии с упором на разведку редких и рассеянных элементов... Очень хорошо. Участие в экспедициях: Антарктический горст, кратер Тихо... Просто замечательно. Контракт с северянами через их представительство на Земле. В Редуте: краткосрочные курсы разведчиков и (предположительно) начальная ступень школы выживания. Прекрасно.

Нуньес встал, заходил по комнате. Теперь он знал ответ. Ай да северяне! Два года темнить и отмалчиваться, скрывать то, что, казалось бы, скрыть невозможно... Понятно, зачем им понадобился пилот со специальностью геологоразведчика, и понятно, почему они не воспользовались официальным каналом – через Межзону. Конечно, не велика премудрость геологическая съемка, можно подучить любого, но специалист все же предпочтительнее, пусть даже

накормленный психотропной дрянью. С толчками тоже все ясно: направленные ядерные мини-заряды, ускоренный метод. А не маленькое, видно, месторождение на этой стороне, повезло Редуту... Впрочем, Редуту ли еще?

Завершал распылитель, принимая в утробу четыре листка. Информация, конечно, открытая, хотя и не подлежащая, иной от Пикара не получишь, но все-таки... Нуньес ткнул пальцем в клавишу:

– Кхм... Дежурный, есть что-нибудь новое?

– Да, господин полковник. Вакцину привезли, сейчас начинаем.

Нуньес прокашлялся. Сплюнул в платок.

– Вакцинацию отставить... э-э... до особого распоряжения. На завтра десять ноль-ноль назначаю учение по отражению массированного воздушного нападения со стороны вероятного противника. Буду присутствовать лично. Передайте Нильсену, пусть приведет в порядок имитатор. И чтобы никаких регламентных работ, вы меня поняли? Никаких.

– Будет исполнено, господин полковник. Еще что-нибудь?

На этот раз «еще что-нибудь» Нуньес пропустил мимо ушей.

– Дежурный... – Он помолчал. – Что вы думаете насчет этих... толчков?

– Северяне долбят тоннель, господин полковник. Это все знают.

– Откуда?

Неопределенное мычание – на другом конце провода дежурный прикусил язык. Нуньес дал отбой, хмыкнул. Век живи, век учишься... а толку? Во всяком случае, уже ясно, какого тона придерживаться в отчете. Закончить и отправить непременно сегодня: когда начнутся боевые действия, будет поздно. Границе конец. Какой бы крен ни приняли события, границы здесь уже не будет. Как это поется: «Вперед, линейная пехота, вперед сквозь огонь...» Господи, с чем же там рифмуется «огнь»? Надо же, забыл. Ну и ладно... Нуньес почувствовал прилив сил, захотелось расправить плечи. Рано в отставку, рано. Конечно, о линейной пехоте пора забыть, но и на оперативно-штабной работе потребуются офицеры с опытом службы в местных условиях...

А почему бы, собственно, и нет?

5

С борта грузовой платформы Симо наблюдал за погрузкой. Грузить было особенно нечего. Низко над сельвой, крутятся, шла вихревая туча, похожая на спиральную галактику с четырьмя ветвями. Мини-гайфунчик, сигнальная ракета перед хорошей атакой.

– Скорее, вы, там! Ливень идет.

Вольфганг, красный от натуги, протолкнул в грузовой люк холодильник с образцами флоры.

– Готово.

– А скафандры? – спросил Симо. – Скафандры взял?

– Так мы же вернемся...

Верно... Симо кисло улыбнулся, кивнул. Конечно, вернемся... завтра. Ну, послезавтра. Что я им буду послезавтра врать, подумал он в отчаянии. Что? Прибегут – растерянные, обманутые... И самым ужасным, отчего захочется закрыть лицо, будет уверенность ребят в том, что я точно так же был обманут; они не позволят себе думать иначе, даже Ахмет. Блажен, кто верует. Чернов тоже верует в то, что сделает все возможное для того, чтобы двое-трое из нас вернулись из Межзоны со статусом наблюдателей, и господи, как же мне хочется в это поверить... этим он всех и купил. Но мы не вернемся. Чернов дал себя уговорить, уже сейчас, должно быть, прикидывает, какие пружины нажать, с кем переговорить в первую очередь, с кем во вторую и какие выбрать слова, – он действительно сделает все возможное. Но когда

явно, голо, грубо встанет вопрос, кого ему спасать: вонючих вариадонтов или старого, хотя и заблуждающегося, друга, можно не сомневаться, кого он выберет... И мы не вернемся.

– Там опять Третий... – сказал Вольфганг. – Стоит и ждет вас.

– А сам что же? – Симо постарался не встретиться с Вольфгангом взглядом.

– Он не хочет говорить со мной. Он хочет говорить с вами.

Из бокового люка высунулся Ахмет. Прислушивался с интересом.

– Скажи ему... – по лицу Симо прошла судорога. Он ощутил неожиданную злость: какого черта... Мало для них сделали? – Скажи ему, что меня нет дома, что ли...

Взлететь успели до ливня.

Глава 1

Лысый. Противно смотреть. Такой лысый, что выть хочется, и мало радости, что не уникален. Сзади еще кое-что есть, жаль, под шлемом не видно, но спереди лыс, как глобус. Нет, если набычиться и наклонить голову, то можно разглядеть, что и на темечке не совсем гладок, осталось еще, хоть и прорежено. Можно даже поднатужиться и вообразить, что обзавелся всего-то благородными залысынами, но поди попробуй заставить поднатужиться окружающих – всем видно, что не залысины вовсе, а натуральная плешь. Плюс на минус дает минус: плешь благородной быть никак не может. Даже не одна, а две плещи, и обе умеют за себя постоять, обходят центральный оазис, норовя сойтись на затылке. Противно. Пора бы уже привыкнуть, но все равно – противно. И за что? Дурацкий вопрос, между прочим. Значит, так надо, так уж получилось, а ты терпи и не комплексуй. Работа у тебя есть, и не ври, что неинтересная, быт устроен, Лиза у тебя есть, чего же больше? Нет, еще и волос хочется, будто Лизе не все равно, и еще чтобы росточек был побольше, а вид помужественней, чтобы, значит, гипотетические девочки не воротили носы... Дурак ты, человек, бывший сапиенс, не видишь ты счастья своего, мимо чешешь и еще рычишь на тех, кто поправляет. Так и пропрешь мимо.

Шабан сидел на уступе торчащей из снега остроконечной глыбы, с наслаждением вытянув гудящие от долгого подъема ноги, и смотрелся в нарукавное зеркальце, потому что больше делать было нечего. Пока поднимались, прояснилось, низовой ветер отогнал облако в долину, и теперь стали отчетливо видны изломанные пики хребта Турковского, забытые снегом ущелья, белые шапки далеких вершин и крутые, не удерживающие снега склоны.

– Как думаете, на какой мы высоте? – спросил Роджер.

– Тысячи четыре, – лениво ответил Шабан. – Может быть, четыре сто – сто пятьдесят. Не больше. Для такой высоты очень хорошая видимость. Обычно здесь всегда туман.

– Вершины какие-то нереальные, – сообщил Роджер. – Как в мультфильме. И не приблизились совсем. То же самое, что и с равнины.

Шабан хмыкнул. В их работе Роджер был новичком и к горам относился с восторженной обидой. Все хорошо, и все плохо. Устал, зато вокруг красиво. Красиво, но снег пошел. Заблудились, зато уронили в снег и потеряли спасательный буй и запасную батарею к геолокатору – пять килограммов с плеч долой! Кнут и пряник. Теперь вот видны все восемь главных вершин, зато опять издалека, – у Роджера в голосе комбинация восторга и обиды.

– Предположим, нам будут сбрасывать еду и батарейки – за сколько дней мы дойдем до гребня?

Шабан поковырял ногой снег, раздумывая: отвечать – не отвечать? Вопрос был дурацким даже для новичка.

– Ни за сколько. Если даже не уьемся на стенах, то просто замерзнем.

– В хитинах?

– Там не поможет. Один дождь тысячах на шести – и часа не протянем.

Было видно, как за стеклом шлема Роджер обиженно заморгал. Справа вставал мало заснеженный Срединный гребень, выставив над собой, словно зубы, острые, пятнадцатикилометровой высоты пики. Где-то еще правее, отсюда не видно, должен быть тот перевал, который он, Шабан, одолел два года назад, – не пешком, конечно. Пешком никому не одолеть.

Он пошевелился, проверяя, не примерз ли хитин к камню. Нет, не примерз. В ногах, полузакопанный в снег, работал геолокатор, отмечая пискотворными поворотами луча. Сколько еще? Пожалуй, минуты две-три. Пора, засиделись. И ветер подымается. С чего бы? Ага, значит, с долины пойдет верховой поток, погонит облако обратно.

– Я еще хотел спросить, – сказал Роджер. – Правда, что по ту сторону можно дышать без фильтра?

– Врут.

– Говорят еще, что убегунов там нет.

– Помолчал бы лучше, а? Дай отдохнуть. Нету там убегунов, – с раздражением сказал Шабан. – И не топчись, пока локатор работает.

– Так ведь снег, снег-то амортизирует, – возразил Роджер, но топтаться перестал. Стоял, молча смотрел на Шабана. А Шабан, злясь, подумал, что при всех своих несомненных достоинствах Роджер бывает труднопереносим: вечный вид по форме «чего изволите», нескончаемые вопросы типа тех, что задают – и совершенно напрасно – учителям на переменах примерные ученики, – не для того, чтобы что-то выведать, а просто чтобы понравиться, – и неистребимое, на лице написанное желание иметь наставника, такого, как Шабан, а ему, Шабану, менторский вид уже ох как надоел. Вот если бы остался Менигон...

Запищал в снегу локатор, вытолкнул из себя пластиковый листок. Шабан перехватил вопросительный взгляд Роджера.

– Давай, давай сам, – сказал он. – Посмотрим, чему тебя учили.

Роджер долго разглядывал картинку.

– Ну?

– Значит, так, – неуверенно сказал Роджер. – Значит, разрез по азимуту сорок четыре и пять, шириной раскрыва девять градусов. Осадочные и метаморфические породы. На глубине два семьсот – три... три двести – пегматит. Жилы мелкие, интереса для разработки не представляют. Потом гранит и... и...

– Все? – спросил Шабан.

– Вот тут, с краю, выгиб. Возможно, недалеко закрытый магматический очажок. Небольшой.

– Так, – сказал Шабан, разглядывая разрез. – А что прямо под нами?

– Осадочные породы. Доломит, а вот тут, кажется, известняк.

– Правильно. А это что за жила?

– Не знаю, – насупился Роджер. – Глубоко, нечетко получилось.

– Это ринколит. Жилка идет по старому разлому из радиоактивного горизонта. Сплошные редкие земли. Но, в общем, ты прав, разрабатывать ее никто не станет. Все. Собирай вещи, мы возвращаемся.

Заелись, подумал Шабан, засовывая пластик в карман – для архива. На Земле открытие такой жилы считалось бы событием, за право разработки боролись бы умно и жестоко, даром что мир и консолидация, и не дай бог, если бы ее открыли где-нибудь в приграничной полосе. А парень-то ничего, разбирается. Научится обходиться без няньки – будет разведчиком. Не будет, вдруг подумал Шабан. Теперь уже не будет. Тоннель не даст. Год назад еще мог бы, а теперь нет, поздно.

– Шевелись, шевелись живее...

Роджер споткнулся обо что-то круглое, поддел ногой.

– Смотрите! Череп.

Шабан нехотя повернул голову. Череп лежал на боку и совсем не тарачил пустые глазницы, потому что был забит снегом. Очень спокойный, мирный череп.

– А вы еще говорили, что мы первые в этом ущелье, – с обидой сказал Роджер. – Здесь уже были люди, сами видите... Один даже помер.

– Это не человек помер, – терпеливо объяснил Шабан. – Это убегун помер. Видишь гребневое кольцо ниже затылка? Тупиковая ветвь.

– А-а... Я возьму на память, можно?

– Еще чего...

Снежная крупка, поднятая порывом ветра, пробарабанила по стеклу шлема. Роджер бросил упаковывать локатор и поднялся, отряхиваясь.

– Ты готов? – спросил Шабан.

– Нет еще, – Роджер всматривался в ледник, замыкающий верхний конец ущелья. – Не пойму, откуда взялся ветер. Только что его не было.

Шабан, кряхтя, встал, силой повернул его лицом к долине.

– Не туда смотришь. Смотри на облако, запоминай, как это бывает.

Пухло разрастаясь, облако ползло вверх по склону долины, обволакивая белым скальные стены, затопляя боковые ущелья, словно кашей, рыхлыми клубами тумана. Темная подошва тучи неспешно текла совсем низко над склоном, слоистая облачная верхушка вытягивала вперед короткие языки. Снежные шапки на далеких вершинах потускнели. Бесшумно и как-то неожиданно верхняя часть облака начала быстро подниматься, выбрасывая белый купол выше скальных стен, пока на спине тучи не вырос гигантский клубящийся гриб, и новое облако, втянув в себя ножку гриба, поплыло, быстро обгоняя ползущую внизу тяжелую тучу.

Шабан выдернул наконец из локатора примерзший разъем питания. Работая руками, выкопал из снега, убрал в заплечный контейнер увесистую батарею. Поднявшись с корточек, посмотрел вниз, туда, где вползала в ущелье рыхлая серая масса.

– Ага, – сказал он. – Уже разделилось. Иногда это бывает очень красиво, но все же лучше держаться от этого подальше. Твой «ишак» еще дышит?

– Так серьезно? – удивился Роджер. Сберегая батареи, «ишаками» пользовались редко. – А что будет?

– Все по очереди. Облако разделилось на две фракции: водяную и аммиачную. Та, что наверху, – аммиачная. Она идет быстрее – там, наверху, сильнее ветер – и через полчаса будет здесь. Тогда пойдет аммиачный дождь, потом дождь с мелким твердым снегом, потом один снег, уже обыкновенный. Хорошо бы все это увидеть уже из вездехода. Ты готов? Тогда пошли.

На ходу, отодвинув пластинку на рукаве, он включил «ишака». «Я здесь. Я помогу», – шепнуло в шлеме, и идти сразу стало легко: «ишак», улавливая малейшие движения мышц, ловко задвигал скрытой арматурой хитина. Включить его можно было и голосом, произнеся кодовое слово, – на случай если покалечишься или обморозишь руки и не сможешь дотянуться до заветной пластинки. Шабан знал, что Хромец Гийом, к примеру, одолел со сломанной ступней весь кошмарный спуск с гребня Чертовой Пилы и ему повезло: слабенький сигнал о помощи был случайно принят патрульным вертолетом, когда батарея «ишака» уже исчерпала себя полностью. Бывало, «ишак» подсказывал наиболее выгодный в данной ситуации режим движения, следил за самочувствием хозяина, служил справочником и переводчиком, держа в памяти до тридцати языков. Вариант для Прокны имел к тому же одностороннюю приставку-преобразователь «мимика – речь» для общения с убегунами. В целом, достаточный набор удобств для землеподобных планет, если, конечно, не забираться в горы. Потом как-то вдруг заговорили об успешных испытаниях высокогорного сервоскафандра, и что месяцев через пять-шесть... Вот-вот, подумал Шабан. Как раз тогда-то он уже никому не будет нужен. И вообще, горная разведка прекратится на несколько лет как минимум. Может быть, сегоднешний выход для нас последний, а там месяц-другой – и улечу на Землю, стану экспертом... как Менигон. Буду работать в чистом кабинете, давить подчиненных авторитетом первопроходца... И ладно.

Они обошли торчащую из снега скалу, похожую на каменный клык, пораженный кариесом. В «дупло» набилось ледяное крошево. Вокруг клыка снег был глубок и рыхл, следы замело, и пришлось идти медленно, высоко, по-журавлиному поднимая ноги, иначе, если грести ботами снег, «ишак» этого не поймет и спровоцирует падение. А время дорого. Выйдя на твердое место, пошли быстрее, и Шабан порадовался тому, что на подъеме сохранил батарею свежей. Терпел сам и парня заставил, и теперь уже ничего не случится.

Он поднял глаза и присвистнул: облако было уже почти над ними. Теперь оно было охвачено бурным движением, словно кто-то наверху помешивал пену, как при большой стирке.

Адская кухня. Казалось, туча опускается прямо на них, как осьминог на краба, уверенный в том, что жертва не уйдет. Опоздаем, прикинул Шабан. Но чуть-чуть, не так уж и страшно. А парню будет только полезно.

Сзади топал Роджер, совсем близко. «Пятки отдавишь!» – буркнул Шабан через плечо.

– Так это не я, – возразил Роджер. – Это «ишак» старается, а у меня просто шаг шире, потому что я выше, – я виноват, что у меня шаг шире?

Вездеход был уже виден, когда вдруг пронесся и стих ветер и первые капли чистого аммиака зачмокали по лежалому снегу, с шипением вскипели на шлемах. Роджер, споткнувшись, остановился, недоуменно завертел головой. Вот теперь пора, решил Шабан. Он знал, что сейчас будет.

– Бросай локатор! – крикнул он. – Бежим! Да брось же!..

Локатор шлепнулся в снег рядом с брошенной батареей.

– Говорят, в Межзоне есть перевалы всего в семь тысяч высотой, – уже на бегу крикнул Роджер.

– Чуть говорят. – И Шабан побежал в полную силу.

Туча, не разродившись молнией, громыхнула вхолостую, и сейчас же в землю, в снег, в скалы ударили мощные, хлесткие струи. Под ливнем, окутанные шипящими клубами пара, прыгая через снежные бугры, бежали к вездеходу две человеческие фигуры.

– Райский уют, – сказал Роджер, когда люк вездехода отделил их от ливня и система обеззараживания, прокачав через себя воздух, позволила снять шлемы. – В сущности, много ли человеку надо? Да, а как там локатор, под дождем не испортится?

– Ничего ему не будет, – сказал Шабан, стаскивая хитин через голову. – Потом подберем. Отдыхай пока и помолчи, если умеешь. Лучше всего ложись.

Он устроился на передних сиденьях, затолкнув ноги под рулевую колонку. Позади зашипело: Роджер поливал свои сиденья пенящейся струей из флакона. Рыхлая пузырящаяся масса вспучивалась, невероятно увеличиваясь в объеме, попыталась было сползти на пол, но Роджер, подхватив убегающую пену рукой в перчатке, вернул ее на место. Через минуту, попробовав пальцем постель, он издал громкий торжествующий вздох и рухнул спиной в мягкую снежно-белую перину.

– Здорово, – с завистью сказал Шабан. – Новинка?

– Старье. Но мне говорили, что на Прокне этого не достать.

– Еще бы. Такого здесь и в глаза не видели.

– Если хотите, могу уступить пару флаконов, – охотно отозвался Роджер. – Это недорого.

– Ладно, – сказал Шабан. – Подумаю.

Лежать было блаженством. В теле ходили сладкие токи, будто сок в молодом дереве, когда в лесу – в земном лесу – исчезает набрякший серый снег и в первом дуновении тепла лес оживает – еще не всплеском цветения, не яростным порывом листьев, ломающих оболочки почек, а тихой радостью обновления жизни, мудростью внутреннего перевоплощения в ожидании близких перемен. Зачем? А надо так, и глуп тот, кто спрашивает. Не надо спрашивать. Шабан любил такие минуты. Он наслаждался, созерцательно ощущая, как сладко согревается кожа и растворяется в блаженстве усталость, а тело, лишенное хитиновой удавки, вот-вот готово взлететь, не то что у Роджера, который утонул в своей перине, как начинка в пироге, и воображает, что отдыхает. Господи, лежать бы тут и лежать, подумал он. Жаль, спать нельзя прямо сразу, но это ничего, это успеем.

Оба почувствовали толчок снизу, вездеход заметно дернулся. Снаружи донесся ухающий грохот: должно быть, недалеко сходила лавина.

– Вот-вот, – сказал Шабан. – Вот всегда так. Если перекроет дорогу, нам отсюда до ночи не выбраться.

– Землетрясение или взрыв? – Роджер даже привстал.

– Очередной взрыв в тоннеле. Пожалуй, километрах в девяноста – ста отсюда. Естественно, без оповещения. На Прокне всегда так, а в Редуте в особенности: сначала сделают, потом, может быть, предупредят.

– Это как же, – загорячился Роджер. – Ведь там должны были знать, что мы-то здесь!

– Должны, – лениво ответил Шабан. – Но, во-первых, нам уже давно пора быть на равнине, во-вторых, расстояние все же большое: видишь, сошла только одна лавина. В-третьих, кто мы с тобой такие?

– Ну и ну, – сказал Роджер. – По-моему, хамство.

– Нет, – возразил Шабан. – Стиль работы.

Улыбаясь, он проследил смену выражений на лице напарника, всю последовательность: от недоумения до обиды на всех и вся. Новичок... Ну-ну, мальчуган, ерунда все это, забудь, много тебе еще разной ерунды встретится, успевай только отмахиваться. Вот застрянешь на Прокне после стажировки лет, скажем, на пять, да хотя бы и на год – вот это будет уже не ерунда. Прошел натурализацию – теперь терпи. Для начала предложат полуторный оклад. Потом заявят, что «Юкон» – грузовой корабль и совсем не полагается возить на нем пассажиров, да и места все равно нет. Потом придумают что-нибудь еще, это несложно. А пока что ж, лавина-то, кажется, упала выше нас по ущелью, может быть, на том самом месте, где нас застал дождь, – радуйся, парень, своей удаче, радуйся тому, что впереди у тебя больше, чем у меня, а еще тому, что ох как многого ты еще не понимаешь. А понять бы главное: за что мы, люди, так безжалостно терзаем несчастную обитаемую планету, словно завтра ее у нас отберут, как отбирают в наказание игрушку у провинившегося ребенка? Вселенский абордаж, говорил Менигон. Накинулись: лежит – бери. Глубоко лежит – копай, а еще лучше заставь копать кого-нибудь другого и опять-таки бери, пока еще есть. А ведь есть еще, за три Нашествия не вычерпан даже верхний слой, разведка из года в год устойчиво приносит избыточные результаты. Нужно ли? Премияльные убеждают, что нужно. Поздняков говорит, что это наш долг... соберет у себя разведчиков и говорит... Наш долг – служить Редуту и, в конечном счете, всему человечеству... зачем воротите морду, вы, там! Слушайте. Он прав. Приятно чувствовать себя человеком, выполняющим свой долг, это поднимает в собственных глазах, если не в глазах окружающих. Попробуйте опровергнуть. За голые премияльные не полезешь туда, где можно свернуть себе шею и не добудешь результатов, а значит, какой же ты к дьяволу разведчик? И жаль людей, которые перестали понимать, в чем состоит их долг. Себя, например, жаль...

Было слышно, как Роджер ворочается, устраиваясь поудобнее. «Рано, – подумал Шабан. – Вот сейчас и начнется...» Он почувствовал легкий озноб, неприятная волна прошла в глубине тела и растеклась по коже мелкими мурашками. Морщась, он сел, достал из багажной ниши два спальных мешка, один оставил себе, другой перебросил через спинку сиденья на голову Роджеру. Потом подумал, вытащил теплый свитер и кинул туда же.

– Это зачем? – спросил Роджер, сгребая вещи. – Жарко же.

– Скоро тебе не будет жарко, – сказал Шабан. – Зато запомнишь, что такое аммиачный дождь. Устраивайся там у себя, главное – потеплее.

Он потянулся застегнуть свой спальный мешок, и тут его самого начало бить крупной судорожной дрожью.

– В-в-в-в-в-в... – сказал из своего мешка Роджер.

Спальник позволил свернуться калачиком. У Менигона с его ростом это никогда не получалось, вспомнил сквозь дрожь Шабан. Он был немного фаталистом, этот Менигон. Считал озноб законной компенсацией за первые минуты наслаждения теплом и покоем. Ничего, скоро пройдет. Может быть, это вообще в последний раз: со дня на день тоннель должен выйти по ту сторону хребта, и тогда вся разведка будет там, в тепле и солнечном свете. Потом там начнут

рубить шахты... нет, об этом лучше не думать. Что это там? Кажется, еще одна лавина. Ниже нас. Скверно.

Он закрыл глаза. Было слышно, как шумит снаружи дождь, лупит по крыше вскипающими каплями, и урчат струи в большой промоине под днищем, шлифуют камешки, перетирают в песок рыхлую породу, а дождь сильный, не каждый день такой бывает. И хорошо, что не каждый день, и лучше бы его вообще не было в природе, а держать его специально для туристов, если когда-нибудь сюда заявятся туристы. Организовать им спасательные пункты на перевалах, санбернаров для спасения обмороженных людей и людей, чтобы спасти обмороженных санбернаров, а в долине построить больницу и лечить там пневмонию и увечья. Отбоя не будет.

«А кто такие вариадонты?» – спросить бы их. «Не зна-а-ем, – зевнут. – Были вроде бы такие... вымершие». Вот-вот, вымершие. Черта с два меня здесь удержишь после срока, подумал он, засыпая. Обойдетесь без Шабана, голубчики хомо аммоникусы, мать вашу, слово «сапиенс» никто и не вспомнит, и получается, что вы – двуногие без перьев и с плоскими ногтями. Платон. Кстати, убегун прекрасно подходит под это определение. Человечество Прокны, герои Третьего Нашествия – какие славные слова! Поздняков без них жить не может. Не дурак ведь, а талдычит, как попка: хорошо честно выполнять свою работу и плохо нюхать ползучий гриб... Ладно. Хорошо жить с женой или моделью и плохо, совсем никуда не годится, меняться моделями с друзьями-приятелями... Согласен, а что дальше? Не знаю. И никто не знает, даже Менигон, и спросить не у кого...

Ненадолго он увидел Лизу, улыбающуюся и почему-то одетую в форменный хитин. Потом Лиза исчезла и под закрытые веки заполз говорящий енот с голосом Хромца Гийома. Он сидел верхом на натурализационной камере и дразнился полосатым хвостом. «Чего тебе?» – изумленно спросил Шабан. «Псих! Псих, псих, псих, псих! – зачихал енот и почистил лапу о лапу. – Пси-и-их! С-с-согласси-и-илс! Три го-о-о-да!.. – Енот зевнул и протер морду. – Котя хоро-о-о-ший. Хороший пси-и-их!» – и енот опять показал хвост. Пошел ты, рассердился Шабан и, заморгав, выгнал енота вон. Умник. Попробовал бы сам не согласиться, когда туп по молодости и еще хочется посмотреть мир и выбиться в люди. Молчал бы уж...

... – Здравствуйте... Да вы садитесь, садитесь. Вот сюда. Ведь ваша фамилия Йоити, верно? А моя фамилия Поздняков, я начальник геологической службы Редута. Будем работать вместе, не так ли?.. Да не стойте, садитесь же. У вас семья есть? Ну что ж, это даже к лучшему, эти проблемы мы решаем своими силами, постараемся и вам помочь, не глотать же вам либидоид... – Поздняков вдруг уставился прямо на Шабана. – Э, постойте-ка... Ведь ваша фамилия не Йоити, я не ошибаюсь? Ведь вас зовут Александр Шабан, то-то гляжу, на азиата вы мало похожи... ну да, точно. Тут на вас была какая-то информация... Вы ведь пилот?

– Нет, – сказал Шабан. – Не пилот. Впрочем, был когда-то.

– И прекрасно. Как вы посмотрите на то, чтобы, после соответствующей подготовки, разумеется, совершить один-два полета? Подумайте.

Что тут думать... Шабан дернул щечкой. Вечно перед глазами, вечно: высотный полет, восхитительное чувство слияния с машиной, и он умел наслаждаться этим чувством, а небо над головой было черное... И никого, абсолютно никого вокруг, он был один в субкосмосе, а под ним, сжавшись в ужасе, висела Земля, подоженная по краю короной встающего Солнца, – тогда он, готовый почувствовать себя богом, засмеялся и бросил флайдарт вниз, чтобы испытать невесомость. И краткую секунду перед тем, как перегрузка лишила его сознания, а мимо кабины, крутясь, пронесли оторванные крылья, он действительно чувствовал себя богом... Нет, подумал Шабан. Я не хочу.

– По-моему, – осторожно произнес он, – я прибыл сюда... э-э... в несколько другом качестве.

– Ну, разумеется, разумеется, – Поздняков источал благодушие. – Конечно, в другом, этого у вас никто не отнимет. А все-таки если предположить... Теоретически – смогли бы?

– Вряд ли. – Шабан помялся, отвел глаза. – Я, наверно, не смогу. У меня... у меня, знаете ли...

– Да-да, – покивал Поздняков. – Синдром Клоцци, не так ли? Да не стесняйтесь вы, с кем не бывает. Я лично не вижу в этом ничего унижающего ваше достоинство... ну хорошо, не будем об этом. Вы знаете, – он вдруг понизил голос до шепота, – мне по роду службы часто приходится приказывать людям делать то, чего им делать не хочется, а иногда даже то, чего они делать не обязаны. Это ужасно, верно? Но бывают моменты, – и голос возвысился, – я бы даже сказал, исторические моменты – да, да! – когда приходится сжав зубы отдавать самые жесткие приказы и требовать безусловного их выполнения. Во имя человечества, во имя всех нас... Вы меня понимаете?

– М-м... Не вполне.

– Понимаете, – погрозил пальцем Поздняков. – Все вы понимаете... Ну хорошо, оставим пока этот разговор, время терпит. Не торопитесь с ответом, подумайте. Этот полет стал бы для вас прекрасной аттестацией, мне было бы легче убедить руководство дать вам сразу вторую служебную степень... У вас ведь пока четвертая? Заметьте, не пятая, как обычно: разведчики в Редуте образуют нечто вроде привилегированной касты, мы с этим миримся и даже, могу признаться, немного этому способствуем, поскольку и спрос с них... Впрочем, в этом вы сами убедитесь. А пока, – Поздняков встал, и Шабан встал тоже, – позвольте пожать вашу руку. С этого дня вы государственный служащий, будьте достойны своего положения. У меня на вас большие надежды, и что-то говорит мне, что не напрасные... Если будут какие-либо неприятности служебного или личного характера – сразу ко мне, договорились?

– Договорились, – кивнул Шабан. Он был рад уйти. Государственный служащий... гм, совсем неплохо. Звучит значительно. Так и буду теперь представляться: Александр Шабан, государственный служащий.

– К кому же мне вас пока прицепить? – Поздняков провел ладонью по розовому лбу, поправил красивые седые виски. Улыбнулся. – Пожалуй, к Винсенту Менигону – прекрасный разведчик, вот только с напарниками ему не везет. Зайдите к нему прямо сейчас, я уверен, он вам рад будет...

– Да! – крикнули из-за двери. – Входи, я не запираюсь. Но учти, посылаю к... без предупреждения.

Шабан, робея, вошел. За дверью оказалась замусоренная холостяцкая берлога с пыльным окном-экраном и одиноким настенным светильником, отбрасывающим на замызганную стену резкое световое пятно. Под светильником на откидной полке лежал, закинув ногу за ногу, некто длинный, лениво покачивал ногой в поношенной туфле, и сплюснутый задник туфли равномерно шлепал по костлявой пятке. Кверху смотрела коленка с торчащим, как шишка, мениском – коленка твердая, явно знакомая с задами непрошенных гостей, – а лицо лежащего было закрыто книгой – он читал и, по-видимому, не собирался отвлекаться на такую мелочь, как посетитель. Шабан почувствовал себя неуютно.

– Кхе, – сказал он. – Здравствуйте. Видите ли, Поздняков направил меня к вам...

Поверх книги показался загорелый лоб в морщинах и равнодушные глаза – спокойные и желтые, как у безмятежного хищника. Затем выехал крупный облупленный нос.

– Слушай, милый, – сказал лежащий. – Здесь ведь такого не терпят. Или ты будешь звать меня на «ты», или сейчас вылетишь отсюда соплей и больше не вернешься, это я тебе говорю. Ты кто?

Неприятный тип, подумал Шабан. Ясно, почему ему не везет с напарниками. Хамло.

– Я же говорю, меня к вам... к тебе Поздняков прислал. Для совместной, – он поперхнулся, – работы.

Книга полетела на пол. Лежащий вскочил неожиданно легко: несмотря на возраст, он оказался ловким и жилистым. Его плохо бритый подбородок приходился Шабану выше глаз.

– Меня зовут Винсент, – буркнул он, протягивая костлявую лапу. – Теперь это твоя комната, живи. Вещи перетащить сможешь?

– Да-да, – ошеломленно сказал Шабан, – конечно... А почему моя? Это ваша... твоя комната, мне про это никто ничего... Здесь, наверно, какая-то ошибка, вы меня извините, пожалуйста. Я сейчас пойду выясню, и я уверен...

– Стоять, – сказал Менигон. – Это твоя комната. Была моя, а теперь твоя, понял? Тут у нас такой порядок: кто-нибудь из старожилов отдает свою комнату новичку. Психологи, за ногу их, придумали, чтобы нам здесь, значит, не заржаветь. Кретины же: ржавчина не ржавеет. Не слушают.

– Но мне как-то неловко, – сказал Шабан.

– А ты плюнь, – посоветовал Менигон. – Так вещи перенести сможешь?

– Ну... разумеется.

– Ничего не разумеется. А обзаведешься моделью, – Менигон брезгливо осмотрел комнату, – скажешь ей, чтобы убралась тут. Сам не трогай – обижусь. Понял?

– Не понял, – раздраженно сказал Шабан. – Что еще за модель?

– Ты что, маленький? – Менигон округлил желтые глаза и даже повеселел. – Моделей не видел? Говори дяде правду: так-таки и не видел? Ах, ну да, ты же у нас еще совсем цыпленочек... И не слышал даже? О чем же с тобой Поздняков разговаривал? Сосунок ты. Ну а, к примеру, кто такой Живоглот, тебе тоже не известно?

Исключительный хам... Шабан сжимал зубы, сдерживаясь. И с таким вот работать, терпеть мерзавца...

...Но именно Менигон, единственный из всех, встретил его на Базе после того сумасшедшего полета, и именно он, опередив техников, вынул его, полуобморочного, из кабины флайдarta, когда сил хватило лишь на то, чтобы довести машину до Базы – сажали уже наземным «поводырем»... Как Менигону удалось добыть пропуск на флайдром, так и осталось неизвестным.

«Трудно было, малыш?» – только и спросил, когда они остались одни. Шабан показал глазами: да, трудно. Язык все еще не слушался. И тогда Менигон наклонился к его уху:

– А будет еще труднее, – сказал он шепотом.

Как в воду глядел.

...Шабан не заметил, когда кончилась дрожь. Проснувшись, он обнаружил, что дождя снаружи нет, и верно: сквозь крохотное оконце в башенке пробивался солнечный свет, отраженный каким-то ледником. Вставать не хотелось, но, вспомнив о лавине, он вылез из мешка и растолкал Роджера.

– А? – спросил Роджер и стал тереть глаза. – Уже все?

– Вставай, вставай. Разлегся здесь... Пену свою убери. Чтобы чисто, понял?

– Ага. Я сейчас.

Преданный взгляд... Мальчишка. Лечить надо. Жаль, нет Менигона – он умел.

– Ты вот что, – сказал Шабан, помедлив. – Скажи-ка мне: что тебе про меня Поздняков пел? Только честно.

– Ну-у... – Роджер покраснел. – Он ничего такого про вас не говорил. Я, собственно, не помню точно... Хвалил вас, ставил в пример. Говорил, что вы лучший специалист в разведке, что заслуженно отмечены. Еще сказал, что вы человек долга, что можно на вас положиться... Что мне повезло...

– Достаточно, – прервал Шабан. – Ты сам тоже так считаешь?

Лицо Роджера стало совсем бордовым. Он застенчиво кивнул:

– Считаю...

– А раз считаешь, – Шабан криво ухмыльнулся, надеясь, что ухмылка выйдет гнусная, – тогда сгоняй-ка ты, парень, за локатором.

Глава 2

Вездеход резко дернулся вперед, отряхиваясь, и налипший на крышу пласт серого снега одеялом сполз на землю. И сразу же гусеницы захлопали в вязкой каше: вокруг успело-таки подтаять. За ближайшим поворотом путь преградил снежный завал. Это была даже не лавина – просто масса раскисшего снега лениво съехала метров на пятьдесят вниз по склону и, выбрав единственное во всем ущелье ровное место, здесь и застряла.

– Парень, давай к турели.

Из башенки на крыше брызнул лазерный луч – на дальней скале вспыхнула красная точка, взвилось каменное крошево, посыпались камни.

– Не идет! Может, примерзло?

Ну что ж, это не первый случай, бывает, что и гусеницы смерзаются намертво. Шабан поморщился. Теперь предстояло снова лезть в хитин и растапливать завал личным оружием.

– Брось дергать, все равно не оторвешь. Одевайся.

Верхний люк выпустил его на крышу. Следом вылез Роджер, волоча за ремень кобуру чудовищных размеров, зацепил ее за край люка, чертыхнулся, дернул и, чуть не упав, пошел красными пятнами, тщетно пытаясь принять безразлично-молодецкий вид. Контраст между ним и кобурой был разительным – Шабан даже присвистнул. Ну и монстр... Оружие титанов. Ясно, отчего Роджер при всем своем очевидном желании покрасоваться не носит кобуру на поясе: мальчишки ужасно не любят вызывать чужой смех, да и кто любит? А зря. Редкая и замечательная вещь этот «винсент-магнум», до упора набитый гранато-пулями. Идеальный копытоотбрасыватель. И имя у него, как у Менигона. Забавно.

Усевшись на башенку, Роджер лихо передернул затвор. Он был явно рад случаю пострелять, и Шабан, заметив его блестящие глаза, фыркнул. От грохота выстрелов у него заложило в ухе, загудела под ногами броня вездехода. Результат оказался ничтожным: пули бесследно тонули в снежной массе. Одна все-таки сдетонировала – из завала взвился огненный фонтан, с шипящим свистом вырвался столб пара, но тут же снег сполз в новорожденную яму, как ничего и не было, только ветер погнал по ущелью белое облачко и, ударив о скалу, растрепал, разметал, развеял. Роджер, сконфузившись, убрал пистолет в кобуру.

– Ты еще спичкой попробуй, – сказал Шабан. – У тебя что, лучевика нет?

– Мне не выдали. Сказали, что скоро на ту сторону, а там он не нужен. Может, у вас лишний найдется, а?

Шиш ему... У Шабана в Порт-Бьюно был лучевой пистолет, оставленный на прощанье Менигоном, но он покачал головой. А Роджер с завистью смотрел, как Шабан, расфокусировав луч, расправляется с завалом. Через несколько минут дорога была свободна, вниз по ущелью стекала грязная жижа.

– Может быть, в обмен на «магнум»? – с надеждой спросил Роджер.

Снимая хитины, поторговались. В придачу Шабан получил флакон с пенящейся жидкостью. Довольный Роджер убирал оружие в багажник. Шабан снова сел за руль, и вездеход, обогнув большую глыбу, муторно затрясся по камням. Через час стены ущелья раздвинулись. Снег кончился. Уже в полдень выбрались наконец на равнину и пошли вдоль хребта. В этом месте не было предгорий, крутые склоны начинались как-то сразу, и ближние вершины закрывали собой недоступный гребень. В последний раз гусеницы проскрежетали по камню, и сразу же за кормой потянулся клубящийся пыльный хвост: вышли в степь, и Шабан, отдав Роджеру управление, разрешил себе расслабиться. Местность была знакома. Вдалеке за высохшим по случаю сухого сезона озерком по мере движения уходили за горизонт развалины древних построек, сохранившихся чуть ли не с времен Первого Нашествия, а еще дальше лежала обозначенная вышками граница крохотного анклава Коммуна, приближаться к которой разведчикам не реко-

мендовалось, несмотря на то что Коммуна никогда не была членом Содружества, а может быть, именно поэтому. Больше ничего на глаза не попадалось, за анклавом голая степь простиралась до самого океана. Слева нависали горы. Один раз в узком просвете, в вечном тумане ущелья, проточенного в теле горы мелкой, переплюйного вида речкой, показалось бледное размытое солнце, нехотя переваливающее в этот час через апогей. Часов через шесть, когда вездеход достигнет Порт-Бьюно, оно осторожно опустится ниже и начнется вечер; тогда откроются и будут работать до утра бары и концертный зал, худо-бедно завертится программа ночных развлечений, и Лиза наверняка приготовит что-нибудь вкусное. А пока – уходит за гребень солнце, тень хребта накрывает равнину, свистит на средних оборотах турбина и, вдавливая катками в степь траки, движется, словно беспокойная черная головка огромного, из клубящейся пыли ожившего червя, маленький разведочный вездеход.

– А там что? – Роджер мотнул головой куда-то вправо. – Вон там. А?

Что там может быть? Шабан прищурился, всматриваясь в горизонт и уже чувствуя, как рефлекторно обостряется его реакция, как подрагивают готовые к действию мышцы. Степь, мальчик, степь, ты степи никогда не видел? Пустота там, холод и ветер, и очень хорошо, что только пустота, нам бы этой пустоты до самого Порт-Бьюно. Степь куда опаснее гор, этого ты, мальчик, еще не знаешь, это тебе еще предстоит постичь на практике. А ведь и вправду что-то есть... не может быть... Проволока? Шабан прилип к визиру, крутя увеличение. Верно, проволока. Во огородили... Он весело чертыхнулся. За ограждением что-то шевелилось, какие-то плотные округлые тела слепо тыкались в проволоку. Отскакивали, разбрелись, сталкивались друг с другом и опять отскакивали. Гриб? Гриб, конечно. Толстые волосатые гифы – шевелящиеся, ошупывающие. Плантация, и немаленькая.

Роджер затормозил.

– Подпольная?

Шабан молча кивнул. Разумеется, подпольная, иных плантаций ползучего гриба и не бывает. Странно, подумал он, не знал я ничего об этой плантации. Наверное, новая. Ай да стервецы: под самым под боком у Коммуны! Ловко.

– Будем давить? – спросил Роджер.

Давить? Да-вить? Шабан покачал головой. Нет, парень, давить плантацию мы не будем. Смотри, чтобы тебя самого как-нибудь не задавили за одни эти слова, это я тебе говорю. Тоже мне, законник.

– Нет. Поехали.

Роджер помялся. Понять, какой расклад происходит под этим высоким, без единой морщинки, юным лбом, было невозможно.

– Но ведь мы же обязаны, верно?

Ну вот. Еще и непонятливый...

– Мы много кому чего обязаны, – буркнул Шабан. – Марш, я сказал.

Степь была суха, слякотный сезон в этом году запаздывал. Мутный воздух высосал из земли аммиак и воду, глинистую почву раздирали трещины. Иногда вездеход ломал сухие кусты или с треском давил вылезший из грунта плоский листовидный корень. Один раз из развороченного гусеницей куста выскочила настоящая ежиная ящерица – редкий теперь вид – и, встопорщив колючки, прытко засеменила прочь. Роджер вильнул было рулем вслед за ней, но она уже успела юркнуть в трещину, зато тут же на дорогу выползло ползучее растение, похожее на непомерно большую морскую звезду, и Роджер со вкусом раздавил его – угрожающее движение щупальцев-корней, хруст, противный писк сока, брызнувшего из-под гусениц, – в пыльном облаке за кормой несколько раз вздрогнула изувеченная плоть, и куст умер. Больше живности не попадалось: в это время года все живое прячется в землю, а дикие толпы убегунов откочевывают к северу и, на время объединившись, пробиваются через чужие земли к океану, чтобы к началу теплых дождей вернуться назад в оживающую степь, снова с племенными вой-

нами, уже скорее между делом, чем по необходимости. Изредка вдали показывались покинутые жилища – невысокие конусы, похожие на кротовые отвалы, скрывающие в себе пещеры для целого клана, но с выходом не на верхушке, а сбоку и под глиняным козырьком для защиты от ливней. Попадались и развороченные конусы: не то они были покинуты давно и успели обвалиться, не то были разрушены в племенных войнах. Шабан вспомнил, как Менигон рассказывал о стремительных ночных нападениях, когда дозорные не успевали поднять тревогу, а нападавшие, не давая жертвам высунуться, заваливали вход и, выждав сутки-двое, раскапывали и добивали всех, кто еще не задохнулся. Последняя большая война была на памяти Менигона, и ее с огромным трудом пришлось останавливать, ибо прекратился приток сил и даже прирученные начали уходить с рениевых шахт. Тогда еще тоннеля не было и в помине, а шахты работали вовсю, уходя штреками все глубже под горы, и с каждым ковшом зачерпнутой в глубине породы прибавлялась маленькая, чуть заметная глазу крупинка тяжелого тусклого металла.

Роджер, увлекшись, все-таки прозевал ориентир, и вездеход юзом сполз в старую, с полкилометра шириной, воронку, свидетельствующую о том, что людям пришлось-таки тогда вмешаться. Воронка и была ориентиром. Впрочем, на твердом спекшемся склоне убегуны уже успели вырыть новое жилище – с виду вполне целое и с очень высоким отвалом: по-видимому, в сыякотный сезон в воронке образовывалось что-то вроде озера. Шабан помнил свои ощущения при посещении такого жилища: сыро, темно, гадко. Хуже, чем снаружи. Понятно, отчего убегуны поклоняются Теплу и даже приносят Теплу человеческие жертвы, если, конечно, считать убегунов людьми. Они всегда идут туда-где-Тепло, по результатам спутниковой термографии удобно определять места их скопления. Эти потомки людей, огрызки человечества Первого Нашествия всегда охотнее работали за Тепло, чем за пищу. Одно время контора, осенная идеей благотворительности, пробовала расплачиваться с ними блоками для строительства разборных домов, но из этой затеи ничего не вышло: в домах убегуны жить не желали. Почему-то. В наибольшем ходу была гипотеза о том, что тепло домов убегуны считают эрзацем и сторонятся его как противоестественного. Шабан склонялся к другой версии: что они так и не поняли, как эти дома собирать.

Вездеход, буксуя, одолел подъем, и снова легла под гусеницы степь, а Роджер, взяв круто в сторону, искал дорогу, точнее, колею, оставленную ими по дороге туда, и, найдя ее, дал полный газ. Шабан, устав от мелькания, сам не заметил, как задремал. Проснулся он оттого, что затекло тело, и удивился, увидев на приборной панели солнечное пятно. Он еще моргал непроснувшимися глазами, еще пытался сообразить, сколько же времени он проспал, но уже было ощущение, что что-то не то, что-то случилось не так, как должно было случиться, и это ощущение становилось тем назойливей, чем больше он приходил в себя. Наконец он увидел Роджера, уверенно и без особой тряски ведущего вездеход, неглубокую прямую колею, справа и до самого горизонта – степь, дрожание воздуха над высохшими озерами, слева – хребет, сильно отодвинувшийся, но это было заметно только по увеличившемуся пространству степи, отделившему вездеход от гор, а сам хребет, подумал Шабан, действительно отсюда такой же, как и из ущелья, правильно Роджер сказал. Но что-то было не так, не проходило ощущение неправильности, все сильнее он чувствовал необходимость вмешаться, как-то повлиять на результаты совершенной ошибки, и он уже не сомневался в том, что ошибка была совершена. Он резко передернулся всем телом и замотал головой, прогоняя сонную муть. Ага, вот оно! Солнце! Солнце висит над вершинами. Почему оно здесь, подумал Шабан. Его не должно быть. Оно было за горами, и весь наш путь пролегал в тени, и мы знали, что обратный путь, несмотря на то, что солнце будет высоко, тоже пройдет в тени. Отклонились в степь? Зар-раза! Некоторое время он мрачно смотрел на бегущую под днище колею и чувствовал, как в нем накапливается холодное бешенство.

– А ну, стой!

Роджер удивленно обернулся, и то, что он прочитал на лице Шабана, заставило его поспешно затормозить. На время вокруг ничего не стало видно: мимо, клубясь и закручиваясь в вихри, пронеслись тучи поднятой вездеходом пыли. Сволочь, думал Шабан, ненавидяще глядя на Роджера. Лопух безмозглый, убожество. Кто-то из мудрых и убеленных сказал, что, если хочешь убить человека, сосчитай сначала до десяти. Другой советовал считать до ста. А до скольких считать, если человек, на которого ты рассчитываешь, уверенно хочет угробить и тебя, и себя? Ишь ты, не понимает. Глазами лупает, а глаза голубые, испуганные, но это не тот испуг, не за жизнь свою глупую, а опять боязнь получить нагоняй от строгого учителя. А за что, сам не понимает. И при всем том, между прочим, уверен, что, какое бы раззявство он ни учинил, я непременно, и даже жертвуя собой, буду спасать ему жизнь, будто это стоит главным пунктом в моем контракте, будто это что-то настолько ценное, что я прямо зачехну от огорчения, если жизнь ему не спасу. Загнусь в трубочку. Нет, не понимает... До сих пор не понял.

– Это что? – злобно спросил Шабан, ткнув пальцем вперед.

– Колея.

– Вижу, что не девка. Это не наша колея. Это колея от колесного вездехода. Наш след не такой и не здесь, а вот теперь хорошенько подумай, чей это след. Учти, колея свежая, сегодняшняя. Надеюсь, это тебя и сбило с толку, иначе я с тобой больше не езжу. Я не работаю со слабоумными... Так чья это колея?

– Э-э... – сказал Роджер, моргая. – Кто-нибудь из наших, из разведчиков?

Шабан ядовито фыркнул:

– Это на колесном-то вездеходе?

– Может, военные?

– Может, и военные, – согласился Шабан. – Только не наши. У наших бездельников другой рисунок на покрышках. И когда это ты видел армейский вездеход в трехстах километрах от Базы? Они и летают-то здесь только парами и на максимальной скорости. А если это вторжение – мы бы уже знали. Забудь.

– Тогда кто?

Это еще предстояло осмыслить. Ясно было только то, что такой след не мог оставить ни один из известных Шабану типов машин. Может быть, все-таки военные или охрана? Нет, чушь, ерунда. Вся их техника, даже та, что никогда не покидала складов, известна наперечет, как бы они ни старались уберечь свои липовые секреты. Конечно, им могли подбросить что-то новое, но это значит, что вне всякого графика прибыл корабль – нет, шиш, не может быть сейчас никаких кораблей. К тому же армия считает, что делать здесь нечего: все-таки не охраняемый объект и не приграничная зона. А темные слухи об исчезнувших машинах и людях армию никогда не занимали. Охрану тоже.

Это могли быть разведчики из другой зоны экспансии, ныне – из сопредельного государства, охотники покопаться в чужих недрах, и это было скорее всего. Хищники, дерзкие, хорошо вооруженные, знающие, на что идут. Гончие. С этими лучше не встречаться, им не резон оставлять свидетелей, напрашиваясь на уничтожающий удар. В таких случаях армия всегда реагировала мгновенно. Шабан хорошо помнил последнее сообщение Хромца Гийома, он услышал его, когда зашел для какого-то разговора в кабинет к Позднякову, но разговора не получилось, а был только хриплый, с одышкой, голос через спутниковую связь, последнее, что сказал Хромец в своей неудачливой никудышной жизни: «...Загнали в ущелье... Третье ущелье слева в Большом Каньоне. Слышите, третье! Дальше ледник, нам не уйти. У Вейгельта перебиты ноги. Вездеход бросили, он разбит... Их много, все вооруженные. Ждем помощи! Слышите, третье! Третье ущелье слева. Помощи!» – и после нескольких секунд тишины: «Вот они. Сейчас нас будут добивать. Третье ущелье, третье!.. Они подходят ближе... их очень много... они медлят. А это для тебя, ты слышишь меня, Поздняков?..» – и голос, взвившись криком, звучал еще долгую минуту, он шел из спрятанного в стене переговорного устройства и был невыносимо

реален, словно Гийом умирал не в далеком облещенном ущелье, а среди тех, на кого он надеялся и кого проклинал под нацеленными в упор стволами. Останков не нашли, и искать было бесполезно: то ущелье накрыли ракетным залпом. После этого набеги чужаков стали редкостью. «Интересно, если это хищники, то откуда: из княжества Хинаго или с Мелких Озер?» – подумал Шабан и вдруг понял, что это ему совсем не интересно.

Наконец, и это тоже было не лучшим вариантом, след могли оставить щитоносцы. Кто они такие и почему их так называют, никто толком не знал. О том, что их корабли видели в Редуте, большинство узнало из официального бюллетеня «В опровержение вздорных слухов», обнародованного на следующий день после того, как их необычный корабль полдня безнаказанно висел над Порт-Бьюно. Самых щитоносцев никто никогда не видел, но на Прокне, да и на других планетах Лиги многие рассказывали о черных кораблях, неуязвимых якобы для любого оружия. Шепотом передавали историю о том, как летающая платформа с Базы, поднявшись навстречу черному кораблю, медленно плывущему вдоль хребта Турковского, выпустила по нему четыре ракеты. Был ли приказ атаковать или военные просто перенервничали, так и осталось неизвестным. Черный корабль не сделал попытки уйти, якобы даже завис на месте, покачиваясь, и тем, кто это видел, показалось, что он ждет удара с холодным высокомерным любопытством. Ракеты шли точно, и все четыре попали в цель, но и только. Не было ни взрыва, ни ударной волны, ни разлетающихся оплавленных обломков. Ракеты пронеслись сквозь корабль, как сквозь облако, и вылетели с обратной стороны, прозрачные, вроде сосулек, стремительно, много быстрее, чем полагалось бы по законам перспективы, уменьшившись в размерах. Эти ракеты не упали нигде, они, по клятвенным уверениям очевидцев, просто растворились в небе, как леденцы во рту, но еще раньше черный корабль задвигался, меняя очертания, будто не летел над хребтом, а переползал через него, и тут же в небе вспыхнуло. На месте входящей в крен боевой платформы вздулось и поплыло по ветру бурое облачко, а обломки, закувыркавшиеся было вниз, были подхвачены черным кораблем, всосавшим их, как губка воду. После этого корабль будто бы, все так же колыхаясь, пересек всю территорию Редута вплоть до океана, где и был потерян из виду. Шабан не знал, что здесь правда, а что сгенерировано буйным воображением. Большинство считало щитоносцев не людьми, говорили еще, что черные корабли это вовсе не корабли, а овеществленные формы Мирового Разума. Однако эта идея стала чахнуть после того, как появились сведения о высаживании с кораблей неких наземных транспортных механизмов. Все это, по мнению Шабана, здорово напоминало чушь, и он поверил в щитоносцев только тогда, когда сам увидел зависшую в зените черную кляксу корабля за день до того, как все, с виду очень серьезные, слушали бюллетень «В опровержение...». Нет, скорее все-таки гончие.

– Так что будем делать?

Роджер пожал плечами, и Шабан, вспомнив о Менигоне, пожалел, что задал лишний вопрос. Менигон бы мгновенно нашел лучшее решение. У него был богатейший опыт, у Менигона, он сам когда-то состоял в спецгруппе разведчиков, о чем очень не любил вспоминать, и Шабан не спрашивал, догадываясь, что эта работа не могла не оставить в памяти такого, о чем лучше забыть. Наверное, он был неважной гончей, подумал Шабан. Интересно, как он относился ко мне на первых порах? Должно быть, тоже презирал, как я этого лопухого стажера. Только теперь его надо спасать, как спасал бы меня Менигон, если бы нам с ним когда-нибудь не повезло так, как не повезло сейчас.

– Связаться бы с Базой, – осмелел Роджер.

О, господи!.. Надо же...

– Спутниковая связь через два часа, можешь посмотреть расписание. Ретрансляторов здесь нет. Предлагаешь два часа поспать? Они не хуже нашего знают, когда проходит спутник. Хотел бы я знать, засекли нас уже или еще не успели...

Ну, теперь все, подумал Шабан. Все забудь. Теперь ты машина. Механизм для спасения двух жизней. Хорошие, быстрые рефлексы. Только это. Все остальное – конец, вспышка, столб огня и пыли, дымящаяся яма посреди степи. Яму они заровняют.

– Вот что, – сказал он. – Будем отсюда выбираться. Только не назад, иначе, если они нас уже засекли, то поймут, что мы напали на след, догонят и прикончат. Будем двигаться наискосок к хребту, вон к той горе, что без верхушки, и очень тихо, чтоб без пыли. Тогда, может быть, проскочим. Пошел!

Чужая колея ушла вбок, и по экрану слева направо поплыл хребет – вездеход разворачивался. Теперь они двигались так медленно, что глаза успевали рассмотреть каждую трещину в пересохшей земле, и Шабан удивился, увидев, какие они глубокие, а края их приподняты, кое-где даже вывернуты наружу, как ухмыляющиеся губы. Он представил себе, как траки гусениц ломают сейчас края трещин, и обеспокоенно посмотрел на увеличивающийся пыльный хвост. Нет, надо не давить, надо гладить эту гнусную ухмылку, эту степь. А медленнее тоже нельзя: если они видят, то заподозрят неладное, и тогда – столб пыли, яма в земле. Идиотское положение. Напьюсь, решил Шабан. Выберемся – напьюсь по-скотски и набыю кому-нибудь морду. Все равно кому. Очень много морд, которые нужно набить.

Несколько секунд он тупо глядел в затылок Роджера, на потемневшие до серости, слипшиеся волосы. Потеет. Стало быть, боится, и это правильно. Хотя нет, почему правильно, ну устроят нам сафари со стрельбой, так что – мир перевернется? Вся жизнь, всю историю люди охотятся один на другого, давно пора бы привыкнуть. Эка невидаль – жертва. Ату ее! Бей, чтоб брызнуло! И вообще, смерть – нормальный физиологический процесс, а уж если помирать, так лучшего места и не найти. Не в комфорте же помирать, в комфорте обидно. Не этого, парень, надо бояться, не этого.

Чушь, подумал Шабан, напрягаясь. Бред. Думай, о чем думаешь! Ты машина, ты механизм, и это дает шанс. Ты дурной механизм. Издыхая, ты будешь думать о том, что не уберет парня, что он уже никогда не увидит того, что увидел ты, там, где другие не видели, и никогда не поймет того, что понял ты. Работай! Черта с два я дам себя угробить. У нас есть чем драться, и у меня не хватит духу почувствовать себя жертвой.

– Не лезь на холм, – предостерег он Роджера. – Обойди его слева. Слева, я сказал. Там есть ложбинка, по ней и двигай. Там не так сухо, меньше пыли будет.

Роджер затравленно кивнул, и Шабан счел уместным подбодрить его шлепком по плечу. Давай, парень, давай. Пока везет. Из ящика под сиденьем он достал дыхательные фильтры – мало ли что – и полез в башенку. Как и следовало ожидать, она давно оттаяла и крутилась нормально. На всякий случай Шабан несколько раз прогнал ее по кругу. «А может быть, она и не замерзала вовсе, – вдруг весело подумал он, – может быть, парень просто забыл снять ее со стопора, а я, дурак, и не посмотрел...» Он проверил, как ходит в турели ствол, и поставил излучатель на короткие импульсы – в случае чего можно бить очередями вспышек по десять, – осмотрел прицел и огляделся. Горы уже заметно приблизились, и солнце, канув за гребень, больше не показывалось. Скорее бы. Нервное это дело – ждать последней в своей жизни драки, вернее, ждать, что ее все-таки не произойдет. Хуже не придумаешь. Некуда хуже. А может, их тут давно уже нет? След вполне мог быть утренним, даже ночным. Или это все-таки щитоносцы, от которых неизвестно чего ждать? Ракеты их не берут, а вот как насчет лазерного луча? Чего они медлят, если хотят прикончить?

– Впереди должна быть большая низина, – сказал он. – Поедешь по ней. Если пройдем спокойно, считай, выбрались. И не торопись. Вот выйдем на свою колею – тогда рванем.

Низина открылась с пригорка вся сразу, обширным пространством темной почвы. Отсюда лишь недавно ушла вода, кусты, торчащие здесь чаще, чем в других местах, еще не все засохли. Какой-то зверек выскочил прямо перед носом вездехода и, смешно замелькав лапками, мгновенно закопался в землю. В следующую секунду Шабан увидел вдаль, в самой сере-

дине низины, неподвижное темное пятнышко, продолговатое, похожее на запятую, и невдалеке от него две крохотные точки. Одна из них чуть заметно двигалась – мелкий суетливый жучок, спешащий куда-то по своим неотложным делам. Вот если бы еще над жучком не дрожал потревоженный воздух, если бы не стелился за ним скудный пыльный хвост... «Вот они, – подумал Шабан. – Вертолет и два вездехода. Гончие». От неожиданности он не сразу сообразил, что надо делать. «Гончие, – крутилось в голове. – Гончие. Гийом...» Удивляясь, он смотрел на деловито разъезжающие чужие машины, будто не было только что подъема на бугор, когда он, дрожа от накатившей злости, шипел над ухом Роджера: «Тише! Еще тише!» – и ругался, что опять подняли много пыли. Но внутренне он уже поверил в удачу, уже был готов к тому, что на их пути никто не встретится.

«Почему они нас не видят?» – с удивлением подумал Шабан, и эта мысль разом, будто вонзившаяся в мозг холодная игла, заставила его ощутить всю безнадежность положения. Роджер еще ничего не заметил. Вездеход медленно сползал в низину.

– Назад! – заорал Шабан.

Роджер вскрикнул коротко и тонко, как пойманная птица. Вездеход, взвизгнув турбиной, развернулся на месте, и в этот миг Шабан увидел, как черная запятая вдруг подскочила в воздух метров на двести, а там, на высоте, раскрылись цветком тонкие лопасти, слились во вращающийся диск, и тогда Шабан выстрелил. Взяв прицел ниже вертолета, он повел стволом излучателя вверх, потом снова вниз, перечеркивая небо там, где кренилась, разворачиваясь для атаки боевая машина, где откинулись сейчас крышки носовых люков, готовясь выпустить просящую наружу смерть. Он понимал, что сейчас будет поздно. Вездеход содрогнулся от близкого взрыва, и сейчас же справа, раскидав комья вырванной земли, вспыхнул второй огненный столб, еще ближе – третий, четвертый...

А это вездеходы, понял Шабан. Черные точки вдали теперь стояли как вкопанные, окрасившись дрожавшим огнем выстрелов. Полоса разрывов наискось прошла за кормой, по броне простучали камешки. На крышу перед башенкой мягко упал вырванный из земли горящий куст, и Шабан, яростно крутнув стволом, сбросил его под гусеницы. Вездеход с воем шел на подъем, оказавшийся вдруг таким крутым и длинным. Позади снова повисла пыльная туча. Чужие вездеходы пропали из виду. Сквозь пыль Шабан сек дно низины короткими импульсами, не особенно надеясь на удачу, стараясь лишь заставить чужаков понервничать. Судя по отблескам, внизу уже что-то горело, должно быть, кустарник. Разрывы теперь густо вставали впереди: чужаки пристреливались к верхней кромке подъема. Роджер, не отрываясь от управления, обернулся. Лицо у него было потное, измученное отчаянием.

– Вперед, вперед, – сказал Шабан почему-то шепотом. – Проскочим.

Черта с два, подумал он, следя за тем, как быстро сокращается расстояние, отделяющее их от беснующихся разрывов. Проскочишь тут...

Пуля попала им в корму, когда они уже почти выбрались. При ударе Шабана вытряхнуло из башенки, и он, закрывая руками голову, кубарем ссыпался вниз. Ему показалось, что он летит очень долго и никак не может остановиться. Похоже, он летел не один, потому что со всех сторон его толкали и били. «Не бейте, – говорил он им. – Не надо», – но с удивлением видел, что он один, а вокруг никого нет, должно быть, все люди, сколько их есть, уже разбились о дно пропасти, а он все летит и почему-то вместо замшелого дна под ним все ярче разгорается дневной свет. «Наверное, я летел не в ту сторону», – догадывается Шабан и вдруг видит, что внизу вовсе не день, а голубой свет дают тянущиеся вверх языки холодного огня. Языки схлопываются над ним, как щупальца анемонов, и вот он сам вспыхивает и утоньшается, сгорая в голубом пламени, и никак не может понять, куда денется его «я» после того, как тело исчезнет полностью. А вездеход? Куда денется вездеход?

Когда он осознал, что жив и лежит на полу между сиденьями, он понял, что вездеход идет на максимальной скорости и что в вездеходе очень жарко. Он пошевелился и зашипел, закусив

губу. Пересчитал все углы, подумал он. С-сс-в-в-волоочи! Каждое движение причиняло боль, но он чувствовал, что так и должно быть, и был готов вытерпеть какую угодно муку, только чтобы не слышать душераздирающего треска корпуса, шипения проплавленного металла, не чувствовать, как от взрыва вездеход содрогается всей своей десятитонной массой, словно большое животное, добываемое в спешке нетерпеливыми охотниками. Морщась, он перевалился на бок. Тело слушалось, но чувство было такое, будто его били железными прутьями. В правую щеку вдавился загубник дыхательного фильтра. «Зачем здесь фильтр? – подумал Шабан. – Ах, ну да. А почему так жарко?» Кряхтя от боли, он поднялся на ноги и сел на заднее сиденье, тут же пожалев, что приказал Роджеру убрать пену. На корме медленно тускнело темно-красное пятно раскаленного металла. Ага, вот они куда попали. Стало быть, повезло, пуля, конечно же, на излете – он не сразу избавился от этой мысли, – действительно, почему бы ей не быть на излете? Расстояние... И тут он понял, что еще ничего не кончено, а то, что будет дальше, не будет зависеть от человека по фамилии Шабан, а будет зависеть от его умения быть машиной с правильными и быстрыми рефлексамми да еще от случая, и от этого он мучительно застонал.

– Живы? – повернул к нему Роджер ожившее лицо. – Очень больно? – и Шабан, беря себя в руки, успел еще раз удивиться, как быстро у Роджера меняется настроение. Только что собирался помирать, и вот на тебе...

– Куда едем? – спросил он, облизывая языком сухие губы.

– Пока в Порт-Бьюно, – сказал Роджер, – если, конечно, не будет других распоряжений.

Было видно, что он очень хочет получить распоряжение ехать именно в Порт-Бьюно.

– С ума сошел! – закричал Шабан, забыв про боль. – Живо в горы!

Роджер, пожав плечами, развернул вездеход.

– Они нас так не оставят, – стараясь говорить как можно убедительней, сказал Шабан. – Они же сейчас за жизнь свою дерутся. Просто, как ящик: они нас прихлопывают и спокойно уходят за границу. И наоборот, если мы будем живы и сообщим на Базу – их прихлопнут. На равнине нам конец. Гончие это. Псы.

Тело снова свело режущей вспышкой боли, и он, зажмурившись, скорчился на сиденье. Хотелось выть. Да, здорово нам врезали, подумал он сквозь боль. Кормовой локатор, конечно, вдребезги, а броня – надо же! – выдюжила. Пуля, само собой, излетная, но все равно странно. На испытаниях, говорят, прошибало лобовой лист и срывало крышу, забрызганную изнутри унипластовыми кляксами. Из унипласта тогда делали макеты членов экипажа. Просто везет. Шабан ощупал ноги, плечи, ребра: нет, кажется, ничего не сломано. Действительно, везет. Покопавшись в кармане, он достал коробочку, вынул щепотку порошка из сушеных гифов ползучего гриба и зарядил себе в нос хорошую понюшку. Когда исчезла боль и одеревенела голова, он открыл глаза. Теперь предметы были расплывчаты, но он знал, что скоро в голове прояснится и тело на время станет легким, почти невесомым, как бывает, когда летаешь во сне. Драки все равно не избежать, нельзя позволить боли отвлекать себя от дела.

Но сейчас над ним, подобно маятнику, то удаляясь, то приближаясь к самым глазам, качался потолок, и по его поверхности ползали крупные радужные пятна. Некоторое время Шабан заинтересованно следил за их движением, пытаясь отгадать, закономерны или случайны их перемещения. «Вот это пятно сейчас пойдет влево», – говорил он себе и, каждый раз ошибаясь, сердился, но продолжал игру, пока пятна не начали тускнеть и потолок, в последний раз скупно качнувшись, не стал на свое место. Шабан поочередно напряг мышцы, проверяя, не болит ли где. Нигде не болело, и тело, ставшее почти бесплотным, рвалось вверх, как аэростат. Он поднялся в башенку. Вездеход ходко бежал по твердому, как кирпич, руслу высохшей речки и то и дело лязгал гусеницей о камень. Горы были уже рядом, впереди распахнулось ущелье, стиснутое красноватыми скалами. Шабан огляделся вокруг. Позади ничего не было видно, и он остро пожалел о разбитом локаторе, зато далеко слева вставала пыль. Ага, вот они как. «Опоздали, милые, теперь вам нас не отрезать, раньше вас в ущелье будем, вы, ребятки,

нас там еще поищите...» – он рассмеялся и махнул рукой испуганно обернувшемуся Роджеру: давай, парень, жми! Интересно, подумал он, присматриваясь к пыльному облачку, – оба они там или только один? Тогда где второй? По следам, что ли, идет? Очень возможно, а если подумать, то скорее всего так оно и есть. Ну и черт с ним: раз не стреляет, значит, еще далеко, а ущелье – вот оно. Он снова хихикнул и понял, что перебрал порошка. Теперь нужно было сосредоточиться и решить, что дальше. Можно было бы подождать чужаков в устье ущелья и встретить их хорошей лучевой очередью. В качестве укрытия Шабан уже присмотрел большой валун на краю каменной осыпи. Нет, сказал он себе, их двое. Неоправданно. К чертям всякий риск, развлечение для недоумков. Он посмотрел на часы – до связи оставался час с лишним. Протянем, решил он, собираясь скомандовать Роджеру, чтобы не останавливался. Поиграем в кошки-мышки... И тут он увидел дым.

Это была тоненькая, едва заметная струйка, наверху ее трепал ветер, и где-то на уровне невысоких здесь вершин она исчезала, но она шла из того самого ущелья, куда они уходили от погони. Теперь Шабан узнал это ущелье. «Что там у них? – подумал он обеспокоенно. – Пожар? Куда же это мы? Что я делаю, теперь же туда нельзя!..»

Хуже всего было то, что Роджер тоже заметил дымок и даже чуть притормозил, вопрошительно глядя на Шабана. Шабан похолодел.

– Крути влево, – сказал он глухим, абсолютно чужим голосом. – Сейчас... Врежем им как следует...

Через минуту он пожалел о своем решении: можно было попытаться успеть заскочить в следующее ущелье – но теперь было уже поздно. Каменная, без единой промоины, туша горы надвинулась справа, а спереди, увеличиваясь в размерах, приближалось пыльное облако, и уже можно было различить впереди него черную точку. Точка росла. «Один!» – обрадовался Шабан, лоя точку в прицел. Стрелять было пока еще рано. Покрутив головой, он заметил второй вездеход. Тот был в стороне и еще дальше. Было видно, как он, не разбирая дороги, гонит на предельной скорости. Шабан зло улыбнулся: зря, не успеет. А этот – мой... Хоть одного...

Невдалеке грохнул взрыв, и Шабан понял, что по нему открыли огонь. Он отметил это чисто механически, как обыватель отмечает, что на улице пыльно, сосед опять под мухой, а на забор села ворона. Проверив прицел, он поставил его на слежение и внес поправку на абберрацию. Занервничали, подумал он. Неважно они эту очередь положили, прямо скажем, бездарно. Он нашел пальцем спусковой крючок. Пора.

Перед глазами, на мгновение ослепив, вспухло белое пламя, и вездеход с ходу пронесся через огненный султан взрыва. «Неплохо», – вслух сказал Шабан и, чуть повернув ствол, нажал на спуск. От чужака полетели клочья, он вспыхнул и растекся, как пластилиновая фигурка на раскаленной плите. Потом язык огня пропал, удушенный столбом жирного дыма, и то, что осталось от чужака, стало похоже на действующий вулкан с разрушенным конусом.

«А теперь нас... – как-то отстраненно подумал Шабан. – Все». Он понимал, что не успеет установить прицел. Слепая удача – один к десяти, кто в нее верит? Только тот, кому больше не на что рассчитывать. Надо верить. Невозможно подумать о том, что через секунду твои останки будут перемешаны с обломками искореженного железа. «Ну! – крикнул Шабан, разворачивая башенку. – Где ты?»

Второго чужака не было видно. Там, где он только что был, даже ближе, висела, неторопливо колыхаясь, плотная черная туча. Она была похожа на большую медузу посреди океана, ленивую и безразличную ко всему, что плавает вокруг, она была как живая, и не было сомнений в том, что это такое. Это был черный корабль.

– Ы-ыы-ык! – сказал Роджер, вытаращив глаза. Челюсть у него отвисла. Вездеход заскрежетал тормозами, пошел юзом.

Стрелять?.. Шабан чувствовал, как дрожит на спусковом крючке его палец. Стрелять? Или не стрелять? Он боролся с искушением нажать на спуск, он знал, что обязан стрелять в щитоносцев, не разбираясь, кто они такие. Они – враги. Этим все сказано, а значит – уничтожить. Но как можно уничтожить корабль-тучу? Как? Полоснуть излучателем, зажмурить глаза, сжаться и, раззявив рот в крике, ждать ответа? Нетрудно догадаться, что долго ждать не придется.

И все-таки – надо... Или нет? Кому я нужен мертвый? Даже не мертвый – пропавший без вести. Лизе я нужен живым, себе я нужен живым, Позднякову и то я нужен живым. Лиза будет ждать, первое время ее не тронут... Боже ты мой, разве нельзя устроить так, чтобы никого не убивать, чтобы ни у кого не поднялась рука, ведь никто из нас не держит в голове мысли об убийстве, зачем же тогда? Трус я, вот что... Не-ет, я так не могу, я должен выстрелить, я должен, я себя заставлю...

– А-ап! – Роджер со стуком захлопнул рот. – Ф-фф-фу-у! Уф!

Черный корабль исчез. Только что медуза была тут, висела и покачивалась – не то мишень, не то занавес, – и вот ее не стало, и глаза не успели уследить за ее исчезновением. Ну и правильно... Черный корабль... Бред. Их не бывает... Шабан с облегчением перевел дух, рассмеялся сквозь зубы и сразу выбросил из головы все на свете черные корабли. Второй чужак был хорошо виден. Он уходил в степь.

– Добьем! – загораясь, закричал Роджер. – Ну же!

Шабан неторопливо довернул ствол. В визир прицела было видно, что чужак гонит вовсю, стараясь успеть уйти из зоны поражения. Оттуда не стреляли. «На что они надеются? – тщательно прицеливаясь, подумал Шабан. – На то, что я промажу? Или на то, что пощажу их после того, что они сделали с Гийомом и что хотели сделать со мной? На что-то ведь надеются...» – и тут на него нахлынула волна отвращения и он понял, что не выстрелит. Там, в чужом вездеходе, были люди; лишившись мужества при виде черного корабля, растеряв весь кураж погони, не веря больше ни в себя, ни в свой пулемет, они мчались прочь от наступающей смерти, в страхе они оглядывались, не замечая заливающего глаза пота. Они втягивали головы в плечи, каждое мгновение ожидая режущего удара луча, они уже слышали шипение вскипающего металла, и в стальной коробке, наполненной невыносимым свистом работающего на пределе двигателя, цепенели на рычагах управления их руки. Они не хотели, они, должно быть, как и все, не понимали, зачем им нужно умирать. Шабан убрал палец со спускового крючка. Он чувствовал себя гадко.

– Уйдет! Уйдет ведь! – переживал Роджер. От нетерпения он подпрыгивал на сиденье. – Ну вот! В овраг ушел. Теперь ищи его...

– А ну, брось трепыхаться, – буркнул ему Шабан. – В погоню не пойдем. Во-первых, у него скорость выше нашей, во-вторых, не наше это дело – соваться под пулемет. Наше дело сообщить на Базу – и пусть они там разбираются, если им хочется. Давай-ка выйдем поглядим, что у нас с кормой. Брось сюда фильтр.

Он скосил глаза на указатель фона – как всегда, высоковат, но, в общем, не смертельно, – надел фильтр, выбрался через верхний люк и тяжело спрыгнул на землю. Какое-то мелкое насекомое, ошалев, забегало кругами возле его ног, противно пискнуло под каблуком. Корма вездехода была оплавлена и почернела. Там, где пуля выела кусок, броня прогнулась внутрь, с края выбоины свисала корявая стальная сосулька. Шабан пнул ее ногой.

– Срежем? – спросил Роджер.

– Как хочешь. Лучевик теперь твой, вот ты и режь. А лучше плюнь. Я бы еще сильнее искромсал. Может, мы под эту выбоину «армадил» получим, откуда нам знать? Нет худа без добра, и наоборот. Все в мире имеет две стороны: правую и левую, как сказал один больной после ампутации мозжечка, – вот только где теперь какая?

Маска на лице Роджера издала хрюкающий звук. «Чего он? – подумал Шабан, удивляясь, откуда это в нем самом вдруг взялась способность шутить. – Ах, ну да, как же: начальство, так сказать, соизволило. Снизошло. Дубина жизнерадостная. Вот таким почему-то всегда везет, а заодно уж и мне. За компанию. Чудо ведь, что попал я, а не они, и сразу. Чудо, что попал тогда». Он вспомнил вертолет чужаков, мохнатую вспышку в небе, смешавшуюся с дымом и дрянью, в то время как разлетелись, кружа и кувыркаясь, лопасти воздушного винта. Везение. Фатум.

– Садись, поехали.

Вездеход взял с места рывком, словно допотопный танк, выскакивающий из засады, и пошел мощно и ровно. Было ясно, что Роджер хочет о чем-то спросить, и Шабан очень хорошо знал, о чем. Он боялся этого вопроса. Теперь он чувствовал себя в положении человека, которому предстоит испытать неприятное, очень болезненное ощущение, и он, протестуя всем телом, старается оттянуть момент боли, но с сосущей тоской понимает, что момент этот наступит, что и здесь придется пройти, и еще неизвестно, что там дальше, за страхом и болью.

В устье ущелья дым стал отчетливо виден; он сделался гуще и чернее, и ветер наверху рвал его с натугой, как резину. Шабан облизнул пересохшие губы и нарочито небрежно потянулся за фляжкой, холодея при мысли, насколько фальшиво это у него получается.

– Чего встал? – спросил он, стараясь придать голосу естественное неудовольствие. Роджер молча показал на дым. – Ну и что, – упреждая вопрос, сказал Шабан. – Бывает. Там когда-то была шахта и маленький лагерь. Теперь там ничего нет, кроме брошенного старья. Должно быть, там убегуны, больше никому. Поехали.

– А может, посмотрим?

– Вперед, я сказал.

Кажется, пронесло, подумал Шабан. Еще раз пронесло... Украдкой он вытер вспотевшее лицо, промокнул рукавом затылки. Роджер повел вездеход дальше. Он явно опять обиделся и демонстративно не отводил глаз от рвущегося под днище бездорожья. Барышня, фыркнул про себя Шабан. Гимназисточка Темных веков. Мадемуазель. Ох, ах, ножки топ-топ, кружевной зонтик, на поводке болонка, как кочан, со всех сторон одинаковая. Под подушкой послание в скверных стихах от сублильного гимназиста-воздыхателя, на подоконнике выводок кактусов в горшочках и старая нервная канарейка. Еще папочка-чиновник, гомерический такой мужик, рука тяжелая... «Коллежский ассессор гомерически высморкался...» Что бы ему сказать такое, чтоб не сходил с ума? Черт, и сказать-то нечего, слова все растряса, хоть жестами изъясняйся. Теперь еще и следи за ним, чтобы не сунулся в то ущелье, а пуще – чтобы не очень молот языком. О чем тут еще говорить?

– Через час сменю, – сказал он. – А в том ущелье завал. Там полдня по камням прыгать.

В Порт-Бьюно въехали засветло. Шабан притормозил у въезда в охранную зону, покосился на решетчатую вышку. На вышке было пусто, и пулемет, обычно торчавший в сторону степи, теперь смотрел вверх, как телескоп. В караулке горел свет и сквозь окно различались мотающиеся, как воздушные шары на ветру, фигуры – там либо дрались, либо отплясывали флик-джигу. Динамик на крыше орал невыразимое. Проезд в рядах проволоки был свободен. Справа жалко торчала недомонтированная будка автоматического контроля с выдвинутыми блоками и отпечатком подошвы форменного ботинка на боковой панели. Похоже, въезд никем не охранялся. Такое Шабан видел впервые.

Из караулки через шлюзовую выскочил охранник – без берета, – протарахтел каблуками по ступенькам, покачнулся, но не упал и, сорвав с лица фильтр, с длинным горловым звуком изрыгнул в кусты зеленую желудочную жижу. Замычав, выпрямился и, закрыв рукой слезящиеся глаза, побрел обратно. То ли он не заметил вездехода, то ли не обратил внимания.

– Гуднем им? – предложил Роджер.

– А зачем? Видишь: открыто, поехали.

Сочиню рапорт, подумал Шабан. Кажется, это Живоглотовы ребята. Так им, сволочам, и надо. Даст им Живоглот опохмелиться, клеит по первое число – суток по десять на индивидуума. «Припомнят, – сказал внутри его другой голос, и он узнал голос Менигона. – Не только они, сам же Живоглот и припомнит при случае. И будет прав: не суйся, умник, куда не просят, береги внешние органы, пока не пооборвали, не лезь в его дела, не любит он, когда лезут...»

«Но ведь он лезет в мои!»

«Не очень-то и лезет, говори дяде правду. Он же к тебе неплохо относится – пользуйся! Благодаря кому ты всегда имел пропуск куда угодно, хоть в Межзону? А? И на Землю имеешь шанс отправиться вовремя, это я тебе говорю. Так какого ж тебе еще?»

«Он подонок. Мразь. Это же нелюдь, Винс! Он же хочет, ты пойми, все они хотят, чтобы и я стал таким же. Я сам становлюсь скотом!..»

«Да ну? Ай как плохо! – голос Менигона ироничен, невидимые губы кривит усмешка. – И ты, конечно, хочешь его убить? Стереть, так сказать, с лица, да?»

«Да. То есть нет, не знаю. Просто хочу, чтобы его не было».

«Он будет всегда. Мы пришли сюда как воры, и до тех пор, пока хоть один из нас останется здесь, ничего не изменится. Мы не те, этой планете нужны другие люди. Мы очень мало кому нужны, Искандер. Кретины называют нас авангардом человечества. Волны экспансии: одна, другая, третья... Какой героический эпос! Мы настырны и дотошны, всегда что-то ищем, только всегда вонне, иначе нас никто не учил, не умеем. Слишком долго не было видимой причины, мы забыли, как это делается. От этого умирают вернее, чем от пятнистой горячки, и мертвые заражают живых. Я тоже мертвый. Мы действительно авангард: мы умерли раньше. Эй, сюда! Все назад, дайте дорогу! Вот они идут, мертвецы, потомки людей. Их предки, говорят, построили пирамиды и Акрополь. Их потомки стыдливо вычеркнули нас из школьных программ. Ровнее строй! Ты думаешь, это человеческие лица? Вглядишься получше, какие это лица. Запе-вай! Ах, как красиво они идут, просто не оторвать глаз! Их торсы каменно-неподвижны, строй встает на носок и единой волной выбрасывает вперед прямые в струнку ноги. На два такта: ать-два, ать-два... Подковки на сапогах. Вольноопределяющийся Шабан, шире шаг! Вы что, не видите, что ломаете строй?» – и удаляющийся в глубину сознания довольный смешок Менигона.

Замычав, как от боли, он дернул рулем – вездеход, вильнув вбок, искрошил гусеницей вазон с корявым декоративным растением. Рывок обратно – и снова тарактенье траков по бетону дороги. Шабан мотнул головой удивленно уставившемуся на него Роджеру: так, мол, парень, ничего. Вот-вот, подумал он. Вот только на это меня и хватает – вазоны давить. Он чуть не плюнул. Впереди уже встала во весь рост, нависла двухсотметровой стеной стальная грань куба Порт-Бьюно. Центральное шоссе, усаженное по обочинам местной растительностью, уходило прямо в фундамент, к гаражам и дезинфекционным камерам. Перед самым въездом на постаменте, облицованном чистым рением, высилась недавно установленная сверкающая статуя, изображающая Первопоселенца, к которому какой-то умелец уже успел приварить детородный орган невозможных размеров. На горизонте слабо дымилась конусы отвалов ближайшей шахты, многие из них далеко обогнали по высоте несуразный кубический поселок. Правее и дальше располагался комбинат, но за дальностью были видны только трубы, выроставшие словно из-под земли. Там тоже были отвалы, но на таком расстоянии они выглядели маленькими, как прыщи. Еще правее была только степь да еще кое-где вдоль невидимой отсюда проволоки карандашами торчали сторожевые вышки. Вездеход, присев на передние амортизаторы, затормозил у закрытых ворот. Автоматика не сработала, вероятно, была выключена. Черт-те что, подумал Шабан. Охрана – вдрызг, ворота заперты, трубы не дымят – определенно что-то случилось. Авария или праздник? Вернее всего то, что тоннель все-таки докопали. Довзрывали, поправился он. Что ж, это должно было когда-нибудь случиться. Глупо было уверять себя, что это произойдет не скоро. Глупо. Ужасно представить себе последний взрыв: вз-з-

з... толстый бур, смазанный, самодовольный, вибрируя, уходит в дымящийся гранит, затем ползет обратно, весь в каменной крошке. Потом в дыру заряд, всем в укрытие, вспышка! – и уже охлаждение, турбины, захлебываясь, отсасывают пыль, убегуны под руководством какого-нибудь высокооплачиваемого смельчака в спецафандре крепят своды, кладут рельсы, гулко катится платформа с буром и снова: вз-з-зз-з... И вот с той стороны на склоне вспухает чудовищный волдырь – и тут же прорывается огненным вихрем, и течет расплавленный камень, и нечеловеческий огонь, погасив день, сворачивается сытым удавом, вскидывает к обожженному небу характерное облако на толстой бурлящей колонне. Для них – праздник... Вон и картонная гильза валяется на бетоне, как консервная банка: не иначе, был фейерверк. Этим только дай...

Шабан вдавил кнопку гудка. Странное дело: теперь ему совсем не хотелось вылезать из надоевшей стальной коробки. Гудеть пришлось долго – занемел палец. Противный звук действовал на нервы.

– А может, тихонечко стукнем? – загорелся Роджер и потянулся к управлению. – Давайте я. Легонько, одной гусеницей.

– Не надо. Слышишь: идут. Приехали.

Глава 3

Винтовой коридор был пуст и оттого навязчиво мрачен. Над головой пыльно светился потолок, кое-как освещаая шершавые стены, загнутые в нескончаемом повороте, и поворот был плавным, будто коридор-улитка, проснувшись когда-то, попытался было распрямиться во всю длину и почти уже развернулся, но дальше не пустили грани куба, и он так и застыл скрюченным. Коридор вел вверх. Уже давно, с тех пор как был ликвидирован верхний гараж, им почти не пользовались. Еще и теперь на полу удавалось рассмотреть старые вмятины от траков гигантских «армадилов», а вот и покореженное место на стене – Шабан приостановился, вспоминая, – это Амар сюда въехал с разгона – хороший был парень, но безалаберный отчаянно, он и Позднякову тогда в лицо жеребцом заржал не обдуманно, а просто от избытка жеребьячьего здоровья, прямо скажем, сдуру, – и вот угодил на шельф, к черту на кулички, и что-то давно о нем ничего не слышно. А я позволил себе возразить Позднякову, а Поздняков, взявши меня за плечо, сказал убедительно: «Нельзя, Искандер, нельзя этого», – и я потом ходил самодовольный, как павиан, удовлетворенный тем, что сделал все, что можно. А когда перестал быть павианом, убеждал себя в том, что действительно ничего нельзя было сделать, да только убедить так и не получилось. И столько еще всякого было связано с этим коридором, даже жалко, что теперь так редко здесь бываю, никогда даже не пробовал дойти до самого верха, посмотреть, что там дальше. И даже не в том дело, что дальше наверняка нет ничего интересного, скажем, дезинфекционная с выходом на крышу, а то и просто тупик, а хорошо бы подняться повыше, где наверняка никто не ходит, посидеть там, вспомнить, подумать. Откуда это у меня? Синдром разыграл, что ли? – он пошел быстрее, – нет, не буду я тут сидеть. Устал, и ноги болят, и правильно сделал Роджер, что не пошел со мной, а я его, впрочем, с собой и не звал, и теперь он наверняка уже у себя, отдыхает, и не бывает у него никаких синдромов, не могу себе представить, чтобы ему захотелось вот так посидеть на пыльном полу, поразмышлять о чем-нибудь несиюминутном... А пол-то действительно пыльный, и это еще слабо сказано. Интересно, когда здесь убрали в последний раз, подумал он. Словно цементом присыпано. Мусор, тряпье какое-то валяется, стекло битое. Он поддел ногой рваную картонную коробку и тут же отпрыгнул в сторону – из коробки выскочило маленькое и белое, заметалось по полу и скрылось в тряпичной куче. Шабан плюнул. Это могла быть либо мышь, сбежавшая из лаборатории по разгильдяйскому недосмотру, либо гигантский белый клещ, единственный местный вид, приспособившийся к жизни в человеческом жилище, случайный переносчик пятнистой горячки, но насекомое мирное и на человеке, как правило, не паразитирующее. На всякий случай Шабан обошел тряпье стороной. Тоже уроки Менигона, подумал он серьезно. Если опасность существует, сведи ее к минимуму, а если опасности нет, то такого не может быть, оглядись по сторонам хорошенько, а далее – смотри сначала. Что ж, может, потому до сих пор и живы оба, сохранили для себя это удовольствие, хотя, кажется, никому, кроме нас самих, нет и не было до этого никакого дела. Менигон был ранен и выжил. У него в спине два пластиковых позвонка, и то удача. В разведке новичок через полтора-два года становится ветераном. Кто их считал, срывавшихся со скал, замерзавших под аммиачными дождями, тонувших в гиблых болотах на севере, подстреленных, облучившихся, пропавших без вести? За упокой скольких душ втайне пил Хромец, алкоголик по убеждению, со своим уникальным двадцатилетним стажем разведчика? На смену приходят новички, желающие тотчас крушить и переделывать, пока жизнь не выбьет из них весь ковбойский романтизм, либо уволившись из армии тертые, бывалые ребята, держащиеся кучками, неразговорчивые, всезнающие, воображающие, что попали на спокойную скучную службу. И именно они начинают роптать первыми, когда уясняют, что скучная служба не лишена элемента занимательности в том смысле, что никто никогда не мог и не может с уверенностью сказать, что успешно доживет хотя бы до конца

оговоренного в контракте срока. Мне просто везет, снова подумал Шабан, – вот и сегодня жив остался, хоть и побит весь, как собака, все болит, начиная с головы. Не первый раз, не стоит обращать внимания. Тяжко бывало? И сейчас тяжело, но ведь и счастливым бывал тоже! Как говорил Менигон, говори дяде правду! Бывал счастлив, когда возвращался из разведки, особенно если привозил что-нибудь интересное. Ха, теперь смешно и вспомнить. А только иной раз был еще более счастлив, когда удавалось снова вырваться в разведку, – никогда не мог вытерпеть Порт-Бьюно больше недели подряд. Может быть, потому, что не понимал раньше этого куба, видел только то, что лезло в глаза, а потом понял его весь, до конца – гнилье же, нарост, который выжечь, и единственное светлое чувство у большинства: «Домой бы, ребята... На Землю бы...» И еще проклятый всеми металл, что слитками грузится в трюмы раз в полгода приходящего корабля, и обещание райских кущ по ту сторону хребта... Теперь рядом: тоннель окончен, и я не знаю толком, зачем иду сейчас к Позднякову, что я ему скажу и что вообще можно сказать, после того как молчал, не хотел связываться и даже научился не раздражаться, когда разговор заходил о тоннеле, – Шабан скривил усмешку, – ведь боялся же, и было отчего, отлично понимал, что против такого ветра не вытянешь – сдует, но ведь и не пробовал! Тем более смешно, что решился наконец попытаться изменить что-то в последнюю секунду, еще пять минут назад знал, что скажу Позднякову, даже слова подбирал... Он похрустел зубами. Да, действительно смешно.

Пять минут назад он привалился к стене отдохнуть, чувствуя, что онемевшие от усталости ноги дальше не пойдут. По грубой прикидке, он находился где-то на уровне двадцатого яруса. Навстречу спускались – Шабан прислушался: много, человек десять. Шлепанье разогнавшихся на спуске ног было похоже на яростную работу мухобоек, когда жарко и мух очень много. Шлеп! Шлеп! Это хорошо, подумал он, что пол старый, пластикат выкрошенный, а то было бы: «Бум! Бум!» Нет, не охрана, определил Шабан, когда наверху кто-то блажно заорал, явно валяя дурака, кто-то завопил режущим фальцетом модную песню в общеизвестном на Прокне варианте: «У модели есть на теле...», еще кто-то подхватил, возводя голос в пикантных местах до ангельской вышины, и все, даже многоногое шлепанье, кануло и пропало в оглушающем взрыве гогота. Компания веселилась вовсю, но это, конечно, было только начало. Потом пойдут морды бить, решил Шабан, или заберут вездеход и будут колесить по степи дикими зигзагами, бестолково палить во все, что умеет бегать, летать и ползать, от искрящей змеи до последней клювастой землеройки. Шабан напрягся. Против воли сжались кулаки, отставленная назад нога заелозила по полу, ища упора. Избить, разметать, расквасить – что угодно, только чтобы не было этого ржания, резонирующего в черепных коробках перед сознанием бессилия хоть что-нибудь сдвинуть на этой планете, где под рев взрываемых скал по-прежнему бежит, бежит замороженный ослик, тянет напряженную шею за пучком травы, привязанным перед мордой. Куда ты делся, Искандер, наивный мальчик, три года назад явившийся сюда, потому что некуда было деваться, опасно и чуть брезгливо пробуящий ногой новую землю? Умер, нет? Говори дяде правду!

Такой злобы Шабан не испытывал давно. Кулаки зудели. Он даже не успел удивиться этому, как из-за поворота вынесло всю компанию: «А я говорю, у меня сопрано!» – и снова разинутые в ржании пасти, матерые потные морды: «Ой, не могу!» Ржали с энтузиазмом, до икоты, в изнеможении наваливались на стены трясущимися животами, перхали и давились, смахивая слезы, и – шлеп, шлеп! – перли вниз, самодовольные, как тот ослик, дотянувшийся наконец до травинки; их просто распирало. Некоторых Шабан знал в лицо: все здоровенные сытые мужики, местная рабочая аристократия, мастера, десятники, герои подземных миль, прогрызатели каменных хребтов, погонщики бессловесных убегунов. «Плешь! – восторженно закричал белобрысый солист, увидев Шабана, и озабоченно пощупал свою макушку: – А у меня такой нет», – добавил он грустно и, соорудив плаксивое лицо, талантливо захныкал. Новый взрыв гогота не успел достичь апогея – Шабан, прыгнув вперед, сшиб солиста косым ударом

под челюсть. Не давая упасть, поймал за ворот, ударил еще, не разбирая куда, чувствуя, что злость никак не проходит, – белобрысый гулко обнял стену и, заваливаясь набок, жалко выставил защищающую ладонь, в моргающих глазах – испуг и непонимание. Схватить, вытрясти из мерзавца душу, пока остальные не опомнились, – нельзя, Шабан спиной чувствовал, что нельзя. Разворачиваясь на каблуке, подавил желание лягнуть отползающего с подвыванием белобрысого, шагнул навстречу раскормленным жвачным мордам, выдохнул-крикнул: «Ну!» К нему приближались стадом, все сразу. Распалая себя, подходили медленно, не спеша поддергивали рукава, щерились, ласково ощупывая глазами. Один еще не отсмеялся, гогот ушел в емкое сырое чрево, и оттуда взрыкивало. Убьют, решил Шабан. Вот сейчас кинется первый, а за ним все стадо – затопчут, забьют по-мясницки и только потом начнут жалеть, что забили так быстро, без выдумки, и будут думать, что делать с трупом... Пятясь к стене, он вытащил из кобуры пистолет, обхватил ладонью ствол – увесистая штука, такая и быка свалит, если по лбу, что и требуется. «А толку? – подумал он, почувствовав лопатками стену. – Ну, оглушу одного-двоих, а дальше? Дальше видно будет, хотя скорее всего дальше уже ничего не будет видно».

Почему-то они остановились. Все разом. Не решаются? Тот, что впереди, обернулся – загривок в потных складках, красный, – о чем-то шепчется с другими в полный голос. Ага, вот оно: «Разведчик, я его знаю». – «И что?» – «Живоглот шкуру снимет...» – «А при чем здесь разведчик?» – и кто-то уже одергивал засученные рукава, кто-то, пряча глаза, отходил в сторону. Шабан все еще продолжал сжимать в руке ствол, слыша, как в груди прыгает сердце, холодное, как большая лягушка. Перед ним расступились, давая дорогу. «Извиняемся», – прогундосил тот, что шептался, и Шабан вспомнил, что видел его когда-то давно десятником в тоннеле. Он отлепил лопатки от стены и понял, что сейчас никуда не пойдет, – ноги норвили зайтись дрожью, и он почувствовал, какая это будет дрожь: не крупная, колотящая, как несколько часов назад, когда попал под ливень, и уж тем более не благородная дрожь гнева и негодования, – а мелкий, подленький, трусливый ознобчик, который никак нельзя показывать этим самодовольным животным, чтобы никому из них не хватило духу хрипеть потом: «А вот один передо мною так прямо в штаны и наклал, спроси кого хочешь...» «Пошли, ребята», – наконец сказал десятник, решив, видно, что разведчик держится стены, чтобы не подставлять зря спину; остальные уже шлепали вниз, избегая смотреть друг на друга, со злобой скашивали глаза в сторону утирающегося белобрысого.

Дождавшись, когда последний из них утащится за поворот коридора, Шабан побрел вверх. Как ни странно, ноги не дрожали, а только очень устали и немели где-то под коленками. Почувствовав, что руку до сих пор оттягивает пистолет, Шабан сунул его в кобуру и не сразу попал. Зря боялся, подумал он и, покрутив головой, усмехнулся: надо же, на этот раз Живоглот спас, вот уж чего не мог себе вообразить. Да и мало ли чего я не могу себе вообразить... Все его боятся, не один я, а вот все ли ненавидят так, как я? Где уж там. Ненависть – это роскошь, это ведь не каждому дается, а только за большие заслуги, вроде медали, и чаще всего вместе с переводом куда-нибудь на шельф, чтобы не маячил. Вот и от этих «героев подземных миль» ждать нечего, струсили – и только. Два пугала у них – Живоглот и фоновое излучение, но радиации они боятся все же меньше. И даже повадки у всех сходные, потому что все, что у них есть, помимо работы, – жратва, деньги, обмен моделями да еще, пожалуй, устроить дебош в баре, погонять по коридору канцелярскую крыску. Понять бы их, пожалеть бы, как того требовали великие гуманисты, да как-то не получается. Ведь убили бы, видно было, что убьют или, в лучшем случае, безнадежно покалечат, и ведь ничего не стоило наставить на них ствол, показать значок или просто удрать, а, как ни странно, даже в голову не пришло, тоже мне, вздумал быть щепетильным, словно мальчишка какой-нибудь, начитавшийся приключенческой классики и потому честно считающий, что Добро с кулаками непременно победит. А с кулаками оно – Добро ли? То-то и оно. Добро и Справедливость должны быть прежде всего в сером костюме, неплохо бы с галстуком, у школьной доски перед десятком внимательных глаз – вот тогда лет

через пятьдесят или сто что-нибудь получится, только все это утопия, сэр Томас Мор и другие, а раз утопия, то вместо кулаков подошла бы, пожалуй, лазерная пушка...

Сзади кто-то догонял, тяжело, с насадной одышкой. Донеслось сиплое: «Погодите!» Шабан обернулся. Это был белобрысый солист, потный, утирающийся рукавом, мордатый. Чего это он, подумал Шабан. Предупреждение, угроза свести счеты? И так ясно, что теперь одному лучше в шахты не соваться. Или он меня глупее себя считает? Становилось любопытно. Шабан с интересом поглядел на белобрысого, подождал, пока тот отдышится и отплюется.

– Мотор не тянет, а?

– Не-е... Ребята послали извиниться. Фу-уф! – и белобрысый без особого труда проглотил одышку. – Быстро вы, разведчики, ходите, насилиу догнал. Ребята плохого не хотели. Праздник же, ну и выпили немножко, в такой день как не выпить, сегодня разрешено без ограничения. К тому же у большинства срок истекает... Два года в тоннеле как каторжные, сами понимаете, – и все, пробили наконец, прогрызли, даже не верится. А ловко вы меня отделали, не каждый бы так смог, а мы-то, честно говоря, подумали – клерк попался, хомяк сидячий. Так что вы обиды не держите, ладно?..

Было занятно смотреть, как он, сконфуженно моргая, прикладывает руки к сердцу. Действительно, артист. Если бы еще не настроженные глазки, которые он так старательно отводит, чтобы выдержать роль, не показать ледяной злобы, совсем можно было бы подумать: раскаивается человек, чуть только не хнычет. Подлец, земноводное, брезгливо думал Шабан. Ударь его сейчас – утрет морду и спасибо скажет. Липкий, как слизень, и голый, как слизень же, насквозь виден. Боится, что Живоглуту донесу. По себе судит, гад, но пусть боится, это только к лучшему...

Высокомерно пожав плечами, он пошел дальше. Белобрысый отстал. Некоторое время из-за поворота были слышны его шаги, потом шаги заторопились, быстро удаляясь, – белобрысый спешил догнать свою компанию – и вскоре далеко внизу еле слышно залаяли голоса: не то белобрысый получал от сотоварищей внушение за недогадливость, не то компания добралась уже до гаража и скручивала в бублик диспетчера на предмет выдачи вездехода. Ну и черт с ними, безразлично подумал Шабан. Он попытался заставить себя думать о комедийно закончившейся стычке, но не это сейчас было главным, и мысли упорно не лезли в искусственное русло. Стычка произошла слишком давно и не с ним, была забыта, выпала в прошлое на тысячу лет, а историки, как известно, врут и путают. Догадка подтвердилась – теперь Шабан твердо знал, что тоннель окончен. Когда-то он часто пытался представить себе свои ощущения, когда узнает об окончании тоннеля, – что это будет: гнев, отчаяние или, может быть, то и другое вместе? Во всяком случае, не восторг, как у большинства, это он знал точно. Все оказалось совсем не так драматично, как можно было себе представить, и он с удивлением понял, что не был готов к этому. Оказывается, не так уж это страшно, когда все вокруг переворачивается, подумал Шабан, входя в боковой коридор, – лишь бы и ты переворачивался в ту же сторону. А может быть, все это бред, и мир, наоборот, встает с головы на ноги? Приятно так думать, а уж если быть с собой совсем честным, то приятно и наоборот, когда все за, а ты один против и упиваешься раздражением, благоразумно не показывая виду. Да нет, ерунда, я просто устал. Нельзя ни о чем думать, кроме постели, когда так устаешь, непременно отыщешь философский тупик там, где его сроду не было, и спать не захочешь, а назавтра: «И дурак же я вчера был!»

Кабинет Позднякова оказался запертым. Шабан бесполезно подергал дверную ручку. «Нет приема, – с неприятными интонациями только что разбуженного человека ответил дверной автомат. – Не рвите ручку и приходите в приемные часы».

Конечно, его разглядывали. Видеоанализатор прятался где-то здесь, скорее всего в самой двери. Спohватившись, Шабан расстегнул куртку, обнажая служебный значок второй степени. «Очень сожалею, но шефа действительно нет, – смягчился голос, меняя тембр – теперь это было бархатное контральто. – Если у вас срочное сообщение, пожалуйста, подтвердите это,

и я попробую с ним связаться. В случае секретности сообщения категории выше третьей, согласно инструкции, передайте информацию в спецархив. Ближайший пункт приема информации находится...»

Шабан повернулся и побрел обратно. «Всего вам доброго», – задушевно сказал в спину автомат. И тебе того же, подумал Шабан, волоча ноги. Опять мимо. А было бы неплохо вот так и явиться к начальству, всклокоченным, с грязью в отросшей щетине, разнузданно ввалиться в ореховый кабинет, сжимая кулаки, провонявшие чужими мордами, принести с собой хотя бы запах того, что творится вовне, а там – рывкнуть, взорваться, заорать, что так дальше нельзя, и, может быть, тогда удастся увидеть – нет, не понимание, куда там, – хотя бы испуг, и то хорошо. Нет, поправил он себя. Не выйдет. С Поздняковым так не получится, не такой человек Поздняков. В лучшем случае возьмет за плечо и снова скажет: «Нельзя, Искандер, нельзя». Вот с Живоглотом можно бы попробовать, если припрет: слишком уж он властен, не может быть, чтобы не испугался человека, который его не боится. Хм... можно подумать, что я его не боюсь. И не только его, если разобраться. А хуже всего то, что меня даже устраивает, что Позднякова не оказалось на месте: развлекается, должно быть, как все, и значит, можно опять не торопиться с трудным разговором, тем более что пар я уже выпустил – солист со своим сопрано кстати подвернулся, – могу теперь без особого насилия над собой и завтра ничего не сказать, и послезавтра... И почему я, собственно, решил, что буду себя плохо чувствовать, если не вмешаюсь, один против всех? Очень может быть, что не так уж плохо...

Кровать была замечательная, распростертая на половину комнаты, предмет зависти, некая-нибудь откидная полка. С наслаждением задвинув за собой дверь, на которую тут же обрушилась волна праздничного гула жилых ярусов, Шабан, не раздеваясь, плюхнулся на постель животом, затряс ногами, сбрасывая форменные боты. Расправившись с ботами, он уткнулся лицом в подушку и замычал от удовольствия. Спать не хотелось. Когда это я успел выспаться? – попытался вспомнить Шабан. Ах, ну да, в вездеходе. Тоже, нашел место... Он вспомнил испуганную физиономию Роджера и улыбнулся в подушку. Младенец все-таки, хоть и не совсем простак... Расстроился ужасно, когда ему так и не удалось связаться с Базой, и когда я попробовал, тоже не удалось – теперь-то понятно почему, – и, значит, чужакам в уцелевшем вездеходе удача улыбнулась во весь рот, имеют теперь неплохой шанс уйти живыми. Теперь, помимо тоннеля, еще забота – что-то предпринять, чтобы он не разболтал про дым в ущелье. Кстати, откуда там дым? С ума они, что ли, походили? Наведаться бы туда, да в одиночку могут не выпустить – не Роджера же брать с собой. А если дым оттого, что их накрыли?.. Шабан почувствовал нервный озноб. Вот это плохо. Хорошо бы осторожно прозондировать Позднякова: если беглецов накрыли, то он должен знать, но страшно – может догадаться, умный он, когда не надо, куда мне до него...

Под боком промялась и зашуршала постель. Конечно, это была Лиза, кто же еще мог войти так, чтобы не было слышно ни шума шагов, ни колыхания воздуха. Она всегда ходила бесшумно, но далеко не по-кошачьи, а скорее парила, едва касаясь ступнями пола, будто ее тело уже подхватил воздух, а ноги по милой забывчивости еще переступают по-прежнему. Так кошки не ходят. Мягкие руки, теплое дыхание, коснувшееся шеи. Шабан подумал, что волосы у нее, должно быть, сейчас распущены светлым водопадом, струи льются на плечи и на лицо поверх счастливых глаз, но не было сил повернуться посмотреть на нее. Она легла рядом, обняв за плечи, прижалась к нему, поцеловала в шею, и Шабан неприятно ощутил, что шея у него грязная и даже не вспомнить, когда мыл ее в последний раз, хотя, конечно, мыться перед разведкой самое бессмысленное занятие.

– Нет, нет, моя девочка, – пробормотал он нехотя. – Не могу я сейчас ничего, тошно мне, не человек я сейчас – кит на отмели, пес побитый, облезлый. Ты же у меня умная, все сама понимаешь.

Она понимала. Быстро поцеловав, отстранилась, спросила: «Ты голодный?»

– М-мм-м... – промычал Шабан. – Разогрей чего-нибудь. Только не сейчас, попозже. Через часок, если не засну. – И Лиза опять придвинулась, обхватила его руками, прижалась, что-то нашептывая, и смысл ее слов не доходил до Шабана, но ему был нужен этот шепот, и он блаженно расслабился, чувствуя, что под ее руками перестает ощущать границы своего тела и, может быть, в первый раз за много дней по-настоящему счастлив. Но Лиза вдруг приподнялась и затрясла его за плечи:

– Ты не спи. Слышишь, не спи! Я не хочу опять одна. Целый день одна и на прошлой неделе три дня подряд одна. Сегодня был праздник, и опять тебя со мной не было. Зачем ты уходишь? У тебя всегда злое лицо, когда ты собираешься уходить. Это оттого, что у тебя пистолет, да? Ты же не военный, зачем тебе пистолет? Ты всегда бросаешь кобуру в угол, когда возвращаешься. А сегодня не бросил. Потом ты опять уйдешь на несколько дней, и я опять останусь одна. Я не хочу. Почему мне нельзя всегда быть с тобой?

– Как прошел праздник? – поинтересовался Шабан, переворачиваясь на спину.

– Замечательно! – Лиза захлопала в ладоши. – Было так весело! Сначала что-то говорили. Я ничего не поняла, но люди вокруг кричали и смеялись. Потом заиграла музыка и снаружи начали пускать в небо цветные огни. Я в окно видела: много-много красивых огней, и все вокруг смотрели и радовались. А один огонь упал на вышку, и человек, который был на вышке, долго кричал и махал кулаком, а все люди смеялись и показывали пальцем. Я тоже показала пальцем, а люди увидели меня и опять засмеялись. Это так странно, когда люди смеются. Потом в небе прошли воздушные корабли, но это было уже неинтересно. А люди стали вдруг танцевать прямо в коридоре, и один из них захотел, чтобы и я с ним танцевала. Мы долго танцевали, а вокруг люди уходили и приходили и снова танцевали. А один начал шататься, как больной, и упал на пол, и все очень громко засмеялись. Они говорили, что он очень много выпил из бутылки. Тот, с которым я танцевала, тоже хотел, чтобы я выпила из бутылки, но я не стала пить, потому что ты говорил, что мне этого нельзя. А потом он пошел за мной по коридору и все уговаривал меня пойти к нему в комнату, и еще двое шли сзади и смотрели. Это было так смешно! Он стал хватать меня за плечи и тянуть в комнату, но я сказала: «Нет», и он странно посмотрел на меня, и те, другие, тоже. Потом он отпустил меня, и все они ушли. А я пошла домой и увидела тебя.

– Когда-нибудь доиграешься до того, что дашь себя изнасиловать, – хмуро сказал Шабан.

– Что такое «изнасиловать»? – спросила Лиза.

– Как бы тебе объяснить подходящее... Сама узнаешь, если и дальше будешь своевольничать. Я же тебе ясно сказал, чтобы не смела разговаривать с чужими. Кто тебе разрешил?

– Я забыла, – просто сказала Лиза.

– Забыла, – процедил Шабан. – З-забыла! – «Ты даже не представляешь, что теперь будет, – подумал он, впиваясь ногтями в подушку. – Да, девочка, язык твой длинный – враг твой и мой, и выходит, что учи тебя не учи, а как была дурочкой, так дурочкой и осталась, несмотря ни на что. Забывать, значит, научилась. Ох, не вовремя, и ведь забыла именно то, что никак нельзя было забывать». – А больше ты ничего не говорила, одно только «нет»?

– Больше ничего, – сказала Лиза. Она улыбалась. – Только пела. Когда летели воздушные корабли, из стенки заиграла громкая музыка, и кто-то запел, и все вокруг тоже начали петь. Ты мне говорил, что это гимн. И я пела... те слова, которые знала. Теперь я выучила все слова. Там есть непонятные слова, но я их все равно запомнила. А что такое: «Славой героев пространства озарены на столетья»? Кто озарен? Хочешь, я спою тебе это место?

– Нет уж, – сказал Шабан. – Обойдусь как-нибудь. Кстати, кто-нибудь слышал, что ты тоже пела?

– Нет. Кажется, нет. Музыка играла очень громко, и тот, из стенки, пел громче всех. Остальные как будто только рты открывали, ничего слышно не было.

– Ну ладно. Теперь расскажи, как выглядел тот, который тащил тебя в комнату. Ну там, характерные особенности, родинка на носу, например, или, может, он головой тряс? Может, ты его раньше где-нибудь видела?

Лиза покачала головой и по-детски положила подбородок на руки.

– Не видела. Обыкновенный он был. Как все. Потный, липкий. Я даже не запомнила его как следует. А зачем тебе?

– Зачем, зачем... Какая хоть комната?

– Раз, два... – Лиза старательно загибала пальцы. – Четыре. Значит, четвертая комната от первого поворота налево.

– Ага, – сказал Шабан. – Этого знаю. Его зовут Редла-Штуцер, прозвище у него такое – Штуцер, жмот по снабжению. С ним я договорюсь, жучок он мелкий, на поводу ходит и кругом должен, деньгам рад будет. А те двое, что паслись сзади?

– Один маленький, худой и какой-то темный. Кашлял сильно. Вообще-то я его не очень рассмотрела.

– Это Ли Оммес, – сказал Шабан. – Этот будет молчать. Всегда молчит, даже когда себе во вред. А третий?

– Третий красивый, – протянула Лиза. – Высокий, прямой, волосы выющиеся. Вот так, мелко-мелко, – она покрутила пальцем, – целая шапка волос. Как будто не настоящие. Когда они уходили, он обернулся и еще раз посмотрел на меня. А разве так бывает, чтобы люди ходили без значка?

– Что? – спросил Шабан. – У него не было значка?

– Не было, – улыбнулась Лиза. – Я думала, я тебе уже сказала. А что это значит, когда нет значка?

– Это значит, что значок у него лежит в кармане. Есть, значит, причина. Не нужен он ему на виду, понимаешь?

Лиза серьезно кивнула, и Шабану на миг почудилось, что она и впрямь поняла, но он знал, что это невозможно, как невозможно научить ребенка говорить сразу с рождения, хоть наизнанку вывернись, все равно ничего не выйдет. И конечно, Лиза была не виновата, виноват был он сам и в том, что произошло, и в возможных последствиях. Мысленно он в сотый раз обругал себя и тот день, когда разрешил ей выходить в коридор. Нельзя было. Теперь вот мучайся неизвестностью... так тебе и надо, кретин, честно заработал, это тебе не лазером жечь. Если узнают, что она умеет разговаривать, церемониться не станут. Он пожевал закушенную губу и, почувствовав боль, вытолкнул губу на место. Человеком без значка мог быть только Гебрий Биртолли, журналист, и не какой-нибудь беззаветно загнанный начальством корпящий страдалец из местной газеты, а специально явившийся с Земли на открытие тоннеля корреспондент «Единого Ежечасного Курьера», известная фамилия, и непонятно, как он себя поведет теперь, когда услышал Лизин голос, потому что вряд ли не понял, что к чему. Наверное понял, раз Лиза говорит, что, уходя, обернулся, подумал Шабан, – хотя, конечно, Лиза женщина красивая, почему бы ему не обернуться? Штуцер вот тоже оценил, а оценивши, возжелал и, должно быть, хватал не только за плечи, знал, сволочь, что от нее по физиономии вовек не дождешься. Ладно, со Штуцером мы еще разберемся, зато теперь есть предлог начать разговор с Биртолли – давно хотел, не знал, с какого боку подойти. Теперь проще: «Дошло до моих ушей, о недостойнейший из высокородных, что вы осквернили взглядом лик моей жены, так пусть Аллах рассудит спорящих. Ятаган при вас?» Надо же, дрянь какая в голову лезет. А потом плавно перейти к делу, все же Биртолли – это вариант, говорят даже, что он когда-то специализировался на экологии, и в принципе вариадонты могут его заинтересовать. Но все-таки скверно. Очень скверно.

– Ты уже не сердись? – спросила Лиза.

– Нет, – ответил он. – Хочешь, я включу тебе газету?

Об этом можно было не спрашивать. Она радостно взвизгнула и захлопала в ладоши. Восторг у нее проявлялся непосредственно, как у ребенка. Вернулся муж, и муж не сердится, муж сейчас включит газету, и все будет хорошо, подумал Шабан. Ох, Лиза, Лиза, девочка моя...

Он включил газету и, когда посередине комнаты между потолком и полом повисли крупные желтые буквы, осторожно убрал стабилизацию. Для пробы сильно дунул – через секунду край текста начал загибаться назад, колыхаясь, как занавес. По давней привычке Шабан пробежал глазами первые строчки – так и есть, текст оказался праздничным приветствием Правительственного Совета. Цвет букв показался ему слишком ярким, и, поморщившись, он заменил его на темно-коричневый. Лиза радостно засмеялась, и тогда он кивнул: «Давай, малыш, можно». Она соскочила с кровати и, легко подбежав к газете, взмахнула руками снизу вверх, будто выпускала в небо птицу. Газета всколыхнулась, рассыпалась, и буквы разлетелись по комнате, ударяясь о стены, рикошетом отскакивая от пола. За границами силового поля они постепенно теряли форму и становились прозрачными, в конце концов исчезая насовсем. Лиза со смехом гонялась за разлетающимися буквами. Набрав пригоршню, она с жадным любопытством смотрела на ладонь и, когда буквы пропадали, растерянно оглядывалась по сторонам. Эта игра ей никогда не надоедала. Шабан знал, что она хитрит, на самом деле растерянностью тут и не пахнет, а вот сейчас она лукаво посмотрит на него и улыбнется... Хорошая все-таки у нее улыбка.

Он закрыл глаза. Лиза, гоняющаяся по комнате за буквами, была привычна, но Лиза, поющая гимн, определенно не укладывалась в голове. А еще говорили, что ей никогда не удастся превзойти уровень двухлетнего ребенка, дескать, модель не человек, куда ей... Он поморщился, поймав себя на том, что назвал Лизу моделью. Жена. Женщина, лучше которой нет и не будет. А если и будет, то я этого не хочу, подумал он. А перспектива есть, особенно если Штуцер успел уже наболтать. Потом как ни кричи, что она мне жена, что она человек, а прикажут отдать – и отдашь, и лучше бы не знать о том, что они с ней сделают. Плохо, что я это знаю. Переговорить со Штуцером сегодня же, сейчас же, пока еще не поздно, а потом уже с Биртолли. Или наоборот? Лиза, Лиза... Сколько шишек сегодня набил и не думал, что последняя будет от тебя. А ты опять улыбаешься. Не спорь, я вижу. Ты всегда улыбаешься. Ты не умеешь плакать, они отняли у тебя даже это. Но это ничего, когда-нибудь я тебя научу, человек должен уметь плакать. Но все же лучше улыбайся, мне бывает хорошо, когда ты улыбаешься...

Когда в дверь ударили второй раз, не кулаком и не ногой, а чем-то тяжелым, Шабан уже пружинил на ногах сбоку от двери. Как скатился с кровати и, оттолкнув Лизу, метнулся к стене, он не почувствовал. Первое, самое ценное, мгновение было выиграно, и теперь он с удивлением увидел свою руку уже на рукояти пистолета, а кобура словно и всегда была расстегнута. Он почти развеселился: вот они, рефлексy, – но в дверь снова ударили, и тогда он медленно извлек пистолет. Снаружи били размеренно, упорно, и оттуда, заглушая уже порядком затихший праздничный шум, доносилось тяжелое злое сопение. Неужели Штуцер уже разболтал?

Лиза, не удержавшаяся на ногах, когда Шабан ее оттолкнул, поднималась с пола, все еще нерешительно улыбаясь. Она не понимала.

– Укройся там, – приказал Шабан, указывая рукой на спинку кровати. – И не высовывайся.

«Будут стрелять или нет? – билась в голове мысль. – Пока не сломают дверь, наверное, не будут – не только дверь, а и себя берегут, а потом?»

В дверь застучали сильнее. Шабан медленно пятился: стрелять с близкого расстояния было бы самоубийством. Найдя ошупью дверную кнопку, он оглянулся на Лизу – она съезжилась позади кровати, правильно закрывая руками голову, будто всю жизнь только этим и занималась. Было не разглядеть, улыбается она или нет. Шабан облегченно вздохнул и с силой вдавил кнопку в стену.

Глава 4

– Тьфу ты, – сказал Шабан, убирая пистолет. – Я думал, тебя давно след простыл.

– Н-не простыл, – объяснил Менигон. Он был пьян и выглядел вызывающе. В нос Шабану ударил резкий запах дешевого алкогольного суррогата, и Шабан, брезгливо пожав протянутую для приветствия руку, отодвинулся. Менигон немедленно воспользовался этим и, шагнув в комнату, попытался задвинуть за собой дверь. Руки его не слушались.

– Не хапай дверь, – холодно сказал Шабан. – Здесь кнопка.

Он тут же пожалел о сказанном: пока Менигон был в дверях, его еще можно было выставить. Теперь это превращалось в проблему. Он войдет и будет говорить, говорить, то проникновенно, то горячась, размахивая лапами и брызгая слюной; будет объяснять, почему он поступил именно так, а не иначе; будет захлебываться словами, ненависть собеседника и в то же время всячески пытаясь убедить его в истинности только что пришедшего в голову абсурда. Или вдруг начнет каяться? И то и другое – противно. А он будет стараться, пока не выбьется из сил и не заснет прямо здесь, то ли на полу, то ли на кровати – и тащи его потом за ноги в коридор. Он не понимает, что все уже сказано, да и что тут еще скажешь, если при исторической сцене прощания каждый высказал все, что думал о другом. Все без остатка и сверх того еще многое, о чем лучше не вспоминать. До драки не дошло, и на том спасибо.

– Я д-думал, ты мне т-теперь и руки не подашь, – сказал Менигон, держась за стену. – А ты... – он вдруг икнул и качнулся, – а ты – п-подал. Руку.

– Я ее потом вымою, – пообещал Шабан. – Зачем пришел?

– Зачем?... – На длинном лице Менигона отразилась работа мысли. – А и правда – зачем? Чего я у тебя не видел? Д-девку твою говорящую не видел? Я сам говорящий. И как говорящий говорящему я тебе говорю: н-не знаю я, зачем к тебе пришел. И ты не знаешь, – он вдруг выпрямился и бесцеремонно ткнул Шабана пальцем в грудь, – хотя тебе к-кажется, что ты знаешь. И она не знает... вон та, что за кроватью. Пришел вот, и все. Эт-то факт. А с ф-фактами нужно об-бращаться – ик! – осторожно... Во-от!

Шабан пошарил ногой вокруг себя, нашел обувь. Ему было тяжело. Не так уж легко терять друга, особенно когда человек, которого считал другом, приходит вроде бы неизвестно зачем, а на деле – искать понимания, и приходит в скотском состоянии, потому что иначе не может... Менигон – конченный. Теперь он эксперт, уважаемое лицо в агентстве по торгу и найму, да еще на Земле, не где-нибудь. Он сделал выбор и начал дрейф по течению, отдавая себе отчет в том, что неизбежно усилит это течение, и надеясь в душе, что усилит не слишком сильно. Это даже не предательство, подумал Шабан, зря я его тогда обляял. Это просто старость. Голову в песок и ни о чем не думать. Но он не сможет ни о чем не думать, очень он не прост и поэтому будет мучиться, пока сам не поверит в какое-нибудь выдуманное на свежую голову оправдание. Вообще-то Менигон – несчастный сдавшийся человек и, наверное, достоин сочувствия, только шел бы он сейчас к чертовой матери...

– Тебя не ждут на космодроме? – осторожно напомнил Шабан. – Между прочим, не советую тянуть с ренатурализацией. Лучше сделать здесь, а то на кораблях сам знаешь, какая халтура.

– На корабля-ах... – протянул Менигон и злорадно усмехнулся. – Врешь ты все, Искандер. Оп-пять врешь. Нету никаких кораблей, один к-кораб-бль есть, да и того, честно сказать, нету. Где он? – Менигон оглянулся, будто в самом деле рассчитывал найти в комнате корабль, и развел руками, но тут же снова схватился за стену. На его лице появилось горькое выражение. – Нету! – повторил он. – Нигде. Я теперь думаю: а может, его и не было?

– Твой корабль на космодроме, – сказал Шабан. – И я тебе настоятельно советую не тратить здесь времени. Упустишь рейс – застрянешь еще на полгода.

Менигон погрозил ему пальцем. Палец был желтый и костлявый, как у не вполне высохшей мумии.

– В-выгнать хочешь, – сказал он утвердительно. – Все меня гонят. Биртолли, хлыщ, на порог не пустил, Штуцер – ик! – и тот выгнал. А от тебя я не уйду, и не надейся. Здесь буду. Ты думаешь, М-менигон не в своем уме? Это ты не в своем уме, коли п-понять не хочешь... Не пускают никого в корабль, понял? И эк-кипаж не пускают, во! Охрана там, и даже не пьяная. М-морды! Ласково так заворачивают, с приб-баутками. А кого и п-побили.

– Так ты не улетаешь? – не поверил ушам Шабан.

– Ул-летишь тут, когда рейс отменили. Не отложили – эт-то ты заметь! – отменили. Р-раз – и нет рейса. Сплыл. Д-два – оглянулись – а отменять-то больше и нечего. А им мало, им еще хочется. И потому – впер-ред! От-менить! – Менигон возвысил было голос и снова опустил до шепота. – Меня отменят. Тебя... ик! – отменят. Всех...

Его голова поникла и вскинулась толчком, как резиновая. Он деревянно качнулся вперед и поймал Шабана за рукав.

– Потому что праздник, – сказал он с чувством. – Потому что радость, это ты понимаешь? А? Ты вообще-то понять способен? Гордость – понял? Радость! Я только сегодня понял, что такое радость. Это когда праздник, когда поют гимн и н-никто при этом не ржет и не х-хлопает себя по заду. Я сам пел! Даже прослезился, если хочешь знать, сам от себя не ожидал. Святые слезы! Оч-чищение – понял? И я теперь чист перед всеми вами, перед всем дерьмом вашим, и если меня не п-пускают в корабль, то только потому, что я чист, хоть и сам в дерьме, а это их не у...удовлетво...выворяет, им нужно, чтобы я был в дерьме и к тому же еще и грязен, тогда будет можно... А я чист! – Менигон ударил себя в грудь и, не рассчитав, отлетел к двери. Здесь его колени разом подогнулись, будто сломались, он сел на пол и уронил голову на грудь.

Лиза, поднявшаяся наконец из-за спинки кровати, села на постель, смотрела на Менигона своими огромными детскими глазами, и Шабан, поймав ее взгляд, полный непонимания, подумал, что сам ничего не понимает. И уже не старается понять.

Такой Менигон был попросту невозможен. За три года общей работы Шабан видел его всяким. Он видел серьезного и сосредоточенного Менигона. Менигона осторожного и расчетливого. Менигона хладнокровного и насмешливого. Менигона – хулителя, фрондера и хама. Один раз даже – Менигона добродушного. Мертвецки пьяного Менигона он тоже видел. Но не такого.

– Шел бы ты спать, – неуверенно сказал Шабан. – Поздно уже.

Менигон зашевелился, с трудом, хватаясь за стену, поднялся на ноги и горько покачал головой.

– И все равно я улечу, – упрямо сказал он. – Не этим зв...звездолетом, так следующим. Ч-через полгода улечу. Ч-через год. Во они меня здесь удержат! Пешком дойду! – Он запнулся и завращал глазами. Было видно, что последняя мысль его ошеломила и поразила новизной. – Уйду, – повторил он с воодушевлением. – От вас от всех. К-как там у Баруха? Э-э... Да! «Мы уйдем по утренним звездам, и наши шаги...» Э-э... наши шаги... Шаги наши... м-м-м... ик! Не помню. Дальше-то как?

– «И наши шаги смешают во лжи добро со злом, и там, где мы ступим, не выпадет дождь и не опустится снег, и звезды будут гаснуть под нашей пятой и разгораться вновь там, где мы прошли, сжигая за нами боль наших слов и смрад наших тел, и не мигнут нам на прощанье», – закончил Шабан и, бросив взгляд на Лизу, заметил, что глаза ее затуманились. Она не просто слушала, она, кажется, услышала! Шабан почувствовал сладкую жуть, как всегда, когда открывал в Лизе новое. Она проснулась, подумал он. Она уже не заснет и уже никогда не станет просто моделью. Может быть, она когда-нибудь станет человеком. Может быть.

– В-вот я и говорю, что он был сумасшедший, – тянул Менигон, шлепая губами. – Я-то его уж не застал и знать не знал, а старик Гийом и справку видел. П-помнишь ст-тарика?

Ну, тот, что тебя тогда в баре спас, когда тебе чуть ухо не откусили. Гхы! Шизофреником был твой Барух, ты сам это знаешь не хуже меня, да только кто-то придумал, будто говорить об этом н-не принято. К-кем не принято, я спр-рашиваю! Т-тобой? Девкой твоей паршивой не принято? – Менигон вдруг рассвирепел. Он уже не говорил, а рычал, брызгаясь. – Вот этой твоей игрушкой для постели не принято? Стервой твоей сексуальной? Ты, тебе говорю! Пшла!

– Пусть он уйдет, – робко вставила Лиза. – Я не хочу. Он страшный.

– Пошел вон, – с ненавистью сказал Шабан. – Дверь сам найдешь?

– А вот это ты видел? – кричал Менигон. – Д-дверь ему! Зря стараешься. Я от тебя никуда не уйд. . . йду, я твой наставник, если знать хочешь, меня Поздняков, свищ этот геморройный, еще когда накачивал: присмотри, мол, за этим. . . как его? За тобой, то есть, чтобы, мол, сглупа не гробанулся, во! И т-ты, молокосос, см-меешь меня гнать? Меня, куст ты ползучий! Наста-аа-авника, дрянь, своего! Коему ж-жизнью. . . ик!.. и в-вовек не расплатишься! Гад! Я т-твоей наставник, понял? – и я тебе сейчас н-наставлю. . .

– Но-но, – пробормотал Шабан, отступая. – Утихни.

Но Менигон уже размахнулся. Потеряв при замахе равновесие, он попятился, сисясь не упасть. Занесенный костлявый кулак тянул его назад, как магнит, на длинном желтом лице обозначились удивление и озабоченность. Шабан поймал его под мышки и потащил вон из комнаты. Менигон цеплялся за дверь. Потом он обмяк, перестал сопротивляться и позволил оттащить себя и поставить нетвердым столбом посередине коридора. «В случае чего дверь успеет захлопнуться, а там пусть себе ломится, – брезгливо подумал Шабан. – Охрану вызову».

– В-выгнал, – с горьким удовлетворением сказал Менигон. – И ты выгнал. Не пожалел. Отца родного, можно сказать, дайн либер фатер. . . Фатер фатеру – люпус. Волчий закон, понял? Это прерия. Дура лекс сед селяви. . . Стыдно теперь, а? А ты вот что. . . – Менигон качнулся вперед и неожиданно вцепился в комбинезон Шабана с такой силой, что на груди затрещало, – ты проводил бы меня, а? Я в-ведь один не дойду, я теперь на другом яру. . . русе, опять уступил м-молодежи. . . Проводишь? Ну, не надо, в-вижу, что не хочешь. . . А ты через не хочу, а? Ты т-только попробуй, и не стыдно тебе будет, а хорош-шшо, так ведь? А?

От него резко несло алкогольным суррогатом. Порошком ползучего гриба тоже попахивало. Влажный мясистый нос свисал к подбородку, как сталактит. Шабан попытался отстраниться.

– Н-нет уж, – мычал Менигон. Разжать его хватку было невозможно. – Н-нет, ты уж меня доведи-и. . . ик! Т-ты знаешь, когда ид-дут двое пьяных, они сшш. . . шатаются по а-амплитуде в к-корень квадратный из двух б-больш. . . шей, чем когда идет один. В-выпив-вший. Вот. А к-когда из двух ид-душих только од-дин пьян. . . в-выпивш. . . ий. . . да! – то амплит-туда в к-корень из двух меньше, и ты вот это, я думаю, п-понимать должен, потому что г-голов-ва у тебя светлая, хоть и с п-плешью. . .

Длинный коридор был почти пуст, только в дальнем конце маячил кто-то, и Шабан порадовался тому, что их не видят. Потом он понял, что они уже идут в обнимку, и покорился, чувствуя, что давно ему не было так тошно. Хотелось взвыть. Проклятое место эта Прокна, медленная убийца тех, кого не смогла убить быстро. Она их жрет. Вот Менигон, который был человеком. Даже редким человеком. Где он? Вот эта развалина, пускающая слюни, вот эти руины? Наверно, и Поздняков когда-то в молодости был неплохим парнем, а жизнь этого неплохого – об колено, об колено! С хрустом. Чтобы знал, что для того, чтобы ползти вперед, нужно быть скользким. И он старается, ползет по спинам других, устилающих ему дорогу, – он и рад бы не по спинам, да не выходит, не по спинам здесь мало кто умеет, а тот, кто умеет, тот чаще всего не хочет, потому что противно и без того, и не видно цели. Тот же Ли Оммес. Еще Тосихидэ, Гупта, Адам Панчев, прозванный, разумеется, Евой, да мало ли кто еще. . . А может быть, дело в том, что мы не сапиенсы? Есть же какие-то отличия, и не только в химии организма, а и в психологии тоже, об этом написаны труды, надо попробовать почитать, если будет

время. Только времени скорее всего не будет. На нужное дело никогда не бывает времени, вечно чем-то занят: разведкой, снаряжением, обработкой результатов, начальством. Иногда даже своими мыслями, хотя проку от синдрома никакого. Мысль – продукт разума, почему-то пришло на ум. Но тоннель сквозь хребет – тоже продукт разума. И разум продуктом разума убьет чужой разум, не задумавшись и, вернее всего, даже не заметив. И может быть, уже убил...

Менигон совсем обвис, еле двигал ногами и цеплялся за шею. Шабан, морщась от гадливости, поддерживал его под мышки. Недалеко впереди с тихим жужжанием уехала в стену дверь чьей-то комнаты, оттуда вышел некто румяный и розовощекий, со служебным значком пятой степени, по виду – мелкий чинуша из конторы, и, увидев разведчиков, панически заметался и юркнул обратно. Дверь за ним схлопнулась, как выстрелила. В прежние времена Шабан не удержался бы, чтобы не хряпнуть с разбега ногой по этой двери, а затем прислушаться и с удовлетворением услышать, как клерк с грохотом баррикадирует вход и как он срывающимся голосом кричит в интерком, пытаясь вызвать охрану. А потом смыться. И получить на весь день заряд бодрости и хорошего настроения. Правда, эта забава всегда была связана с некоторым риском. Если охрана со скуки и в самом деле не станет развлекаться, давая настырному клерку плоские советы, а прибудет на сигнал незамедлительно, будет худо. Люди здесь злы. Может быть, потому, что у них нет домашних животных, подумал Шабан. Кошечек бы неплохо натурализовать, морских свинок. Мне бы тоже иметь какую-нибудь свинку, пусть Лиза чешет ей за ухом. А что, это идея. Заведу себе Менигона на поводке, буду его выгуливать вдоль коридора... Или лучше заведу себе белого клеща.

Позади зажужжала еще одна дверь, кто-то грузным шагом вышел в коридор и остановился. Из-под руки Менигона Шабан оглянулся и обмер. Это был сам Юстин Мант-Лаквиц, бессменный шеф отдела Особой Охраны и приданных подразделений, он же Живоглот, маленький, квадратный, с газончиком блеклых волос на крупной шишковатой голове. Он смотрел вслед и улыбался.

– Стара, ст-тара ты, Эльп-пиника! – воскрес вдруг Менигон и снова уронил голову. Шабан невольно прибавил шагу. Встреча с Живоглотом – это никуда не годится. Казалось бы, что тут такого: бредет человек со второй степенью на значке, представитель уважаемой касты разведчиков, влачит уставшего товарища. Праздник же, все мы люди. А этот смотрит, будто увидел невесту что, и улыбается. При этом никто не знает, что он предпримет в следующую минуту, когда под бугристым черепом произойдет раскладка по чашкам весов, и чем это обернется для представителя уважаемой касты. И улыбается. Точно так же он улыбался, глядя, как его молодцы рвали на куски беднягу Эрдюю – ходят слухи, что Живоглот лично вырезал ему язык, осмелившийся (гы-гы!) пролепетать что-то о злоупотреблении властью. Впрочем, скорее всего, это легенда. Но характерная, поэтому говорят об этом шепотом и оглядываясь. А чаще всего молчат, и правильно. Наверняка все было гораздо проще, без взрезанных языков, без кровавой жути из детских ночных рассказов; гораздо обыденней, а потому страшнее. Но улыбочка Живоглота была, потому что не быть ее в тот момент не могло. Это уж у него с рождения – работа в радость. Он улыбался и тогда, когда на последнем усмирении приказывал затопить газом близлежащие норы убегунов, – а вот это уже не легенда, а документированная быль, и на кадрах хроники Живоглот жмурится, как сытый кот. Он любит улыбаться, и улыбка у него ласковая.

Кое-как свернули в боковой коридор, и Шабан утер со лба пот. С Живоглотом лучше быть в разных коридорах. Еще лучше – на разных ярусах, а самое заветное и недостижимое – на разных планетах. Чего это ради Менигон плел, будто Живоглот мне покровительствует? Или это мне приснилось? Чушь какая-то. Он же феодал, ему вассалы нужны, а я быть вассалом не умею. Я умею быть государственным служащим. В государстве с населением десять тысяч человек – одна трехсотая человека на километр квадратный – не мешало бы всем и каждому чувствовать себя государственными служащими. Но это тоже из области снов.

– В-в лифт не п-пойд-ду, – опять очнулся Менигон. – Гхм! Бху! В в-винтовой в-веди...

Шабан и сам не хотел в лифт. Хватит встречи с Живоглотом, совсем не обязательно напаиваться на прочее начальство, особенно на Позднякова. Могут быть неприятности. Менигон спяну полезет обниматься или впадет в буйство – и не видать ему Земли, не быть ему экспертом. Пусть уж лучше летит. Пусть катится «по утренним звездам», и как можно скорее. Месяца через два он будет на Земле, ошалевший от радости, потом отдышится, попривыкнет, а там, пожалуй, начнет скучать и окрашивать воспоминания о Прокне розовой акварелью, утвердится в своей правоте и года через три окончательно сопьется. Жаль, на Земле нет ползучего гриба.

Ага, вот и винтовой коридор, апогей обходного маневра. Дверь уезжает в стену медленно, со скрипом, ей совсем не хочется в стену. На двери вмятины: не то усталостная деформация, не то кто-то бился головой. Очень громко хлопает за спиной – вот вам всем! Так, теперь куда? Шабан притормозил набравшего инерцию Менигона и сам остановился, соображая. Вверх или вниз? На каком он ныне ярусе?

– Теперь хватит, – совершенно спокойным, ровным голосом сказал Менигон и отпихнул Шабана рукой. – Устал, поди. Все, цирк окончен.

Шабан остолбенел. Перед ним стоял прежний, хорошо знакомый Менигон со знакомой усмешкой, в морщинках вокруг желтых глаз, разве что чуть более озабоченный, чем обычно. Чуть более сутулый, с длинными свисающими руками, с фигурой, похожей здесь, на наклонном выщербленном полу, в скудном свете заросшего пылью потолка, на огромную тощую человекообразную, зашедшую в эволюционный тупик. Не был он пьян, и не был он чист, даже если в самом деле тянул со всеми гимн, отрывая и притопывая в такт, даже если прослезился – плевать ему было на гимн и на светлые слезы под праздничную выпивку без ограничения. Шабан почувствовал себя дураком, обиженным ни за что. Поделом дураку, не забегай, дурак, вперед. Менигон любит говорить, что нет смысла двигаться быстро, если не уверен, что идешь нужной дорогой. Он прав. Что ж, он нашел свою дорогу и быстро по ней движется. Он теперь добропорядочный. Что нужно, чтобы быть добропорядочным в праздничном Порт-Бьюно? Шататься по всему кубу и цепляться к людям, предварительно прополоскав рот какой-то химией в спиртовом растворе, мычать, изливая чувства, если не способен иначе выказать восторг души, – пусть даже с жесткой усмешкой, запрятанной подальше вглубь, где не раскопают, с терпеливой покорностью участника длинного, сложного и абсолютно не нужного ритуала. К-конспиратор! А может быть, и не с усмешкой вовсе, и не с покорностью, а, наоборот, с щенячьим удовольствием неопита, долго шутившегося на мутную мертвую жижу под ногами и наконец решившегося прыгнуть – ого! Жизнь-то, оказывается, хороша!

– Здесь их нет, – сказал Менигон удовлетворенно. – Так я и думал. А в твоей комнате их целых две, а может, и больше, это только я нашел двух, они даже не очень прятались. И никто не знает, чьи они...

– Кто – чьи? – спросил Шабан.

– «Блохи», – сказал Менигон. – Знаешь таких насекомых? Только эти «блохи» не прыгают, они ползают. Но шустро.

Шабан повернулся и шагнул к двери. Не будь Менигон когда-то его другом, не будь он и теперь его учителем... Или, скажем, будь на месте Менигона какой-нибудь Штуцер – плохо пришлось бы Штуцеру, хоть он и снабженец, хоть перед ним и заискивают разные простаки. Чтобы впредь соображал, что разведчиков после разведки разыгрывать не стоит, разведчики люди грубые, розыгрышей не ценят и не любят, когда их беспокоят не по делу. А этим – шуточки. Вот и Винсент теперь – из «этих». Веселая планета Прокна.

– Дальше, надеюсь, дойдешь сам, – уронил он через плечо. – И больше не приходи, сделай одолжение. Считаю, что попрощались.

– Я с тобой не прощался, – донеслось сзади.

Да? Вот как? Он хочет чего-то еще? Может быть, получить прощальное напутствие от некоего Шабана, какое-нибудь «семь парсек под килем»? Долетит и без напутствий, никуда не денется. Или ему хочется, чтобы некий Шабан немедленно, здесь же на месте, поторопился заручиться протекцией на будущее, на случай если когда-нибудь все же вырвется на Землю? – и протекция, конечно же, будет оказана... Шабан сжал зубы и зашарил рукой по стене, отыскивая дверную кнопку.

– Стой, – сказал Менигон.

Шабан вздрогнул. Самое простое слово, но Менигон нашел то, что нужно. Вернее, он нашел тон, похожий не на команду, а на ответ на крик: «Спасите! Погибаю!»

Разведка. Горы. Воздушная волна впереди обвала, сбивающая с ног, жужжание каменной мелочи, опередившей основной поток, ужас и втягиванье головы в плечи, брошенный к черту геолокатор и двое безумцев, пытающихся спасти то, что тогда казалось им самым ценным: записи результатов глубинного сканирования, какую-то там проекцию месторождения А на плоскость В, относительной глубиной С. Вернее, безумец-то был один, а Менигон подыгрывал и тогда, и много позже...

Разведка. Степь. Пыль, вездеход трясет, турбина на пределе возможного режет уши смертным воем, а сверху, с голубого, как в насмешку, неба заходит для нового залпа боевой флайдарт княжества Хинаго. Он уже промахнулся один раз и ушел на разворот, ему нет дела до того, действительно ли вездеход из Редута нарушил ненароком границу, – да и кто может точно указать, где проходит граница? – он знает только то, что промазал, а это для пилота флайдарта непростительно, за это срывают нашивки, и поэтому он не отстанет...

«Стой, – говорил Менигон. – Дай-ка теперь я...» И давал! Еще как давал. На затылке у Шабана шрам, он станет заметен, когда Шабан облысеет окончательно, – это память о той глыбе, что падала на него, оцепеневшего, – и взорвалась каменной крошкой моментом после того, как Менигон из неудобного положения успел вскинуть оружие и поймать глыбу в прицел. И ведь именно он, а не кто-то иной размазал по небу неопрятную бурю тучку, подсвеченную огнем, – все, что осталось от боевого флайдарта княжества Хинаго. Были и другие случаи, Шабан их помнит, и Менигон, похоже, не забыл. Но это запрещенный прием – вот так играть на чужой ностальгии. Не надо бы этого.

– А мы ведь еще не договорили, – ленивым голосом сказал Менигон. – Впрочем, твое дело. Или ты спешишь?

– Я не спешу, – буркнул Шабан, косясь через плечо. – Я только не люблю, когда из меня делают идиота. Я с разведки и спать хочу, а тебе – шуточки. Приходи завтра, если ты думаешь, что у нас с тобой есть о чем говорить. Только учти, я так не думаю.

Менигон коротко хохотнул.

– Не-ет, малыш, – сказал он. – Говорить мы будем здесь. И думать тоже. Здесь лучше всего, а ты и не понял. Темный ты и упрямый, семь потов сойдет, пока тебя сюда вытащишь. Врос, как пень, и корни пустил, корчуй тебя, гулкого, и руки береги, а то еще занозу всадишь...

– А почему нельзя у меня? – на всякий случай Шабан решил не обижаться.

– Потому что у тебя «блохи».

– Что??!

– «Блохи», говорю. Ты что, про «блох» не слышал? Что взять с разведчика! – Менигон развел руками. – Давно я с тобой не занимался, чувствуется влияние улицы на неокрепшую психику, ярчайшее проявление которого – самонадеянность и дремучее невежество. Да ты хоть о чем-нибудь кроме своего тоннеля помнишь? Ну хорошо. Может быть, тебе неизвестно и что такое «жучок», «баг»?

– Известно.

– А «блоха» лучше. Она умнее. Она не сидит на месте, а ползает, передает не только звук, но и изображение, а ночью – в инфракрасном. В поляризованном, как угодно. В рентгене.

В чем хочешь, то есть в чем хочет тот, кому принадлежит «блоха». У нее интеллект – гм – в отличие от некоторых моих знакомых. Есть тут один такой: «Ух, разведка! Ах, Лиза! Ох, тоннель!» А у него под ногами пешком ходят.

Шабан сглотнул. В голове закружилось: Менигон, не удержавшийся на подгибающихся ногах и свалившийся на пол, оказывается, вовсе не потому, что переигрывал по артистической бездарности, а потому, что хотел рассмотреть на полу нечто мелкое; потом Лиза; потом самодовольный Роджер, подбитый вездеход с остывающим красным пятном на корме – и контуженое мелкое насекомое, бегающее кругами, противный писк под каблуком... Даже в разведке не уйти от чьего-то взгляда. Не выпускают... Держат.

– Живоглот? – спросил Шабан.

Менигон пренебрежительно махнул рукой.

– Если бы только он. Ну, конечно, и Живоглот тоже, ему и по должности полагается. По-моему, Лахвиц и сам бы не прочь выяснить, у кого еще есть свои «блохи», кроме него, Председателя и кое-кого из Совета. Ты думаешь, он спит ночью? Он «блох» ловит. И метит. Дело ответственное, не всякому холую такое доверишь, да и ловят их не руками, естественно, а... В общем, неважно. Ее же не просто поймать нужно, а суметь отключить так, чтобы ничего не успела передать, чтобы не получила команду на самоликвидацию, а пометив, следить, куда поползет. Это наука. Только всех «блох» не выловить даже Живоглоту, а про остальных и говорить нечего.

– «Блохи», – задумчиво сказал Шабан. Его передернуло. – Значит, и Поздняков тоже?

– А ты соображаешь, – похвалил Менигон, – хотя и медленно. Впрочем, ты и раньше не блистал...

– В моей комнате их две, – упрямо сказал Шабан, – а может, не две, а три или даже больше. Так? Допустим, одна из них поздняковская, а остальные? Мне что, не доверяют?

Менигон хмыкнул.

– Либо не доверяют, либо собираются двинуть в начальство. И в том, и в другом случае – побереги плешь. Не то сейчас время, чтобы делать карьеру, ты меня понял?

– Нет.

– И не надо. Но запомни, что я тебе сказал, очень прошу. Что-то будет, или я ничего не понимаю. Что-то надвигается, это как волдырь, который должен лопнуть. Когда он лопнет, будет плохо, и тоннель только ускорил дело. Ты не можешь этому помешать, я не могу, никто не может, потому что случится то, что должно случиться. Будет страшно. Обещаешь мне сидеть тихо и не высовываться?

– Почему это мне не высовываться? – спросил Шабан, хмурясь.

– Потому что, если высунешься, мне тебя будет очень не хватать, – задушевно сказал Менигон. – Мой тебе совет: на ближайшие дни напросись в разведку – подольше и подальше. Уяснил?

Нет, подумал Шабан. Чепуха какая-то. У Менигона – и вдруг таланты Кассандры. Это смешно. Чушь это. Бред грибного нюхателя.

– Ты меня за этим вызвал? – спросил он. – Что еще нового?

– Да что нового... – Менигон подвигал морщинами. – Тоннель, как ты уже, наверное, знаешь, додолбили. Радости полные штаны. Правительственный Совет от избытка чувств объявил три дня праздника. Они, дураки, не понимают, что за три дня многое может измениться... Что? Да провались ты со своей заумью, я тебе о главном, а ты о ерунде. Не было там твоих этих... составных мозгов или как их там, в сельву, должно быть, сплыли, если ты их не выдумал. Птиц там каких-то видели, говорят, с во-от такими носами, подстрелили их парочку на радостях. Вот тебе и все, а людей там тоже не было. Да, что еще? Башилаву-Носача из отдела Массового Досуга погнали в шею за некомпетентность и моральное разложение, а на его место прочат не то Пирсона, не то Ахилла Дремова, но это тебе, полагаю, неинтересно...

Это действительно было неинтересно. Но главное Менигон все же сказал: вариадонты не стали ждать, когда их накроет последним, прорвавшимся наружу взрывом. Они живы, они ушли в лес! Что-то сработало, разум ли, инстинкт ли самосохранения – какая разница! И теперь этот новый, неведомый нам нечеловеческий разум прячется в сельве, в гиблых зеленых топях, мучается страхом, потому что инстинкта самосохранения без страха не бывает и не всякий разум подавит страх, – сжимается от близкого шороха какого-нибудь безмозглого гада и спасается бегством от всякого шагающего баньяна. Потом они вылезут из сельвы, потому что могут нормально существовать только вблизи выхода радиоактивного горизонта (после взрыва, когда пыль осядет в сельву, недостатка в радиации не будет, но это не то), вернуться – и будут встречены всей нашей мощью технологической цивилизации. Мы их не примем, для нас они не носители разума, а неопрятные кучи с дурным запахом. Гони их! А вот мы их рядом... Да быстрее ты, уходят же!.. И они снова уйдут в сельву, извергнувшую их и готовую поглотить вновь, потому что ничего другого сельва делать не умеет. А как бы хотелось думать наоборот: разум – хозяин сельвы, организующее, так сказать, начало, и сельва, кишашая зверьем, послушна его приказам... Вряд ли. Очень приятно так думать, но это, к сожалению, неправда. А от неправды надо избавляться. Надо, даже если очень этого не хочется...

– Это все? – спросил Шабан.

– Это не все, – сказал Менигон. – Теперь ты. О разведке. И подробнее.

Шабан пожал плечами.

– Ну что разведка... Разведка как разведка, обыкновенная. Гончих вот встретили. А так – ничего.

– Врешь, – Менигон погрозил желтым пальцем. – Говори дяде правду.

Правду ему? Ну, черт с ним, пусть слушает. Менигон слушал внимательно, и лишь когда Шабан добрался до боя с гончими и темного облака, вовремя скрывшего второй вездеход чужаков, засмеялся, коротко и зло.

– Опять щитоносцы, – сказал он с отвращением. – Верховные существа. Надоело.

– Что надоело? – спросил Шабан.

– Все надоело, – заявил Менигон. – Бардак в кубрике. Это по-нашему. Ты бы у них спросил: они молитвы только вместе с жертвами принимают или, может быть, можно всухую?

– С какими еще жертвами?

– С человеческими. Установим на крыше куба алтарь, что там еще полагается? Позднякова – верховным жрецом, из него хороший шаман получится. А что? Это можно поставить на поток. А ну, у кого значок пятой степени? Шаг вперед. И – по жребию, раз в полнолуние. Или наоборот, в новолуние. Под барабанный бой. Мы к этому давно готовы, можешь не сомневаться. Дело за малым: официально щитоносцы еще не признаны. Значит, будут пока подпольные секты, будут гонения. Инквизиция будет, подозреваемых в сектантстве – на шельф.

– Трепло ты, – сказал Шабан. – Щитоносцы существуют, это факт. Я их корабли сам видел.

– Я тоже видел, – сказал Менигон. – Да все видели. Это-то и интересно. Сожрали четыре ракеты. Так нельзя. Это колебание устоев. Последние триста лет человечество живет с убеждением, что в обозримой Вселенной нет иного разума, кроме его собственного...

– Уже есть, – перебил Шабан. – Вариадонты.

Менигон насупился, и стало видно, как ему хочется изложить свое мнение о собеседнике и о его манере прерывать его, Менигона, свободное излияние речи, однако он сдержался и потребовал рассказывать дальше. Услыхав про дым в ущелье, он стал очень серьезен.

– Похоже, ребят накрыли, – сказал он после раздумья. – Хорошо, если только с воздуха, тогда у них еще есть шанс. Но если наши орлы высадили десант – тогда худо. Перебьют как дичь, это им в удовольствие, защитничкам... Стой! – Менигон сощурился. – Если там были солдаты, то они могли видеть и тебя, и гончих, что тебя гоняли, а значит, обязаны были вме-

шаться. Однако не вмешались. Значит, либо там была задействована не армейская часть, а охрана, либо там никого и не было. Правильно я говорю? Надо попытаться узнать... Погоди, погоди, в какое время ты видел дым?

– Не помню. Что-нибудь около шестнадцати по местному, я думаю.

– Ага, – сказал Менигон. – Иначе говоря, информация должна быть в спецархиве уже сейчас, а если сделать поправку на праздник и разгильдяйство, то самое позднее завтра к утру. У тебя есть допуск?

– Откуда? Нет, конечно.

– И правильно. У меня тоже нет. Не знаешь, у кого можно одолжить значок первой степени?

Шабан заморгал. Сейчас что-то случится, механически подумал он. От таких слов может упасть потолок. И это спрашивает Менигон, обычно свехосторожный, несмотря на вечную свою хулу на начальство! Но хула имеет право на существование и начальство ее терпит, полагая необходимой разрядкой, зато передача личного значка в чужие руки дело рискованнейшее, и виновный (вернее, оба виновных, если, конечно, значок не был выкраден) никак не имеют шанса отделаться всего лишь шельфом. Даже не хочется думать, чем это может кончиться.

– У Позднякова первая степень, – сказал Шабан, облизнув губы. Потолок не упал, и это было странно. – Только я к нему с таким вопросом не пойду. Сам иди.

– Спасибо, – сказал Менигон. – А помимо Позднякова?

Шабан подумал.

– У Биртолли должна быть первая степень, – неуверенно сказал он. – Он-то значка не носит, надоело, как видно, что все перед ним в струнку, как перед генералом, он и так не знает, куда от славы деваться.

– Хлыщ этот? А ты с ним знаком?

– Косвенно, – усмехнулся Шабан. – Он обо мне писал в «Курьере». Помнишь?

– Помню. Вот и попробуй.

– Вот и попробую. А ты?

– И я попытаюсь, – сказал Менигон. – До отлета, во всяком случае. А если не успею – тогда ты один. Надеюсь, справишься.

Будто хлестнули по лицу. Значит, ничего не изменилось, значит, Менигон все-таки решил лететь, вернее, бежать во что бы то ни стало. А он-то, дурак, надеялся... на что, спрашивается? Крысы не тонут. Они бегут и, разумеется, очень правильно делают. И все-таки они – крысы.

– Да, вот еще что, – сказал Менигон. – Хотел спросить: ты ту плантацию гриба, надеюсь, гусеницами не давил, а? Согласно инструкции?

Шабан сделал над собой усилие и пожал плечами.

– Нет, конечно. Не пойму: с какой стати мне ее давить?

– Это хорошо, – кивнул Менигон. – Ты молодец. А то у меня там пай, было бы жалко. Ну, что смотришь? Существует старая проверенная истина: не пытается устроиться сам только тот, кого и без того все устраивает, а где ты таких в Редуте видел? Я – не видел. И перестань пялить глаза, эка невидаль – пай... Хочешь, похлопочу и за тебя, если имеешь наличные. Так, мол, и так, есть хороший человек, не болтливый, ценимый начальством, то да се, но в глубине души лопух, потому что считает себя неудачником, надо бы порадовать такому... А?

– Я подумаю, – сказал Шабан. Он не был готов к тому, что снова придется стискивать зубы. Однако пришлось.

Менигон скорчил гримасу.

– Подумаю, подумаю... О чем тут думать? Соглашайся, пока я еще здесь. Поздно же будет.

– Ты все-таки улетаешь? – спросил Шабан.

– Не «все-таки», а именно улетаю. Как только «Юкон» выпустят, так и отчалию. А ты что думал?

– Я думал, в тебе больше совести.

– Я и сам так думал, – сказал Менигон. – Но ошибался.

– Дряннь ты, – выдавил Шабан, уже не сдерживаясь. – Грибник. Шкура.

– Будь осторожнее, – говорил Менигон. Он не слушал и не собирался слушать, и это было оскорбительно. – Держись Позднякова и по возможности не высовывайся. Что-то должно произойти, и очень скоро. Может быть, завтра. Может быть, это уже началось. Будь внимательнее. Уже что-то должно быть заметно, какие-то глубинные токи, ведь никогда не бывало так, чтобы никто ничего не заметил. Отправляйся в разведку, отсидись там. Между нами: держись подальше от Коммуны. Анклаву конец, так им нужно. А на Живоглота плюнь...

– Гад, – сказал Шабан, давя кнопку. – Холуй барский. Эксперт.

Винтовой коридор был покинут, и Менигон немедленно начал пошатываться и уцепился за стену. Утвердив себя прямо, он посмотрел на Шабана долгим взглядом, и Шабан понял, что Менигон прощается. И на мгновение ему показалось, что в этих очень правдоподобно осоловевших глазах промелькнуло что-то не совсем обычное, что-то вроде гордости учеником и тоскливого сожаления о чем-то несбывшемся, но промелькнуло только на мгновение – и глаза снова потухли и стали бессмысленными. Нет, показалось. Конечно, показалось. Ладно хоть отстал, и то благо. Сворачивая в свой коридор, Шабан видел, как Менигон, увязавшись за чьей-то семящей вдоль стены моделью, шатаясь и размахивая руками сильнее прежнего, пытается ее поймать во вратарском броске и бубнит ей: «Цып-цып-цып...» Клоун. А ведь почти национальный герой, человек-легенда, впервые подтвердивший существование радиоактивного горизонта. Из тех, о ком поется: «Славой героев...», чье имя впоследствии войдет в школьные учебники, да так, пожалуй, что будущие дети Прокны вообразят себе серьезного ученого, спокойного и вдумчивого дядю, а не разведчика, потного и пыльного, сплошь и рядом озабоченного тем, как остаться в живых, и только. Он убивал, и его убивали. Он убивал лучше и потому выжил. Это жизнь, в этом обязательное условие существования на Прокне, и дети, повзрослев, поймут. И сделают свои выводы, поэтому из кого-то из них вырастет второй Винсент Менигон, а из кого-то – второй Юстин Мант-Лахвиц. Хорошо, что дети не такие прагматики, как мы, иначе вокруг были бы одни Юстины.

Шабан на ходу потер затылок, размышляя. На пальцах остался клочок волос. Вот черт... Лысею. Есть такая легенда: если человек после натурализации лысеет, значит, он хороший человек. Многие верят, особенно лысе... Ладно. Как там было сказано: плюнуть на Живоглота? Интересная мысль. Это на человека, который непонятно почему до сих пор не подмял под себя Правительственный Совет? Хороша рекомендация, в духе оракула – попробуй истолкуй. Но Менигон зря болтать не станет, хотя его слова могут означать то, до чего не сразу додумаешься. Например, наличие в Редуте кого-то, кто могущественней Живоглота. Вот это страшно. Правда, в такое верится с трудом, но, с другой стороны, все возможно, и Менигон был бы более откровенен, если бы не читающаяся на его лице фатальная уверенность в том, что ему, Шабану, Биртолли и вообще кому угодно в любой час могут подослать «блоху» с крошечным баллончиком, заряженным возбудителем пятнистой горячки...

Ничего не понимаю, подумал Шабан. Какая-то возня, непонятно чья и непонятно зачем. Надо же: «блохи»... «Блохи» разных, должно быть, пород, разного подданства. Кто же хозяйева, а? Что-то много получается, откуда только «блех» берут? Не иначе, импорт, здесь-то их не делают. Хотя откуда я могу знать, что здесь делают? Или, может быть, они умеют размножаться? Очень может быть. Может быть, существуют и «блохи»-хищники, уничтожающие чужих «блех»? Не знаю, не знаю... Энт-томологи! Следят, не выпускают из виду. Значит, и про Лизу им известно, вдруг понял Шабан и почувствовал, как по спине побежали мурашки. Значит, известно уже давно, с тех пор как я научил ее произносить первые слова. Они слышали

ее первый, совсем детский лепет – Поздняков слышал, Живолот слышал... кто там еще? Но – молчат: не иначе, Поздняков бережет ценного работника от душевной травмы, а если так, то плевать мне теперь на эту троицу: Штуцер, Оммес и Биртолли... Шабан покусал губы, соображая. Черта с два – плевать. Одно дело знать и помалкивать и совсем другое – письменная докладная, которой Поздняков будет вынужден дать законный ход, да, скорее всего, докладная попадет не к нему, а сразу к Живолоту – и это конец. Нет, надо идти, упрашивать, клянчить, сулить и прочее... И немедленно.

У Оммеса оказалось заперто: не то он отсутствовал, не то уже спал. Идти к Биртолли было рано. И Шабан пошел к Штуцеру.

Дверь сработала сразу, едва Шабан нажал кнопку вызова. Похоже, здесь его ждали, и Шабан не удивился: Штуцер никогда не упускал своего. За первой дверью неожиданно обнаружилась вторая – настоящая деревянная дверь в резных завитушках, крепкая и массивная, как ворота средневековой крепости, и, кажется, даже из выдержанного дуба или какого-то другого благородного дерева, только не из местных пород. «Живут снабженцы», – мимоходом подумал Шабан и толкнул дверь.

Здесь было благопристойно. Никто не шумел, не вопил песен и гимнов, не спал под столом в собственной луже и не затевал с моделями игру в «поймай – не отпусти». Собственно, моделей в комнате не оказалось вовсе, зато Штуцер наличествовал полностью и в соответствии с праздником выглядел даже более розовым, чем обычно. Будто ошпаренным. Он был не один, рядом с ним за столом, заставленным полупустыми бутылками и картонными тарелками с недоеденной закуской, по обе стороны от хозяина апартаментов в неестественно прямых позах сидели двое, и Шабан, кивнув всей троице, попытался припомнить, где же он видел этих двоих, и не припомнил. Зато закуска на столе была хороша, особенно заманчиво выглядели местные лангусты, уловленные в Дымящейся реке и, наверное, еще сегодня утром шнырявшие по дну в поисках съестного. За лангустами пламенели нездешние розовые яблоки; на блюде поверх тающего балыка лежало земное чудо: синий, как грыжа, натурализованный баклажан. Шабан заставил себя отвести глаза и непроизвольно сглотнул. С первого же взгляда ему стало ясно, что здесь ждали не его.

– А-а, разведка! – радостно закричал Штуцер. – Что, опять сальники текут? Познакомьтесь, это Шабан из разведки, краса и гордость, так сказать... Орел!

Двое незнакомцев молча наклонили головы. Тот, что сидел анфас, помимо кивка, вынул откуда-то из-за спины руку, механическим движением, как оживший манекен, налил себе рюмку прозрачной, посмотрел сквозь нее на Шабана, беззвучно опрокинул в рот и вяло пожевал губами. Он был похож на второго, и оба они были рослые, крепкие ребята, их можно было бы принять за удачные модели, если бы Шабан не знал, что выпуск мужских и бесполок моделей в отделе «Био» хотя и планируется, но разработка не завершена.

– Ваше здоровье, – пробормотал Шабан. – Я, пожалуй, найду потом. Попозже.

– Это почему потом? – возмущился Штуцер. – А сейчас? А праздник? Мы еще за тебя не выпили, равно как и за всю разведку, и ты за нас еще не выпил. Налейте-ка ему, ребята.

Лжемодель, сидящая в профиль, потянулась за бутылкой.

– Э, нет, ребята, – сказал Шабан. – Сейчас не могу. Мне сейчас пить нельзя, не то свалюсь. Я прямо с маршрута. И потом... – он конфузливо покосился на рослых «близнецов», – у меня к тебе личное дело. А ты с компанией... Так что потом.

– Это кто компания? – сказал Штуцер. – Это вот эти компания? А вот сейчас они не будут компанией. Эй, ребятки! Посидите-ка пока в той комнате, договорились? Видите, человек пришел, что-то одному мне сказать хочет. Так ведь?

– Ну зачем же так, – пробормотал Шабан. – Так неловко как-то...

Штуцер не обратил на него внимания. «Близнецы», прихватив со стола початую бутылку, безропотно скрылись во внутренней комнате. Дверь, тоже дубовая и похожая на ту, что Шабан уже видел, поехала за ними медленно, словно броневая плита, и беззвучно захлопнулась.

– Хорошо устроился, – сказал Шабан, оглядывая помещение. – Две комнаты у него, двери из настоящего дерева. Лангустов жрет. Так вот куда идут мои денежки, а?

– Может, все-таки выпьешь? – спросил Штуцер. – Хорошее пойло.

Шабан с сомнением посмотрел на желтую бутылку.

– Коньяк?

– Вино, – сказал Штуцер. – А какое – не знаю, убей бог. Завалилось вот. Пей, пока дают.

– Нет уж, я лучше понюхаю, если ты не возражаешь.

– Ради бога, – уверил Штуцер. – Пожалуйста.

После лошадиной дозы, принятой в вездеходе, сушеного гриба осталось мало. Шабан осторожно высыпал на указательный палец немного порошка и, заранее жмурясь, вдохнул. Когда тело вновь стало легким и в голове прояснилось, он открыл глаза и поискал на столе чистую тарелку.

– А ты не боишься, что я сообщу в охрану? – спросил Штуцер. Он смотрел на Шабана изучающе и неприятно шурился.

– Не боюсь, – сказал Шабан, накладывая себе еду. – У кого ты тогда в долг брать будешь? Кто тебе даст?

– Шельф по тебе скучает, – заметил Штуцер и потянулся за лангустом. Шабан, пользуясь случаем, последовал его примеру. Лангуст уже не дымился, как ему было положено, и вообще был холодным и скользким на ощупь, как если бы его подали на стол часа три назад, да так оно, наверно, и было.

– Ну что – шельф, – сказал Шабан, осторожно разламывая шипастый панцирь и вгрызаясь в мясо. – Не видел я шельфа, что ли? И на шельфе люди живут. Конечно, когда приливная волна смывает буровую – это неприятно, особенно если ты находишься как раз на той буровой. А так – жизнь как жизнь, терпимо. Скучно, правда.

«А здесь не скучно? – поймал он себя. – Ведь невозможно же, волком же взвоешь... Впрочем, нет, здесь-то по всем параметрам не скучно. Но лучше скука, чем такая жизнь. Там скучно, а здесь скученно, и от этой скученности люди звереют. Нельзя же в самом деле запихнуть шесть тысяч человек в стальной куб с ребром в двести метров и всерьез рассчитывать на то, что им здесь будет хорошо и воцарится тишь да гладь. Бред это, хотя, конечно, мера вынужденная, удобная для управления, невозможно себе представить мало-мальски эффективное управление вне этой скученности и непрерывной малопонятной возни, черт знает что это будет, а не управление. И все же люди должны жить как-то иначе, – подумал Шабан. – Но я не знаю – как. Наверное, нужен маленький домик с видом на горы, тишина, узкий круг приятных и неназойливых соседей, и чтобы на ветру в окно стучали ветви деревьев. Пусть даже не земных деревьев, а местных, не всех же тошнит от их вида, можно подобрать себе соседей, которых не тошнит. И пусть обязательно будет Лиза, пусть она встречает меня, грязного и уставшего, пусть она меня моет и кормит и вообще пусть занимается мною, а потом, когда я немного отдохну, я займусь ею, ее и сейчас нужно учить разговаривать, вдалбливать ей словарный запас, потому что говорит она все-таки плохо. Но у нее все впереди, она лишь полгода назад произнесла первое слово, и значит, можно надеяться на большее. Потом я научу ее читать. Потом – думать, это очень важно. Они говорят – модель. Что они знают о моделях? Немногим больше, чем я, а я – ничего. А у моделей гигантские неиспользованные возможности, я это чувствую. И может быть, Лиза очень скоро заткнет меня за пояс, может быть, я окажусь именно той ступенькой, с которой она рванет... Но до той поры мы будем проводить долгие вечера вдвоем, я стану ее учить и охрипну, потому что знаю, что это такое – учить модель, – и буду счастлив, замечая, что она научилась чему-то новому, а потом за окном стем-

неет и Лиза начнет вопросительно поглядывать на постель, проявляя атавистические признаки своего предназначения, а я буду делать вид, что ничего не замечаю, а потом выйду из себя и рявкну. Потому что вот она – постель, потому что впереди ночь, одна на двоих, и сдерживаться, право же, очень трудно...»

Стой, оборвал он себя. Нашел время. Очередная утопия на тему «как было бы хорошо, если бы...». Если бы что? А если Штуцер донесет, даже не из корысти и не из чувства долга, о котором он знать ничего не знает, а просто так, потому, допустим, что ему не нравится моя физиономия? Утопии – это опасно. Они похожи на надгробия, поражающие стройностью линий и потому очень привлекательные на вид. А в глухую защиту не хочешь ли? С головою? Не рассчитывая ни на что и отдавая по куску то, что есть, не хочешь ли? «Ты везунчик, – говаривал Менигон. – Тебя мало били. А надо бы». Сказано: будет страшно. Кому страшно и в каком смысле? Нужно очень постараться, чтобы стало еще страшнее, чем есть. Война, что ли? Что там сказал Менигон про анклав? Война с Коммуной – это смешно. Анклав не Хинаго – прихлопнут убогого и не заметят, как прихлопнули. Да и зачем? Кому он нужен, анклав, со своим натуральным хозяйством и тощими рудами? Никому, и это правильно.

– Ты по делу? – напомнил Штуцер, хрупая лангустом. – По какому?

Лангуст оказался вкусным. Дожевав членистоногое, Шабан нашел свежую салфетку и вытер руки. Со Штуцером не стоило темнить, по части уверток Штуцер был мастером. На всякий случай Шабан прислушался. Было тихо. С подбородка Штуцера капал сок. «Близнецы» сидели во внутренней комнате и не издавали ни звука. Вероятно, подслушивали.

– Ты вот что, – решил Шабан. – Ты мне сколько должен?

– Я? – удивился Штуцер и наморщил лоб. – А ведь и верно – должен. А вот сколько? Это ты должен помнить, брал-то я у тебя, не у кого-нибудь.

– У других ты тоже брал, – сказал Шабан. – А мне ты должен триста монет. Теперь припоминаешь?

Штуцер развел руками.

– Должен так должен. Принимаю на веру. И когда это я у тебя брал? Нет, не помню. Триста монет – надо же...

– Считай, что они твои, – сказал Шабан. – И дам еще сто, если будешь держать язык за зубами. Идет?

– Это насчет чего за зубами? – ненатурально удивился Штуцер. – А-а, догадываюсь. Угу. Так это была твоя блондиночка? Хороша киска, не отрицаю, сразу и не скажешь, что модель. Так в чем проблема?

– В твоём языке, – сказал Шабан, сдерживаясь. – Проглоти.

– А как же, – пообещал Штуцер. – За пять сотен проглочу обязательно.

– За сотню, – сказал Шабан. – Ну так и быть, за две. Но не больше.

– Жмот, – сказал Штуцер. – Не я, так другой. Тебе все равно прямая дорога на шельф, зачем тебе там деньги? Ладно, пусть будет двести. Считай, даром. Другой бы на моем месте потребовал бы с тебя твою киску на ночь, но Редла-Штуцер хороший человек. Вот за это давай и выпьем. Тебе какого?

– Никакого, – сказал Шабан. – Сам пей. А я пошел. Деньги завтра. Будь здоров. – Он тяжело поднялся. – А если все-таки сболтнешь... в общем, не советую тебе болтать. Разведчики – люди грубые...

– Э, ты погоди! – последних слов Штуцер будто и не слышал. – А как же праздник?

– Спать иду, – и Шабан поднялся. – А праздник – он и завтра праздник.

– Вот и выпей, чтобы крепче спалось. И за завтрашний праздник выпей. – Штуцер скалился. – И за шельф выпей, шельф ненормальных любит, привет там передашь от Редлы-Штуцера...

Шабан махнул рукой и выпил. Вино оказалось на удивление приятным, Шабан не пробовал такого уже много лет и не подозревал, что на Прокне может существовать такое вино. Ну и ну, ухмыльнулся он про себя, делая прощальный жест. Вот тебе и Редла-Штуцер, тот еще жук полосатый. Снабженец. Апартаменты, как у Арбитра, ест-пьет в свое удовольствие, и крепкие ребята у него на коротком поводке. Вот только модели у него нет. Интересно, почему у него нет модели? При своих талантах мог бы иметь и двух, и трех... Пижон. По сути, обыкновеннейшая сошка, работает с разведчиками, и значок у него всего-то третьей степени – а как пыжится, не хочет быть тварью дрожащей. Другой бы десять раз подумал, прежде чем так зарываться. Или у него свой человек в отделе Контроля? Тогда, конечно, другое дело. Между прочим, вот кто мог бы достать значок первой степени – Штуцер. Пожалуй, тысячи за полторы сделает и даже не станет откладывать до утра. Вернуться, что ли? Шабан сделал несколько шагов от задвинувшейся за ним двери и остановился. А что, пополам с Менигоном, пожалуй, наскребем, пусть Штуцер подавится... Опасно, снабженец ненадежен. Такие обычно очень лояльны и не нарушают основ, а потому попросту берут деньги, ободряюще хлопают по плечу и бегут докладывать Лахвицу, а Лахвиц, должно быть, без лишних слов отбирает половину суммы, если не всю, и улыбается – жмурится, сытая тварь, сужая и без того невеликие глазки в крохотную щель, прежде чем мигнуть кому надо... Лучше, гораздо лучше последовать доброму совету и напроситься в разведку как можно скорее. Завтра же, и постараться, чтоб без Роджера. Выяснить все о том дыме – может быть, с ребятами все в порядке и они даже настолько осмелели, что попросту жгут старый мусор? Какая-то чушь. Или они забыли, что Живоглот очень даже интересуется такими, как они?

Я глупею, подумал Шабан. Вот вопрос: откуда на нашем ярусе взялся Живоглот? А? Вот откуда: он вышел из комнаты, и это комната Штуцера. Та самая дверь, ошибки нет. А вот это уже интересно: какие такие дела у Живоглота со Штуцером? Почему Живоглот, который сроду ни к кому не ходил просто в гости, ходит к Штуцеру? Покрыто мраком. Любопытный, оказывается, тип этот Штуцер. Вроде бы кутит, тихо и благопристойно, как любой служащий, не желающий неприятностей, только это не кутеж. Это что-то совсем другое, какая-то осторожная подземная возня. Прав Менигон: что-то будет. Чего-то они ждут, к чему-то готовятся, но молчат. Теперь многие молчат, и не то чтобы боятся, а просто молчат на всякий случай. Всякому известно, что всякий случай может случиться со всяким. Вот и молчат.

Он вернулся к себе. Лиза ждала, не выходя из комнаты, на оконном экране была непроглядная ночь, и вообще пора было спать, но сначала было бы неплохо помыться. Кивнув при вставшей с кровати Лизе, Шабан содрал с себя одежду и, отцепив значок, впихнул комбинезон в приемный лоток прачечной. Раздался всхлипывающий звук, комбинезон был втянут и заскользил куда-то вниз, в бездонное чрево Порт-Бьюно. Через полчаса он вернется назад выстиранным, выглаженным и спрыснутым чем-то ароматическим – если, конечно, на том конце не перепутают адрес. Нижнее белье Шабан прачечной не доверял – его стирала Лиза.

Отмывшись, он еще пофыркал под душем, потом с сожалением выключил воду, обсох под струями горячего воздуха и надел свежее белье. Спать, как назло, уже не хотелось. Он лег на край кровати, потеснив Лизу и недовольно пробурчал, когда она попыталась придвинуться:

– Спи.

– Мне не нужно спать, – сказала Лиза. – Ты же знаешь.

– Всякий человек должен уметь спать, – сказал Шабан, глядя в потолок. – Следовательно, и ты должна уметь спать, поскольку ты человек.

– Я твоя жена, – сказала Лиза.

– Это не меняет дела. Попробуй уснуть. Мне сейчас нужно, чтобы ты уснула.

– Хорошо, – согласилась Лиза. – Ты знаешь, я ведь умею спать, у меня уже получалось. Только я не понимаю, зачем это нужно – спать. Ничего не видеть, не слышать... Мне только

интересно, как это бывает, когда снится сон. Это как по правде или как-то иначе? А еще я слышала, что бывают страшные сны.

– От кого ты это слышала? – с подозрением спросил Шабан и приподнялся на локте.

– От тебя. Сделай так, чтобы мне что-нибудь приснилось. Только что-нибудь хорошее, ладно? Я не хочу плохого.

– Конечно, – сказал Шабан и сглотнул комок. – Ты спи. Тебе обязательно приснится что-нибудь хорошее. Что-нибудь очень доброе. И пусть это будет как сказка...

Минут десять он лежал, закинув руки за голову и стараясь не шевелиться, потом осторожно перевернулся на бок и стал смотреть на оконный экран. Лиза размеренно дышала – не то спала, не то делала вид, что спит. На экране, включенном на обзор в южном направлении, над невидимым в кромешной тьме хребтом висел Терей – маленькая, неправильной формы луна Прокны, похожая на редьку без ботвы, с диковинной остроугольной скалой-хвостиком, выпирающим на половину радиуса. Редька заметно для глаз ползла по черноте хвостом вниз, не вращаясь и не меняя яркости, словно в самом деле была нормальным спутником нормальной планеты, а не захваченным по случайности астероидом. Как человек, лениво подумал Шабан. Тоже пыжится, полагает себя аборигеном. А вон та яркая звезда – это Пузырь, гигантская газовая планета, сейчас она в афелии и не страшна, но каждые шестнадцать лет она проходит перигелий, и тогда Прокну начинает корчить землетрясениями. А вон та тусклая звездочка – это ближайший сосед, оранжевый карлик Ликтор, там тоже есть заселенная планета, давний член Лиги. Интересно, одни мы такие уроды или и там есть модели?

Он вспомнил, как еще новичком заказывал модель, как смущался, что вовсе не мешало общему игривому настроению. Стыд, горький стыд... И ничего нельзя изменить, что было, то было. «Так вам, говорите, блондинку? А рост? Очень хорошо, теперь давайте уточним некоторые параметры... Замечательно! Сколько, вы сказали, в талии? Так. У вас хороший вкус, мсье Шарабан. О, извините, я, должно быть, плохо расслышал вашу фамилию. Виноват. Право же, нам не часто заказывают такие изумительные пропорции. Разве что вот здесь... Нет-нет, я понял, вы совершенно правы, это выйдет изящно и, пожалуй, чуть пикантно. Поздравляю вас, вы получите прекрасный экземпляр. Наша служба гарантирует, что вы останетесь довольны... по крайней мере первый месяц. Ха-ха. Это я шучу. Но учтите, что, согласно установлению, вы получите право заменить модель не прежде чем через год, так что я советовал бы вам еще раз взвесить... Нет? Благодарю вас, вы упрощаете нам работу. Теперь хотелось бы уточнить густоту волосяного покрова и расположение зон... На бедрах не надо? Знаете, некоторые любят – мягкая такая шерстка, как у пушного зверька, очень приятно при прикосновении, хотя и не слишком эстетично... Не надо? Ну как знаете, а я бы на вашем месте еще подумал...»

Шабан зарычал в подушку. Вот она где, первая ступень превращения человека в животное – в обустройстве личной жизни новичка. Новичок мямлит, глупо хихикает, не отводит глаз от стереоизображений наиболее удачных образцов – и как же трудно новичку отказаться! Вот и ходят по коридорам, по кишкам Порт-Бьюно грудастые модели, а некоторые, возможно, и с шерсткой на бедрах, и, поскольку заказ новой модели взамен надоевшей возможен лишь спустя год, распространен обмен, хотя официально и запрещенный, но на деле не преследующийся. Процветает сдача моделей внаем, неплохо себя чувствуют посредники. Грязь. Несчастные, с зачатками разума существа, обученные любви и домашним работам, – за что их так? Их не любят, а насилюют, а иногда и бьют, жестоко и с наслаждением, вымещая на них свою обиду на жизнь, какую сами же и сделали. А если модель начнет давать сбои или, упаси боже, научится говорить, то в один прекрасный день ее уведут охранники, потому что формально любая модель – собственность государства и как таковая может быть признана требующей замены. Для них Лиза всего лишь материал, который можно вновь пустить в дело – в начальную стадию длинной биотехнологической цепочки. Что там у них в начальной стадии: дробилка? Или растворяют целиком? Шабан зажмурился. Старая кадетская забава в химической лабора-

тории: набрать полную колбу мух с оборванными крылышками и плеснуть кислоты. Полшколы сбегалось смотреть, как насекомые отчаянно карабкаются вверх по стеклянным стенкам, как они срываются в кислоту, лезут снова и мало-помалу растворяются, образуя неприятный мутный осадок.

Они могут, злобно подумал Шабан. Они даже живьем могут, ведь самое обычное дело, даже Живоглот не придет посмотреть на процесс, потому что твердо убежден в том, что модель не человек, а значит – неинтересно... И Лиза будет кричать и звать меня на помощь, в то самое время как меня под усиленным конвоем будут препровождать на шельф. Нас слушают и слышат. Сейчас, наверное, запись нашего последнего разговора ложится кому-то на стол. Кому? В любой момент сюда могут ворваться. Ну, пусть кто-нибудь попробует отобрать. Кадык вырву.

Чтобы отвлечься, он дотянулся до полки, выбрал и раскрыл книгу. Страницы вяло осветились и замерцали – видно, исыяк заряд, – и Шабан, шепотом ругнувшись, вернул книгу на полку, взял было другую, но раздумал. Отложенная книга была редким прижизненным изданием Вирджила Баруха, единственного в истории Третьего Нашествия писателя Прокны. В этом издании были даже стихи – того периода, когда Барух еще только пробовал писать и еще не был сумасшедшим. Потом-то он писал совсем другое.

Что ты расхныкался, подумал Шабан. Хлюпик. Все у него в порядке, а он хнычет. Вот кого жизнь молотила не переставая – Баруха. Оказалось, что Прокне, как ни странно, вовсе не требуются писатели. Строители и шахтеры шли нарасхват, в свое время Прокна ненасытно поглощала людские потоки очередной волны экспансии. А вот писатели – нет, художники – извините, просто туристы – пошли вон, не время! Иногда ненадолго задерживались естественнаучники, не потребные на данную минуту – кроме экологов, которых под разными предлогами всегда гнали в шею и Редут, и Хинаго, и Мелкие Озера, и, возможно, также Коммуна, хотя об анклав, как о любом отгородившемся государстве, трудно что-либо утверждать наверняка.

Для века штыковой атаки человечества на новые планеты Барух имел полезную специальность: оператор полуавтоматического проходческого щита. Он прибыл сюда «на три года» в расчете подзаработать, как почти все, и привез на Прокну жену – как почти никто. С работой он справлялся, желания спровадить жену на Землю и затребовать модель не проявлял, имел друзей и, вероятно, был свойским парнем, а по ночам, стесняясь, писал неважные стихи, которые нынче не любят печатать, а если печатают, то обязательно оговаривают, что это хотя и Барух, но не тот Барух. Как будто их было двое, хмыкнул Шабан. Даже трое: тот, что кропал стишки, затем настоящий Барух, автор «Сожженных гор» и «По утренним звездам», и еще некое мифическое существо, никогда не писавшее ученических опусов, поскольку от рождения было гениальным, обладало всеми необходимыми навыками и творило, разумеется, в благоговейной тишине и трепете окружающих при благосклонном внимании руководства. Так, во всяком случае, следует из его биографии в предисловии к последнему изданию.

И это правильно, подумал Шабан. Кто не согласен? Кто там вздумал щериться? А ну, сложить всем губы в куриную гузку! Вы как думали, голубчики? Кто сказал, что Барух страдал шизофренией? Вы? Вы соображаете, что говорите? Как ваша фамилия? Шабан? Так и быть, вам объясню: гений может и даже обязан обладать странностями, недоступными пониманию заурядного человека. Теперь поняли? Запомните раз и навсегда: великий писатель, создавший Редуту мировую славу, не мог и не имел права быть сумасшедшим. Уяснили? Кругом марш и выше ногу!

Теперь Баруха изучают даже на Земле. В Редуте распространены его портреты, один, как говорят, висит в рабочем кабинете Арбитра. Существует даже шахта имени Баруха – та, в которой он работал и в которой однажды был завален породой, провел несколько суток полупридавленный, в поврежденном скафандре, получил лучевую болезнь в легкой форме, лишился ступни и навсегда потерял способность быть свойским парнем. Когда его откопали, он был

уже не в себе и вскоре начал писать удивительные вещи, тщательно, как капитан Ахав, скрывая свое сумасшествие. Конечно, многие догадывались, да и непосредственное его начальство наверняка было в курсе, но помалкивало, не желая расставаться с добросовестным работником. Романы Баруха трудно читать. Разумеется, не правы те, кто, не желая вникнуть, произносит о них обычную похвальную труху, считая в душе вычурной ахинеей. Еще глубже ошибается тот, кто считает Баруха пророком, ищет нечто между строк и, само собой, находит. Барух не пророк, подумал Шабан. Он просто большой художник, прекрасно, между прочим, описавший мышиную возню в Редуте, нужно лишь уметь его читать, а это уже не для мышинных мозгов. И как многие большие художники он плохо кончил: был застрелен каким-то дубиной-охранником за то, что перелез через проволочную изгородь. Позже выяснилось, что Барух, выбравшись после смены из шахты, решил не ждать транспортной платформы, а махнуть напрямик – до лагеря было всего полчаса ходьбы. Охранник крикнул, что туда-де не разрешено, а Барух то ли не понял, то ли не придавал значения – просто махнул рукой и пошел в степь. Тогда охранник его застрелил. Охраннику поставили в вину то, что он не сделал предупредительного выстрела, и куда-то перевели, а в трюм очередного пришедшего на Прокну транспортника поверх семнадцати тонн металлического рения погрузили полтора килограмма фарфоровой урны с выгравированной фамилией и инициалами. Почти все хорошо знали, что в урне ничего нет – несчастного Баруха разнесло так, что не осталось даже фрагментов скафандра, – но несли ее бережно и так же бережно пристроили в трюме, обложив с боков, чтобы не упала при маневрах корабля, тяжелыми рениевыми слитками.

И это тоже по-нашему, отметил Шабан. Не в лицо, у кирпичной стенки под лучами прожекторов, и не в затылок, не очередь с вездехода каких-нибудь набежавших гончих, даже не треснувшее крепление в шахте, – а пуля в спину от подлеца-охранника, которому вдруг стало скучно, от какого-нибудь Живоглотова выкормыша... Впрочем, нет, в те времена Живоглота здесь еще не было. До него был кто-то другой и, наверное, тех же достоинств. Преемственность поколений. Девственное было времечко: Порт-Бьюно только начинали строить, люди жили во временных лагерях, а вот охранники и тогда были точно такие же: зажавшиеся скоты, духовные наследники преторианской гвардии. Жаль, нет больше Хромца Гийома, у него можно было бы узнать все подробности того времени, если бы удалось развязать ему язык рюмкой-другой. Пусть даже десятой. Гийом хорошо знал Баруха и восхищался его женой, маленькой энергичной женщиной с быстрой походкой и плотно сжатыми губами, помощницей, предопределившей его взлет, секретарем, сиделкой и всем сразу. Вот кого действительно жалко: все разом рухнуло, жизнь потеряла смысл...

Он перевернулся на другой бок и накрылся одеялом. За окном из темноты проступили горы – с востока подкрадывался рассвет.

– Ты не спишь? – спросила Лиза.

– Теперь сплю, – ответил Шабан. – Разбуди, если что-нибудь случится. Да, а ты почему не спишь?

– Я спала, – ответила Лиза, приподнявшись на локте. – А теперь ты спи, а я побуду рядом. Я правда спала. Ты знаешь, я все ждала, что мне в самом деле приснится что-нибудь очень хорошее. Только мне так ничего и не приснилось.

Глава 5

В нижних ярусах было не продохнуть. По-видимому, здесь намеревались гулять до утра, если не дольше – настоящее веселье только начиналось. Где-то пили и звали пить, где-то пели и требовали подпевать, на столе, вытащенном в коридор, трое мордovorотов насиловали модель, кого-то били мордой о стену, и он мычал, кто-то, завидев Менигона, вдруг завопил диким голосом: «Вот он! Вот он!», и пришлось дать ему по зубам – в общем, жизнь бурлила вовсю. Здесь располагались рабочие ярусы, кровь и пот Порт-Бьюно, его мускулы и глотки. Чужих не было: жителей верхней половины куба сюда было не заманить никакими благами, а охранники даже в более спокойные времена появлялись здесь только группами. Но сейчас охранников не было видно вовсе. Изредка попадались модели с испуганными глазами, боязливо и бессмысленно жмушщиеся к стенам, а один раз даже встретился убегающий – его куда-то тащили, похлопывая по лысому черепу, и он упирался, комично разевая выдвижной, как у леща, рот.

Ярусом ниже было не так шумно. Менигон спустился по пандусу, одолел полутемный коридор, спотыкаясь о чьи-то расслабленные тела, прошел, зажавши нос, сквозь холл, посреди которого некто голозадый развлекал толпу зрителей «салютом из анального ствола» – двенадцать залпов, – переждал ожесточенную драку в предлифтовом тамбуре и спустился еще ниже. Здесь было совсем уже тихо: ярус был нежилым. Старый хрен сидел, как всегда, на своем месте, обнимая табурет на удивление пухлым сидалищем, и выглядел трезвым. Менигон постоял, посмотрел на него сверху вниз.

– Открой, дед.

– А? – старик приложил ладонь к уху. – Куда это? Туда? – морщины на его лице поплыли, сворачиваясь в улыбку. – Не-ет, туда нельзя, туда я не открою. Инфекционное отделение, потому и нельзя, так вот получается, потому и на посту я, что инфекционное, а ты кто такой?

– Открывай, – Менигон постучал пальцем по значку. – И быстро.

– Не-ет, – дед заулыбался еще слаще и закачал головой. Он явно наслаждался. – Не-е-ет, этого я никак не могу, запрещено это, и со второй степенью запрещено, и с первой даже не каждому можно, так вот получается, а кого тебе надо?

– Вэнса Гровера, – сказал Менигон, – разведчика. Он там.

– А-а, – протянул дед, – вот кого тебе надо. Так это ты зря пришел, помер он, твой Гровер, позавчера еще помер, так вот получается. Насильственной смертью, стало быть, помер. От болезни.

– Что-о??! – закричал Менигон. – Как это: насильственной от болезни?

– А вот как, – дед облизнулся от удовольствия. – Микроб, значит, над ним насилие учинил, он и с копыт долой. Пятнистая горячка, так вот получается. Только, я вот думаю, одному микробу с таким бугаем не справиться, тут групповое насилие было...

Менигон протянул руку, взял двумя пальцами старика за воротник и поставил на ноги. Кажется, подействовало: старик подавился и округлил глаза.

– Замолкни, – шепотом сказал ему Менигон и с удовольствием добавил: – М-морда! – Особенной морды у старикашки не было, но он усиленно закивал головой. – Где тело? Ну!

– В мертвецкой, – придушенным шепотом проскрипел старик, – где ж еще? Вон т-туда, там не заперто... – Менигон разжал пальцы, и дед звучно упал на табурет, как приклеился. – Не убегут они, потому и не заперто, – сказал он, двигая морщинами. – Так вот получается...

За дверью оказался обыкновенный шлюз. Заквакал сигнал, загорелась надпись: «Индивидуальные фильтры надеть, проверить», занял какой-то насос. Чавкнули створы. Холодный, с неистребимым запахом воздух ударил в ноздри, скользко пополз в легкие. Менигон мысленно выругался. Черт знает что, нюхай тут... От одного старикашки сколько вони. Настучит, разумеется, тут и разговора нет, знаем мы таких – это у них от любви к творчеству, иначе им жить

тошно. Когда человек приходит проститься с телом товарища, да еще в праздник, это, конечно, похвально, но, прямо скажем, нехарактерно, и значит, подозрительно...

Налево была покойницкая, и оттуда тянуло холодом, направо висела табличка: «Патологоанатомическое отделение». Менигон шагнул направо. Там было теплее, но так же мертво, как и налево, на некоторых дверях висели печати, а в дальней комнате оказался прозектор. Он сидел за столом, ждал и посасывал сок плюющей ягоды, сжимая банку коричневыми пальцами. Лысина у него была тоже коричневая, в пятнах – то ли следствие натурализации, то ли профессии. Еще одна банка сока была поставлена для гостя на противоположном краю стола. Мертвецами здесь почти не пахло.

– Винсент, – констатирующим голосом произнес прозектор. – Вот и вы, мой дорогой. Садитесь. – Менигон сел. – Вы медленно ходите, Винсент. Мне пришлось вас ждать.

– Старость не радость, – сказал Менигон. – Что вы хотите? Мне уже под пятьдесят, а разведчик не должен жить так долго, это противоестественно...

– Поэтому вы и пришли без фильтра? – спросил прозектор.

– Висельники не тонут, – отмахнулся Менигон. – «Блох» нет?

– «Блох» нет. Я вас слушаю.

Менигон не торопясь поднес ко рту банку, отпил глоток. Сок был терпким и кислым, слишком кислым, как только такое пьют? Он поставил банку на стол.

– Я надеюсь, вы понимаете, что явиться сюда меня заставили чрезвычайные обстоятельства, – сказал он, мучаясь оскоминой. Прозектор промолчал. – В свою очередь, я хорошо понимаю, что, настояв на немедленной личной встрече, я подвергаю опасности не только себя, но и вас, и всю нашу работу, – осторожно продолжал Менигон. Прозектор молчал. – Однако я считаю, что в сложившейся ситуации это самое разумное, поскольку ход событий может не оставить нам времени на принятие решения, – прозектор молча наклонил пятнистую лысину, что можно было расценить как кивок, и отпил из банки. – Исходя из этого я рискнул пренебречь традиционными каналами связи и рассчитываю, что важность информации перевесит соображения личной безопасности, – кольнул Менигон напоследок.

– Я вас слушаю, – сказал прозектор.

– Это случится, – сказал Менигон.

Прозектор задумчиво покачал банкой. В банке булькнуло.

– Что еще? – спросил он бесцветным голосом.

– Это случится завтра, – сказал Менигон.

– Вам это точно известно?

– Нет, – сказал Менигон. – К сожалению, мне это точно не известно. Но на восемьдесят процентов это случится завтра.

– Так, – сказал прозектор. – Очень хорошо. А что должно случиться?

От него веяло доброжелательным вниманием. Зар-раза, подумал Менигон. Ведь знает же, рожа деревянная, все знает, и то, что я ему сейчас стану доказывать, тоже, наверно, знает. Молчит, трупорез, ждет. Смотрит в стеклышко на муравейник: как они там бегают?

– Вы знаете, что должно случиться, – сказал Менигон. – Вы это очень хорошо знаете. Я вам докладывал об этом еще три недели назад. Я вам назвал участников. Назвал силу, на которую они опираются. Теперь я называю вам наиболее вероятный срок. Может быть, я зря работаю?

– Нет, мой дорогой, – лениво проговорил прозектор. – Отчего же...

– Послушайте, шеф, – сказал Менигон, – мы работаем вместе не первый год. Наверно, за это время вы изучили меня вдоль и поперек. Скажите мне: был ли хоть один случай, когда вы получали от меня недоброкачественную информацию? – Прозектор медленно поводил головой из стороны в сторону. – Нет? Правильно, такого случая не было. Вы извините, шеф, что я позволяю себе так говорить, – Менигон прижал руки к груди, – но я должен разобраться, что к

чему. Если у вас есть сомнения – проверяйте. Я уверен, что вы не раз проверяли и перепроверяли мои сообщения и были абсолютно правы: все-таки перед Землей отвечаете вы. Но сейчас, поймите, у вас нет времени проверять и перепроверять. Вы должны поверить мне на слово.

– Я вам верю, Винсент, – сказал прозектор. – Успокойтесь, мой дорогой. У меня нет никаких оснований вам не верить. Вы оказали Земной федерации неоценимые услуги и, я надеюсь, будете их оказывать и впредь. Вероятно, руководство сочтет возможным лично выразить вам свою признательность. Кстати, когда вы летите?

– Не знаю, – Менигон пожал плечами. – Да не смотрите вы так, – окрылся он, – я же сказал: не знаю. И не знаю, кто знает. Никто. Как «Юкон» выпустят, так и улечу. Может быть, даже завтра, только завтра «Юкону» вряд ли дадут взлететь... Может быть, послезавтра. Может быть, никогда.

– Ну-ну, – сказал прозектор. – Так уж и никогда. Мне жаль, что вы улетае, Винсент. Впрочем, на посту эксперта вы будете полезнее даже на Земле. И все-таки, – он покачал головой, – мне искренне жаль вас терять. Более того, скажу откровенно: мне будет трудно найти вам достойную замену.

– Сами виноваты, – буркнул Менигон. – Кто мне советовал соглашаться?

Прозектор улыбнулся – углами рта. Как окатил холодом.

– А если бы я посоветовал вам отклонить предложение? – спросил он. – Собственно, вы можете не отвечать, тут и так все понятно. Удрали бы, мой дорогой, верно? Только не вздумайте изображать оскорбленную невинность, это не по вашей части. Не изображаете? Ну, значит, мне показалось. Выдержка у вас есть, ценю. Другой бы на вашем месте насосался в стельку от радости. А вы молодец.

– Хватит, шеф, – попросил Менигон. – Давайте лучше подумаем, что мы можем предпринять.

– Предпринять? – лицо прозектора выразило вежливое недоумение.

– Да, – раздраженно сказал Менигон. – Предпринять. Именно предпринять. Я же вам докладывал. Уверен, что вы докладывали наверх. Прошу прощения, шеф, если это не в моей компетенции, но я очень хотел бы услышать: Земля намерена этому помешать?

Прозектор пожал плечами:

– А, собственно, почему Земля должна этому мешать? Насколько мне известно – из ваших сообщений, мой дорогой, известно, вы проделали громадную работу, – население Редута в большинстве своем не выступит против м-м... ожидаемых событий. У нас нет никаких оснований препятствовать волеизъявлению народа суверенного государственного образования. Это его внутреннее дело.

– Я так и думал, – сказал Менигон. – Народа, значит. Волеизъявлению. Притчу хотите?

– Что?

– Притчу, спрашиваю, хотите? Есть тут одна, кажется, местного производства. Рассказать?

– Пожалуй, не стоит, – сказал прозектор. – Фольклор. Может быть, в другой раз?

– Нет, послушайте. Трое остановились перед высокой стеной. Один начал соображать, как бы через нее перелезть. Другой стал прикидывать, сколько потребуется времени, чтобы продолбить дыру, если иметь кирку и терпение. А третий сказал: «Зачем все это? Уж раз нам все равно стену не одолеть, давайте-ка лучше покрасим ее в какой-нибудь радостный цвет».

– Интересно, – улыбнулся прозектор. – И что же было дальше?

– А ничего. Прогулка, понимаете ли, кончилась. Пришел надзиратель и развел всех по камерам. Вот и все. Хорошая притча?

– Не смешно.

– А я и не обещал, что будет смешно, – сказал Менигон. – Я только объяснил вам, какое это будет волеизъявление народа. Доходчиво?

Прозектор подтянул банку ко рту, пососал сока. Даже не поморщился.

– А что вы предлагаете? – спросил он. – Допустим на минуту, что вам удастся меня убедить, что весьма сомнительно, допустим даже, что мне удастся убедить руководство, во что я также не верю... Предположим, Земля в самом деле решит оказать помощь существующему режиму – заметьте, режиму, который не просил о помощи и который проявляет недвусмысленное намерение вывести Редут из статуса доминиона, даже откровенно формального, – подсчитайте-ка сами, сколько потребуется времени на один только перелет, пусть это даже будут туннельные корабли. Забудьте об этом, мой дорогой. Они элементарно не успеют.

– Чепуха, – сказал Менигон. – Вызовите «Рейн». Он успеет.

Прозектор осторожно поставил банку на стол. На коричневом черепе вздулась и запульсировала синяя жилка. Глаза ничего не выражали.

– Так, – сказал он. – Вы и это знаете... Откуда?

– Откуда – несущественно, – сказал Менигон. – Существенно то, что я это знаю. Вызовите «Рейн». Пусть сядет на космодроме. Пусть даже не садится, пусть хотя бы запросит посадку – они и тогда не решатся.

– Откуда вы знаете о миссии «Рейна»? – повторил прозектор.

– Оттуда, откуда я о ней знаю, – фыркнул Менигон. – Меня уже тошнит от глупых вопросов. А вас?

В глазах прозектора что-то мелькнуло и тотчас погасло. Ага, с удовлетворением подумал Менигон, все-таки я тебя завел. Все-таки достал тебя, тритона пятнистого. Холоднокровного. Не любишь ты меня, шеф ты мой, трупорез, терпеть ты меня не можешь, другой бы от тебя после этих слов не вышел, но с Менигоном не тебе, трупорез, решать, вот ты и бесишься, Шелудивый. Знаешь свою собачью кличку? А знаешь, кто ее тебе дал? Знаешь, конечно, ты у нас все знаешь, и «мой дорогой» звучит у тебя как «сукин сын». Кто такой Готлиб Асплунд? Никто не знает, а кто знал, тот забыл. Шелудивый ты, а никакой не Готлиб, полип ты поганый, нарост на наросте, а ведь ты меня боишься: на Земле меня могут попросить дать оценку и твоей деятельности тоже...

– Я повторяю свой вопрос, – сказал прозектор. – Откуда вам стало известно о миссии «Рейна»?

– Ниоткуда, – ответил Менигон. – Не знаю я никакой миссии. Просто ткнул пальцем и попал. Вас это устраивает?

Было отчетливо видно, что прозектора это не устраивает. Какое-то время он сидел молча, соображая, как видно, что-то, и синяя жилка на черепе мало-помалу перестала вздрагивать и пропала.

– Вам не кажется, мой дорогой, что последнее время вы стали говорить со мной в недопустимом тоне?

– Я каюсь, шеф, – злобно сказал Менигон. – Я приношу свои извинения.

– Это ваше личное дело, что вы там приносите. Но прошу вас помнить, что на Прокне вы подчинены непосредственно мне. У вас есть еще вопросы?

– Есть, – Менигон подался вперед. – Вы вызовете «Рейн»?

– Нет.

– Почему?

– Я вам уже объяснил, почему, – сказал прозектор. – Потому что решать судьбу Редута должен его народ, а не Земная федерация. Вам понятно?

– Этот народ на четыре пятых состоит из граждан Земной федерации, – возразил Менигон. – Вам это в голову, очевидно, не приходит?

– Пока они находятся здесь, они в первую очередь граждане Редута, – сказал прозектор. – А Редут – член Содружества, а Прокна – ассоциированный член Лиги Свободных Миров, и

хватит об этом. Я не собираюсь обсуждать указания руководства, имейте это в виду, мой дорогой. И вам не советую.

Менигон взял банку с кислятиной, отпил залпом.

– Так бы сразу и сказали, шеф, – морщась, выдал он. – Указания руководства – это, конечно, другое дело, без указаний нам жизнь не в жизнь. Это вы правы. Пусть убивают людей, нам-то какое дело?

Прозектор посмотрел на него мрачным взглядом:

– Не вам бы говорить...

– Не мне бы, – с ядом сказал Менигон. – Это вы тонко подметили, шеф. – Конечно, не мне бы. Вам бы это говорить! – крикнул он, уже не сдерживаясь. – Вам бы! Менигон – скотина, наемник и дерьмо, это всем известно! Был в гончих! Нюхает гриб! Сам пошел на вербовку! Работает за деньги – фу, какая мерзость! – не то что вы, шеф, – вы-то, конечно, работаете за идею, хотя платят вам, я думаю, больше моего... И вы молчите, именно вы! Со своей идеей! Зачем Земле адепты идеи, которых убивают? Убивать будут не вас...

– Встать! – негромко скомандовал прозектор. Менигон в голос выругался. – Встать! – повторил прозектор, не меняя тона. Менигон медленно поднялся. «Банкой в висок, лысиной об стол, – мелькнула в голове шальная мысль. – Как просто...»

– Когда вы в следующий раз будете думать, – неторопливо произнес прозектор, – а я надеюсь, что это когда-нибудь случится, – дайте себе труд вспомнить, что думать предпочтительнее головой. Я со своей стороны настоятельно вам это рекомендую. Садитесь.

Менигон сел. В голове у него стучало. Пятнистая лысина маячила соблазнительно близко – один хороший прыжок, и...

– Сегодня охрана проводила внеочередной рейд, – как ни в чем не бывало проговорил прозектор. – По плану «сеть». Я подумал, что вам, мой дорогой, это будет интересно. Так вот, в одном из ущелий к востоку от Большого Каньона... – он неспешно допил из банки сок и повертел ее в руках. – Продолжать?

– Да, – Менигон сглотнул. – То есть вам виднее, шеф.

– Мне виднее, – с горечью сказал прозектор, – что вы, Винсент, с преступным легкомыслием относитесь к собственной безопасности. Это мне виднее, чем вам... Сказать вам, что было в том ущелье? – рявкнул он неожиданно. – Лагерь беглецов, не больше, не меньше! И вы в нем были! Вы в нем были, несмотря на все мои инструкции, попробуйте только отрицать! Вы в нем бывали, еще когда работали с Хромцом Гийомом! Вы в нем бывали, когда получили нового напарника, мало того, вы бывали там вместе с напарником! Вы возили беглецам пищу и крали для них оборудование! Вы поставили под угрозу самый смысл нашей работы в Редуте! – прозектор отшвырнул пустую банку, и она задребезжала по полу. – Скажите спасибо, что Живолот – это только Живолот, а не гений сыска, – сказал он более спокойно. – К счастью для нас, он даже не профессионал, а его громилы который раз ухитряются не взять ни одного человека живьем.

– Всех? – с трудом спросил Менигон.

– Всех, – сказал прозектор. – Первым же залпом. В кашу. Считайте, что вам повезло.

И вам, подумал Менигон. Вам в первую очередь, что же вы себя-то забыли, шеф? Каждый разговорится, попав к Живолоту, – кое в чем и Живолот профессионал. С пленного – на Менигона, с Менигона – на Шелудивого... Это только древние стойки, шеф, умели кончать с собой задержав дыхание, я ведь так, шеф, не умею. И тут вы правы, шеф, можно считать, что нам повезло, можно встать и на такую точку зрения... Всех в кашу. Восемь человек... восемь друзей, пусть не единомышленников, но людей близких... кто их осудит за бегство из того кошмара, что зовется Порт-Бьюно?... двоих сам привез... зачем? Чтобы в кашу? Нэйджел, Доминик, Карл, Сергей, Петер... Сергей был действительным членом Академии, Искандер расспрашивал его о Симо Муттике. Какие люди! Жить в древних развалинах, в холодном

запустении, жить не дни, а годы, прятаться, ежеминутно чувствуя себя благодарным объектом для травли, жить и работать, насилуя старую натурализационную камеру со слабой надеждой найти способ приспособить человеческий организм к условиям крайнего высокогорья – хотя бы на время. На несколько суток. На столько, сколько понадобилось бы для того, чтобы перейти хребет пешком... Попыты на себе, неизлечимые аллергии... Не через Хинаго же добираться до Межзоны – какое государство выпустит квалифицированные кадры? Через хребет. Через перевалы высотой в одиннадцать километров. В последнюю встречу они говорили, что с натурализацией, кажется, начало получаться... «Знаешь, Винс, сколько вчера Петер лежал на аммиачном снегу? Тридцать одну минуту! Уже кое-что, а?..» Значит, в кашу, шеф? В кашу?

– Это точные сведения? – осторожно спросил он.

– Более чем, – ответил прозектор. – Сказать вам, Винсент, почему я согласился на личную встречу с вами?

«Чтобы надавать плюх», – подумал Менигон, напрягаясь. Сейчас должно было начаться самое главное.

– Я теряюсь в догадках, шеф.

Прозектор скользнул по нему изучающим взглядом. Словно прикидывал: стоит ли?

– Что вы можете сказать о человеке по фамилии Шабан?

Начинается, подумал Менигон. Опять. Значит, намеки уже побоку, приперло, что ли? Плохо же я вас знаю, шеф, если до сих пор не понял, что вы от своего не отступитесь. Зачем вам Шабан, шеф? Что тебе нужно от Искандера, Шелудивый?

– Это мой напарник, – сказал Менигон.

– Дальше.

– Он был в моем подчинении до последнего времени. Теперь у него в напарниках какой-то стажер.

– Это все, что вы можете сказать? – осведомился прозектор.

– А что еще? – Менигон развел руками. – Ну, хороший специалист и все такое. Дисциплинирован, начальство о нем высокого мнения. Был когда-то пилотом, летал через хребет в Южные Земли... да вы об этом знаете, шеф. Что еще? Был неплохим напарником, у меня с ним, шеф, особых проблем не было...

– Его деловые качества мне известны, – сказал прозектор. – Меня интересуют личные. Вы ведь, мой дорогой, кажется, с ним друзья?

– Более или менее, – осторожно ответил Менигон. – Впрочем, последнее время скорее менее, чем более. А что?

– И как он вам? – спросил прозектор. – Я имею в виду: как человек?

Менигон пожал плечами:

– Нормально...

– А подробнее?

– Человек как человек, – раздраженно сказал Менигон. – Хороший человек. Наивный только, а так – ничего. Хороший, как все дети, такая формулировка годится?

– Как все дети... – прозектор пожевал губами. – Интересно. И в чем это выражается?

Утомил ты меня, подумал Менигон. Лезет, невымытое рыло, куда ему не следует, нависает, как над покойником... И уже, наверно, придумал, где будет отсиживаться завтра. Это у него не профессиональное, это уже видовое. Какая-то особая порода приматов.

– Да в чем это выражается? – протянул он. – Ну вот, например, он учит модель разговаривать... – Прозектор молча кивнул. «Знаешь, – с удовлетворением подумал Менигон. – Конечно, знаешь, Шелудивый, так вот чьи были «блохи», по крайней мере одна из них, а ведь тебе Искандер зачем-то очень нужен...» – Еще он у нас человек долга, – продолжал он равнодушным голосом, – есть в нем такой феномен. Причем, знаете ли, шеф, долга не перед Редутом, а прямо перед человечеством, на меньшее он не соглашается. Это у него, наверно, с кадетской

школы: ему кому-то служить надо. Привез из-за хребта дурацкую дилемму о том, что достойнее: долг перед человечеством или долг перед разумом. Вбил себе в голову, что человек должен иметь какое-то право загрязнять землю своими экскрементами. Мучается, бедный. Спрашиваю: а никому не служить ты не можешь?

– А он что же?

– А он меня послал. Передать дословно, шеф, куда именно?

Прозектор, не торопясь, встал из-за стола, растворил холодильник с табличкой: «Препараты», достал еще одну банку кислоты и сдернул колпачок. Сел.

– Под разумом здесь, вероятно, понимаются эти... как их...

– Вариадонты, – напомнил Менигон. – Я вам докладывал, шеф.

– Да-да, вариадонты, – сказал прозектор, смакуя сок. – Именно вариадонты, благодарю вас, мой дорогой. То, что вы рассказали, очень интересно. Скажите, а он никогда не рассказывал вам о своих детских годах?

– Н-нет, шеф, – сказал Менигон. – Кажется, ни о чем таком мы с ним не разговаривали. Зачем это?

– Может быть, все-таки что-нибудь вспомните?

Кой черт...

– Простите, шеф, – твердо сказал Менигон. – Я должен понять, к чему ведут ваши расспросы. – «Сейчас опять скомандует встать», – подумал он. – Извините, шеф...

Прозектор сделал неуловимое движение рукой. Над столом между ним и Менигоном сгустилось и повисло объемное изображение. Где прятался проектор, догадаться было невозможно.

– Как вы полагаете, Винсент, что это такое?

Менигон взгляделся. На снимке была какая-то пустыня. Рыжий песок, всхолмленный унылыми барханами, тоскливо уходил к горизонту, нарушенному с левой стороны снимка цепочкой невысоких рыжих скал («Песчаник», – определил Менигон), отбрасывающих на песок резкие тени. На приличной высоте над песком зависла в небе некая неровная клякса.

– Черный корабль, что же еще...

– Правильно, – кивнул прозектор, – а это что такое?

Морская гладь. Штиль или что-то близкое к штилю – волн почти нет. Море холодное, вода свинцового цвета. Огромное солнце красиво садится в море, на воде дрожит огненная дорожка. В небе – клякса.

– Опять черный корабль, – сказал Менигон. – Где это, шеф? На Прокне?

– На Земле, – сказал прозектор.

– Шутите, шеф, – предположил Менигон.

Еще одно неуловимое движение рукой.

– Ну а теперь? – Менигон открыл рот. – Как вам нравится этот снимок? Можете выругаться, Винсент, я разрешаю.

Разрешает он... Счастья-то! Менигон с усилием сглотнул. Ну, спасибо тебе, трупорез, обрадовал. Черный корабль над Ватиканом – надо же додуматься... Другого места им не было?

– Монтаж?

– Ничего подобного, – отозвался прозектор. – Кадры, увы, настоящие.

– Ошибка исключается?

– Абсолютно. Объекты, известные на Прокне как так называемые черные корабли, имеют совершенно специфический спектр излучения, и выявить это на снимке, поверьте мне, Винсент, ничего не стоит. При самом поверхностном анализе. Ошибка исключена, а мистификация, скажем так, затруднительна. Кроме того, некоторые снимки были в разное время выполнены нашими сотрудниками. Вам этого достаточно?

– Да, – сказал Менигон. – И давно это?

– Что – давно?

– Я спрашиваю: давно это началось?

Прозектор усмехнулся:

– Первый снимок был сделан около сорока лет назад... – Менигон отвалил челюсть. Сейчас нужно было быть особенно осторожным. Нет, кажется, не переиграл, трупорезу понравится... – Впрочем, устные сообщения поступали и раньше. Я полагаю, на Земле вас ознакомят с этим более подробно. Сейчас там, знаете ли, бум: снимки, рисунки, свидетельские показания... В большинстве, конечно, чушь, но один-два процента подобных сообщений достойны внимательного изучения. Примерно так же, как в Темные века с летающими тарелочками – знаете историю? Обывателю интересно. К счастью, мы пока в состоянии контролировать этот поток информации – не знаю, надолго ли, но в состоянии... Вам понятно, для чего я вам это рассказываю?

Менигон хмуро кивнул:

– Новое задание?

– Нет, новая ориентировка. Что касается задания, то вы, мой дорогой, уже давно его выполняете... – Прозектор неторопливо отпил сока. – Гм, этот кислее... Извините меня, Винсент, до сих пор я не имел права сказать вам об этом более откровенно... Кстати, я вовсе не убежден в том, что вы восприняли бы серьезно: ну, летает там что-то такое... неуязвимое, первым не нападает, и слава богу, – в общем, какая-то сомнительная фантастика, а вы у нас человек конкретный, так?

– Вы мне не ответили, при чем тут Шабан, – напомнил Менигон.

– Отвечу, мой дорогой, имейте терпение. Итак, давайте разберемся с тем, что мы имеем. Несколько более сорока лет назад было получено первое достоверное сообщение о появлении объектов, имеющих вид темного сгустка и названных впоследствии кораблями щитоносцев или черными кораблями. Насколько известно, впервые их заметили на Марции и там же впервые попытались атаковать. В дальнейшем поток сообщений о щитоносцах нарастал лавинообразно. К настоящему времени мы имеем сведения о появлении черных кораблей на тридцати семи планетах, входящих в Лигу Свободных Миров, на четырнадцати планетах-колониях и на двух планетах, обособившихся от Земли и не вошедших в Лигу по причинам, на которых мы сейчас останавливаться не будем. И ни одного наблюдения в космосе или в известных нам субпространственных Каналах. Либо они там ненаблюдаемы, либо пользуются иными, пока совершенно не ясными нам способами межзвездных сообщений. Так или иначе, черные корабли наблюдаются только в атмосферах или на поверхности обитаемых планет и только визуально – локационные средства здесь совершенно неэффективны. О появлении щитоносцев на Земле я уже говорил. Резюмирую: в последние годы освоенная человечеством часть Галактики стала представлять интерес для силы, о которой мы, земляне, не имеем ни малейшего понятия. Далее. За все это время ни одна из попыток вступить с щитоносцами в контакт или уничтожить их средствами, имеющимися в распоряжении человечества, не принесла успеха. Черные корабли абсолютно неуязвимы. Далее. По крайней мере в восьми случаях наблюдалась высадка с черных кораблей наземных транспортных средств крайне необычного для земной техники вида. Излишне говорить о том, что эти транспортные средства также являются неуязвимыми. Иногда черные корабли контратакуют, уничтожая нападающих, иногда – нет. Какой-либо закономерности во всем этом уловить не удастся, за исключением того, что они никогда не нападают первыми. Собственно, это ни для кого не секрет. Вывод?

– Какой тут вывод, – сказал Менигон. – Раз первыми не нападают... Не люди это, шеф, вот и весь вывод. Иная цивилизация?

Прозектор скосил на него один глаз.

– Вы сами-то, Винсент, верите в то, что сейчас сказали?

– Нет, – сказал Менигон. – Цивилизация, технологически превосходящая человеческую, в нашей Галактике – бред собачий. Не верю.

– Правильно делаете, – сказал прозектор. – Могу вам сообщить, что версия о чужеродной цивилизации в Центре уже не рассматривается. Пройденный этап. Тогда кто они? – крикнул он. – Что им нужно на Земле? Люди хотят это знать! Вы это знаете, Винсент? – банка, извергнув фонтанчик сока, со стуком опустилась на стол. – И вы еще смеете приходить ко мне со своей зас...й моралью и плакаться о крови каких-то нескольких десятков несчастных, когда рядом с нами есть сила, способная смести человечество, как сонную муху! Все человечество, вы слышите!

– Это я слышу, – сказал Менигон. – Не пугайте меня, шеф, я пуганный. Дальше что?

Прозектор перевел дух и снова присосался к банке – было видно, как на шее под коричневой кожей елозит кадык. Лысину он вытереть забыл, и она блестела. «А ведь ты здорово боишься, – неожиданно подумал Менигон. – Чего же ты, Шелудивый, боишься? Не самих щитоносцев, конечно, на черта ты им сдался, их ведь ни человечество не интересует, ни ты как представитель – плевать они на тебя хотели, на представителя, – тут что-то другое... Совсем близко, рядом ходит. Страшно тебе, Шелудивый, не за Землю тебе страшно, а за себя, и страх у тебя биологический: оказаться не охотником, а пожираемой дичью. Хрум-хрум. Древний такой страх, от бабуинов и дриопитеков, от ленивых трилобитов в первобытном океане – а ведь только тогда мы и произойдем от обезьяны, когда этого страха не будет...»

– Это не чужеродная цивилизация, – сказал прозектор. По его подбородку тек сок. – Это гораздо хуже, мой дорогой. Это люди.

– Хм, – мстительно сказал Менигон. – Вы сами-то, шеф, верите в то, что сейчас сказали?

– В гипотезы, мой дорогой, верят только идиоты. Их либо отвергают, либо принимают за основу для дальнейших построений. В данном случае могу вам сказать только то, что это наиболее разработанная версия, не более того. Мне разрешено ввести вас в курс дела.

– Разрешено или поручено? – спросил Менигон.

Прозектор с минуту смотрел на него без всякого выражения.

– Поручено. Это что-нибудь меняет?

– Нет, ничего, – сказал Менигон. – Это я так. Спасибо, шеф.

– Пожалуйста. Итак, во время первой волны экспансии... Кстати, Винсент, вы мне не напомните, когда она началась?

Менигон пожал плечами:

– Лет триста назад, я думаю...

– Со школьной историей у вас неважно, – сказал прозектор. – Первая волна пошла четыреста сорок один год назад и продолжалась около семидесяти земных лет. За это время Землю покинуло совершенно ненормальное количество кораблей. Вы удивитесь, но точное их число неизвестно. Не будем сейчас вникать в причины этого, рассмотрим лучше результаты элементарного анализа архивных данных. Значительная часть переселенцев освоилась на новых местах и основала колонии, более или менее процветающие, небольшая часть первоначально потерпела неудачу, как, например, на Прокне, часть вернулась на Землю. Наконец, часть кораблей с переселенцами погибла в пути или пропала без вести, что примерно одно и то же. Какие-то сообщества переселенцев искали лишь новых земель, какие-то – возможности применения на практике своих политических или религиозных концепций. Все это общеизвестно и не должно нас интересовать, как не интересовало тогдашнее земное правительство, чья сознательная деятельность в этом направлении сводилась лишь к эпизодическому подавлению наиболее изуверских режимов на колонизированных планетах. Чтобы не утомлять вас, скажу сразу: нас интересует лишь группа из девяти кораблей, отбившая в самом конце первой волны в направлении на единственную планету, незадолго до того обнаруженную у весьма удаленной карликовой звезды спектрального класса М. Судя по архивным документам, высадка

прошла успешно. На планету было доставлено около пятнадцати тысяч человек. Восемь кораблей из девяти вернулись на Землю, а один остался в распоряжении колонистов. Пока что это выглядит достаточно обычно. Необычным является состав переселенцев. Вне всякого сомнения, ядро этой компании составляли люди с чрезвычайно высоким интеллектуальным потенциалом, об этом, помимо прямых свидетельств, говорит хотя бы тщательнейшая подготовка колонизации и полный ее успех на начальном этапе. Там было несколько мировых имен того времени. Молодые, дерзкие, чертовски талантливые люди. Что же касается основной массы, то, несмотря на крайнюю скудость данных, достоверно установлено, что все они проходили тщательнейшую проверку по какому-то не совсем понятному нам набору параметров, и некоторые документы позволяют предположить, что отсеб кандидатов был весьма значительным. Между прочим, при прочих равных предпочтение отдавалось женщинам.

– Евгеническая секта? – спросил Менигон.

– Именно. Как раз в то время деятельность подобных сект на Земле была повсеместно запрещена, так что мотивы переселения понятны. Непонятно другое: с тех пор об этих переселенцах никто ничего не слышал.

– Ну, это не аргумент, шеф, – сказал Менигон. – Сектанты же.

– Сектанты тоже люди. Но допустим...

– Или они все повымерли, – предположил Менигон. – А может, выродились в каких-нибудь убегунов, всякое бывает. Я просто не понимаю, шеф, как можно строить на этом версией. Тогда уж давайте и нас с вами запишем в щитоносцы.

– До вас, мой дорогой, еще дойдет очередь, – сказал прозектор. – Слушайте внимательно. Несколько лет тому назад туннельный корабль «Салуин» по заданию Управления делами колоний совершил рекогносцировочный прыжок к тому самому красному карлику. В сфере притяжения звезды было обнаружено полтора десятка некрупных астероидов заведомо естественного происхождения, несколько короткопериодических комет, пара метеорных потоков и тому подобная космическая мелочь. Но планеты обнаружено не было. Она исчезла.

– Усохла, – съязвил Менигон. – До невидимости.

– Планеты найдено не было, – бесцветным голосом повторил прозектор. – Собранные «Салуином» данные позволяют полностью исключить возможность космической катастрофы. По эволюции орбит астероидов удалось вычислить, что планета исчезла около шестидесяти земных лет назад. Она не взорвалась, не была поглощена красным карликом и вообще не покидала своей орбиты. Она просто исчезла как материальное тело. Со всеми людьми. Имейте в виду, Винсент, я излагаю только голые факты. До построения гипотезы дело у нас пока не дошло.

– Чего там строить, – сказал Менигон. – Ясно же. В Центре считают, что эти самые умники-евгенисты обставили человечество по всем статьям и эволюционировали в щитоносцев. Так?

– Упрощаете, Винсент, упрощаете, – сказал прозектор. – Впрочем, если вам так удобнее... Короче говоря, из всех существующих на сегодня версий эта считается наиболее вероятной.

– Куда они планету-то дели? – спросил Менигон.

– Спросите у них, – посоветовал прозектор. – Кстати, это еще не самое неприятное. Здесь, по крайней мере, есть несколько безумных гипотез. Подпространство, надпространство, внепространство и тому подобное. Я не физик. Непонятно другое: как могло случиться, что изолированная община пусть даже очень талантливых людей опередила в своем развитии все человечество? Подобных примеров в истории не было. Вот в чем главная трудность этой гипотезы, мой дорогой, а вовсе не в том, куда подевалась планета. С планетой разберутся.

Ну, конечно, фыркнул про себя Менигон. У вас там в Центре с кем угодно разберутся, и с планетой даже. Разбираться вы умеете. Ни черта у вас не выйдет, пока не захватите хоть одного

живьем – и там уж вы разберетесь... Придумали себе проблему: отчего-де евгенисты быстрее вас развиваются? Да не они быстро развиваются, а вы медленно, но откуда вам это знать?

– Это все очень интересно, шеф, – сказал он. – А при чем тут Шабан?

– Выпейте сока, мой дорогой, – сказал прозектор. – Выпейте, выпейте, это хороший сок.

Для здоровья очень полезно.

Менигон, заранее морщась, отпил глоток. Его передернуло.

– Двадцать пять лет назад, – как ни в чем не бывало проговорил прозектор, – некий человек по имени Клаус Мейбергер привел в кадетскую школу при Северо-Западном Центре Вэ-Эс восьмилетнего мальчика. За ручку. Этот человек назвался отчимом мальчика, что подтверждалось предъявленными документами. Определив мальчика в школу, он исчез и больше не появлялся. В скобках замечу: человек этот не найден и по сей день, несмотря на самые тщательные поиски как на Земле, так и за ее пределами. Вас это не настораживает?

– С какой стати?

– Очень хорошо. Судя по документам, мать мальчика умерла несколькими днями ранее, отец же погиб в катастрофе, когда ребенку было два года. История, как видите, печальная, но вполне заурядная. Если бы не одно обстоятельство: в день появления мальчика в школе не далее как в пяти километрах от нее несколько случайных наблюдателей независимо друг от друга видели черный корабль.

– Совпадение? – спросил Менигон, вертя в пальцах банку с соком.

– Отнюдь. В разное время в различные закрытые учебные заведения Земли при подобных обстоятельствах было определено по меньшей мере шестеро детей от пяти до тринадцати лет от роду. Умершие родители этих детей отличаются одним любопытным свойством: они никогда не существовали в природе. В полной мере это касается и родителей вашего приятеля, включая его так называемого отчима. И во всех случаях поблизости наблюдался черный корабль. Что вы на это скажете, мой дорогой?

– Он как-то раз говорил со мной о родителях, – хмуро сказал Менигон. – Мать, во всяком случае, он помнит, это точно.

– Не сомневаюсь, – сказал прозектор. – Удалось установить, что у вашего приятеля первые дни в школе реакция была адекватная: плакал по ночам, звал мать. Потом-то, конечно, освоился.

– Ложная память? – спросил Менигон.

– Искусственно наведенная ложная память. Полагаю, Винсент, мне не нужно разжевывать вам, что это такое. Плюс к тому, вероятно, полностью стертая истинная память. Трое из этой шестерки, оказавшиеся в пределах нашей досягаемости, были подвергнуты тщательнейшему обследованию, один добровольно, остальные – так... Нет сомнения, что все трое принадлежат к тому же биологическому виду, что и мы с вами. У всех троих как физический, так и интеллектуальный уровень несколько выше, чем у среднего человека, в особенности же это касается интеллектуального уровня. Синдром Клоцци встречается главным образом у людей высокоодаренных, не так ли, мой дорогой? – Менигон не ответил, и прозектор утвердительно наклонил лысину. – А также у шизофреников, – добавил он, помедлив. – Впрочем, у них он, кажется, лечится... Что же касается истинной их памяти о том, что происходило с ними в раннем детстве, то тут самые изощренные методы ментоскопии оказались бессильными. Эта память либо уничтожена полностью, либо скрыта на недосягаемом для нас уровне. Картинки же ложной памяти выглядят у них на диво сочно и рельефно.

– У шизофреников? – поинтересовался Менигон.

– Бросьте шутить, Винсент, – строго сказал прозектор. – Бросьте. Не до шуток. Я уважаю ваши чувства, но прошу понять меня правильно. Могу вам сказать, что теперь и только теперь начинается ваша главная работа. У вас есть ваш приятель. У вас есть по меньшей мере два-три дня времени. Действуйте.

– Что я должен делать? – сипло спросил Менигон и откашлялся.

– Наблюдать, – сказал прозектор, прихлебывая из банки. – Не спускать глаз. Особенно в свете завтрашних событий. В случае появления черного корабля – имейте в виду, что в Центре считают его появление возможным и даже вероятным, – немедленно фиксировать реакцию вашего друга. В остальном вы достаточно подготовлены для того, чтобы в случае необходимости действовать по обстановке. Это все.

– Я могу быть свободен? – спросил Менигон, вставая.

– Да, – сказал прозектор. – Действуйте, мой дорогой. Отчет представите послезавтра.

– По цепочке?

– Я же сказал: бросьте шутить, Винсент, – сказал прозектор. – Отчет представите мне лично. Устно. О времени и месте вас известят. Желаю удачи.

– Спасибо... – Менигон повернулся и косолапо пошел к двери. Он чувствовал, что мысли у него путаются. Ну, спасибо тебе, Шелудивый... Следить за Искандером... всю жизнь мечтал. Вот кого ты боишься, вот кто рядом ходит... Рассказать тебе, что ли, как нынче черный корабль спас Искандера? Да ведь ты со страху в штаны наложишь, а ведь был еще один случай, о нем даже Искандер не знает, о нем вообще никто не знает... И не надо. Противно. Зашевелился Центр, землю роет... Разворошили гадючье гнездо... ткнул кто-то палкой – вы и поползли... Согласны потерять Редут, и на кровь вам плевать, согласны лишиться хоть всей Прокны и половины колоний в придачу, тем более что это все равно случится рано или поздно, – только бы вам знать, что за сила нависает над вами, только бы знать, никогда вы не поймете, что не сила над вами нависает, а поймете, так и сами не поверите, и другим не дадите...

...Квакал сигнал и выл насос, прокачивая шлюзовой воздух через обеззараживатель, вспыхивала и гасла надпись: «Индивидуальные фильтры – в очиститель!», по ногам тянуло холодом. Старикашки на посту не оказалось: не то ушел спать, не то где-то бегал, разыскивая, кому бы доложить о подозрительном поведении. Над головой чинно пели в несколько голосов «У модели есть на теле», слышался далекий взлаивающий хохот да где-то обиженно бормотал пьяный, на которого наступили. Менигон медленно сжал кулак, сминая забытую в руке банку. Липкий сок, шипя, потек по запястью и вдруг, прорвавшись, брызнул из-под пальцев яркой, отчаянно-оранжевой стружкой.

Глава 6

Все получилось бы прекрасно, если бы Лиза опять не задала вопрос, от которого в ту минуту не взвыл бы, пожалуй, лишь безнадежный евнух: зачем? Подразумевалось, очевидно: зачем мы этим занимаемся? Шабан взвыл. Теперь, стоя перед Поздняковым, он кусал губы, вспоминая то, что было. Вскочил, заорал что-то несусветное, громко, должно быть, орал, потому что в ответ завопили в соседних апартаментах и застучали в стену. Тогда он замолчал, но не успокоился и только шипел от злости, с бешенством глядя в расширенные детские глаза. Ну невозможно же, будь она человеком, прогнал бы к чертям собачьим такую дуру. То-то и оно, что она не человек и не модель, а что-то промежуточное. Модель ласкалась, обнимала и прижимала, показывая свое врожденное искусство, модель, давая наслаждение, наслаждалась сама, и было видно, что ей хорошо, она даже постанывала, извиваясь под его руками, но наслаждалось только тело, сегодня Шабан это понял, а в этом теле оказалось что-то еще, что неожиданно просочилось наружу и в разительном несоответствии с движениями бедер спросило просто и ясно: зачем? Поди ответь. Гораздо проще вскочить и наорать. Может быть, зря я вообще это начал, думал Шабан, следя за Поздняковым. О себе ведь заботился, шкурные мои интересы. А нужно ли Лизе становиться женщиной? Кто из двоих счастливее: модель или женщина? Модель, разумеется. Женщины варианты и вероятностны. Одна желает быть львицей, другая кошечкой. А третья – курицей, которую топчут. Кто может сказать заранее, которая окажется счастливее? Зато модель счастлива всегда, когда к ней прикасается хозяин, будь он херувим или мерзавец, маньяк или даже импотент. Ей все равно. Это заложено в ее сущности, стоит ли переделывать? И трудно, и ей это не нужно, а я все пыжусь, и в результате: ЗАЧЕМ? Сильный, между прочим, вопрос, для Лизы – просто очень сильный и требует сильного ответа, а где я его возьму? Кроме одного, и тот звучит по-идиотски: я так хочу. А в причины мы вникать не будем, ладно? Хочу вот, и все. И ты хоти.

Поздняков был занят. Сколько Шабан его помнил, он всегда был занят: то сосредоточенно манипулировал клавишами служебного компа, добираясь до каких-то архивных данных, то вел разговоры по внутренней связи или, не принимая в расчет автоматику, принимался лично вызывать какую-то не вышедшую вовремя на связь группу, то попросту без видимой причины начинал перекладывать предметы на обширном столе, но что бы он ни делал, даже если, трясая благородной седеющей шевелюрой, кричал на кого-то по громкой связи, он не переставал кивать: продолжайте, продолжайте, я вас слушаю... Самым удивительным в нем было то, что он действительно слушал.

– Да-да, – сказал он, и его пальцы не в такт простучали по клавишам. – Да! – Он вгляделся в экран и оттолкнул от себя комп. – Так ты говоришь, вариадонты – разумная форма? Ну хорошо. А как твоя последняя разведка?

– Ничего интересного, – сказал Шабан. – Результаты в архиве, можно посмотреть еще раз. Но на первый взгляд – ничего.

– Верю, верю, – кивнул Поздняков. – Другому бы на слово не поверил, а тебе верю. В последнее время, к прискорбию, участились случаи фальсификации, приходится наказывать. Во имя большинства мы должны быть твердыми, даже жесткими по отношению к случаям нечестности и разгильдяйства, с ними мы должны бороться вплоть до полного их устранения. В этом наш долг, это тяжело, но необходимо, поэтому мы должны быть непреклонны, ты со мной согласен? Я рад, что ты тоже так думаешь. Как тебе понравился новый напарник?

– Более или менее, – сказал Шабан. – Сразу, конечно, не разглядишь, но, по-моему, ничего парнишка. Вчера хорошо себя вел, задатки есть... – он вдруг понял, чего хочет Поздняков. – Спасибо вам за парня, – сказал он, спохватившись. – Парень что надо. Огромное вам спасибо. Вы ведь это специально для меня, да?

– От тебя не скроешь, – благодушно сказал Поздняков. – На летуловишь, приятно с тобой работать.

– Спасибо. – Шабан сделал вид, что смутился. – Большое спасибо. Тут у меня еще транспортный вопрос. «Армадил» дадите?

– «Армадил»? – с улыбкой переспросил Поздняков. – А у тебя какой вездеход?

– Обыкновенный, типа «эшевен». Кормы у него после вчерашнего, считайте, нету.

– Возмутительно! – сердито сказал Поздняков. – Нет, это черт знает что такое! Это просто возмутительно! Вот так у нас и бывает: нет внимания к ценным кадрам, нет порядка в обеспечении, карьеристы и горлопаны лезут вперед, а заслуженные работники довольствуются бог знает чем. Я думал, ты давно уже на «армадиле». Что же молчал? Нет, ты тут ни при чем, это мой просчет, и я его исправлю, это моя обязанность и мой долг перед разведчиками, да что там – это мой долг перед всем Редутом! Каждый на своем уровне, каждый на своем участке, все вместе, плечом к плечу, невзирая ни на что, с чувством ответственности, с осознанием своего долга, всосанным с молоком матери или воспитанным... долг перед обществом превышает личных интересов, только так, а не иначе!..

Слово «долг» склонялось еще минуты три. Впрочем, в этот раз, как и во все предыдущие, Шабан не узнал о долге ничего нового и только старался не зевнуть. Поздняков был гневен и величествен, лицо его окрасилось благородным румянцем. Он даже пристукнул по столу, заставив отскочить комп, и хотел немедленно связаться с начальником подотдела служебного транспорта, чтобы потребовать объяснений, но вспомнил, что время еще слишком раннее, и остыл. «Не видать мне «армадила», – хмыкнув про себя, подумал Шабан. – И не надо».

– Да, конечно, – сказал он, дослушав. – Разумеется, вы правы. Но не все так думают.

– Вот именно! – воскликнул Поздняков и рубанул рукой воздух. – Вот именно, не все! А почему? Почему, я спрашиваю? Кто мне ответит на этот вопрос? Потому что мы мало работаем с личным составом, вот почему! Потому что личный состав разлагается с ужасающей быстротой, потому что даже те немногие из нас, кто родился и вырос в Редуте или, сказать шире, на Прокне, – даже эти немногие понимают свой долг лишь в самом вульгарном, деловом смысле, вот почему! Что же говорить о большинстве? Повальное пьянство, пассивное неподчинение, грибной порошок... Мы не можем и не будем с этим мириться, такая безответственность слишком дорого стоит. Чем занимается отдел Массового Досуга? Уже ни для кого не секрет, чем они там занимаются. Такому положению дел необходимо положить конец, и грош нам цена, если мы этого не добьемся! Я сегодня же буду говорить об этом на Совете!

– Лучше бы о вариадонтах, – напомнил Шабан. – Право, лучше бы.

– О чем? – недовольно переспросил Поздняков. Он потерял нить, и его речь не получила должной концовки.

– О ком, – поправил Шабан. – О вариадонтах. О разумной форме жизни. Они в Южных Землях, я же вам уже говорил. Они в опасности.

– Да-да, – сказал Поздняков. – Да, конечно, Искандер. Я знаю, что на тебя можно положиться в любом деле, я всегда это знал. Достояние Редута – это достояние Редута, и мы никому не позволим. Нельзя забывать, что мы на переднем крае, нельзя, развивая успех в центре, пренебрегать флангами. Человечество нам этого не простит. Признаться, я не вполне понимаю, какую эти – как ты их называешь? – могут представлять для нас ценность. Может быть, в отдаленной перспективе... – Поздняков морщил лоб, его рука совершала сложное движение, будто вворачивала невидимый шуруп. – Да, ты безусловно прав: думать о перспективе необходимо, кому же и думать, как не нам с тобой. Еще раз благодарю, Искандер: ты, как всегда, принес ценную информацию. Я же со своей стороны приложу все усилия... – Шуруп был закручен, и рука твердо легла на стол: вопрос был решен. Сегодня рука была обыкновенная, тяжелая и крепкая, внушающая доверие, совсем не похожая на ту суетливую конечность, что металась по поверхности стола, когда кабинетные стены кричали голосом погибающего Гийома, и искала,

искала на ощупь клавишу отключения громкой связи, и все никак не могла найти... Если бы не эта мечущаяся рука, сегодня особенно назойливо вертевшаяся в памяти, Шабан бы, пожалуй, поверил. Ему очень хотелось поверить.

– Извините, – сказал он, потупившись, – я так не могу. Так нет смысла... Черт, что я говорю – нет смысла... – Он потер ладонью лоб, и ладонь стала влажной. – Их же убьют, вы понимаете! Обыкновенно, примитивно убьют. Случайно или для удовольствия. Вчера уже подстрелили двух ложнокрылов – кому они мешали? Дорвалась свинья до корыта... У нас под боком идет Процесс, рождается новая разумная раса, а мы не желаем подвинуться! – Он уже кричал, но не замечал, что кричит. – Единственная, помимо нас, во всей Вселенной разумная раса! Кто нам простит ее уничтожение?

– Думаешь, будет скандал? – спросил Поздняков.

– Я уверен, – ответил Шабан. Он чувствовал, что бьет туда, куда нужно. – Конечно, будет скандал. С Межзоны начнется, Земля, вне всякого сомнения, поддержит, да и Лига, пожалуй, тоже. Я не специалист, но ясно же...

– Гм, – сказал Поздняков. – Возможно, ты и прав. Я всегда говорил, что нельзя недооценивать всю глубину последствий, наш долг – мыслить и взвешивать. Так ты считаешь, что их следует взять под охрану?

– Нет, – сказал Шабан. – Я так не считаю. – «Это ты можешь – под охрану, – подумал он с тихой яростью. – Только это ты и умеешь со своим Живоглотом, не зря вы с ним друзья-приятели. Чувствуется стиль. Додумался: приставить к Процессу мерзавцев с карабинами!»

– А как же ты считаешь?

– Не надо им охраны, – сказал Шабан. – Им не нужно, чтобы их охраняли, им нужно, чтобы их не трогали... – Он помолчал секунду и решился: – Закрывать тоннель – вот что нужно! Заткнуть эту дыру. Отложить освоение месторождений Юга хотя бы на один год, рассказывайте другим, что мы не можем себе это позволить! Не лезть туда свиным рылом – вот что нужно! Экспертов из Межзоны! Представителей от Земли и Лиги! Этих пустить, всех остальных – в шею!

– Да-да, – сказал Поздняков. – Может быть. Я не думаю, что ты прав, однако...

«Однако» повисло без опоры. Поздняков не вскочил, не наорал в ответ на чудовищную ересь, не пригрозил шельфом, не напомнил о долге и не сказал: «Нельзя, Искандер, нельзя этого», – он остался сидеть, но его пальцы тихонько барабанили по столу. Чем-то он был взволнован, что-то не давало покоя. Что?

– Я собирался подать докладную, – мрачно сказал Шабан.

– Мне?

– Нет. В Правительственный Совет.

– Прекрасная мысль, – кивнул Поздняков. – Что же не подал? Испугался? Ну, шучу, шучу, не обижайся. Я тебе чрезвычайно признателен, Искандер. Ты не просто толковый работник, ты еще и человек неравнодушный, такое сочетание встречается отнюдь не часто. Вот что: Совет считает полезным учредить должность заместителя начальника геологической службы по работе с личным составом. Как ты посмотришь на то, чтобы принять эту миссию на себя?

– Вы не шутите? – спросил Шабан.

– Какие тут могут быть шутки. Подумай, Искандер. С твоим-то опытом работы не дело прозябать в рядовых разведчиках. Твой друг Менигон в гору пошел, и тебе пора. Впрягайся. Я помогу на первых порах, но предупреждаю: работы много. Так как?

– Не знаю, – нерешительно сказал Шабан. – Вообще я с людьми-то не очень... Есть другие, лучше... Я не справлюсь, наверное.

– Чепуха, – отмахнулся Поздняков. – Справишься. Знаю, о чем ты думаешь: на свете существуют более интересные вещи, чем продвижение туда или сюда по служебной лестнице, ты ведь думаешь именно так, я не ошибся? Не мотай головой, это я тебе в комплимент, а не

в порицание. Скромность – это хорошо, но она украшает лишь до тех пор, пока не вредит общему делу. Не хочу говорить громких слов, сейчас, когда идет борьба за очищение кадров, для них не время, пусть наши противники говорят громкие слова, а мы будем действовать... Мы должны и будем действовать со всей энергией и решительностью, на какую способны, мы в случае необходимости не остановимся и перед принуждением, в эту минуту нам не простится только промедление. Нерешительность нам не простится. Редуту нужны молодые, надежные и энергичные руководители, молодая здоровая поросль, способная со временем встать у руля, такова установка Совета. Давно пора навести порядок: кое-кто из нынешних руководителей явно не соответствует. Утеряно чувство ответственности, утрачена перспектива... Трех поколений не прошло – забыта общая цель! Редуту нужны такие люди, как ты, готовые из высших устремлений служить на переднем крае. Согласен? Свой кабинет на административном ярусе, в недалекой перспективе – первая служебная степень и голос в Совете в мое отсутствие. А? Договорились?

– Можно я подумаю? – спросил Шабан.

– Можно, – разрешил Поздняков. – Подумай. Только не затягивай это надолго. Мне бы не хотелось употреблять здесь свою власть. А кроме того, – Поздняков вдруг прищурился и неожиданно подмигнул, – в случае твоего согласия руководству было бы проще закрыть глаза на некоторые факты, касающиеся тебя лично...

Лиза, понял Шабан. Поздняков еще что-то говорил, но он уже не слышал. Было страшно смотреть, как говорит Поздняков, как движется, будто жует что-то мелкое, его челюсть и беззвучно шевелятся губы, как ладонь пристукивает по столу для убедительности. На секунду включился звук, и слух уловил слова «вариадонты» и «в рабочем порядке», а дальше снова пошло немое кино. Он же меня покупает, с тупой покорностью подумал Шабан. Он же меня уже купил. Вот, значит, как. Кретин, меня ведь уже не нужно покупать, я и так уже на лопатках, зачем разбрасывать должности? Вариадонтам конец, это ясно, нечего было и надеяться, что Поздняков вдруг проникнется. Глупость все это. Тупик.

– Вы знаете, я подумал, – сказал Шабан. – Я согласен.

– И прекрасно! – Поздняков широко улыбнулся. Встал, протянул руку. – Поздравляю с назначением. В десять часов заседание Совета, там я тебя и представлю...

Наверно, следовало бы зайти домой позавтракать, но Шабан не мог. Он брел наугад по пустым коридорам Порт-Бьюно, слишком оглушенный, чтобы думать о еде, ругал Клоцци с синдромом его имени и тщетно пытался разложить по полочкам ускользающие мысли. Чего хочет Поздняков? Ничего не понятно, опять какая-то дурацкая суета, теперь и я с головой в этой суете. Для чего ему вдруг понадобилось собрать всех разведчиков – опять болтать о долге? «Ты знаешь, Искандер, почти все люди сейчас в разгоне, но экстренный вызов я послал, а после Совета ты лично проконтролируй, и чтобы к вечеру все были здесь...» Зачем это? Даже простил двоих с шельфа, тоже вызвал. Совсем на него не похоже. Болтун-болтун, но если он что-то делает, значит, не зря. Что-то будет. О вариадонтах, конечно, уже ни слова, забыл он про них и уже не вспомнит: тут дела, видно, поважнее...

Порт-Бьюно спал. Праздничная ночь оставила в коридорах свои следы, их сейчас затирали неторопливые механические мусорщики. Из-за дверей спален слышался храп, кое-где возились и кто-то орал, как видно, на модель: «Ты что делаешь, зараза? Я тебе как сказал лечь?!» Резанул уши тонкий женский вскрик – Шабан стиснул зубы и пошел быстрее. У моделей невысокая чувствительность к боли, тут нужно быть особым специалистом... Кто-то по соседству спросонья завопил, чтобы перестали мучить животное, и где-то тихонько засмеялись. Коридоры были пусты, если не считать пьяного, валявшегося у стены и мычавшего в ответ на попытки мусорщика сгрести его в бункер, да еще вдали на секунду показался Ева Панчев, махнул рукой в приветствии и исчез. В другое время Шабан окликнул бы его и с удо-

вольствием поболтал, но теперь он был начальством и не знал, как себя вести. Ладно, с Евой еще как-нибудь. Он-то поймет, еще несколько человек поймут, но прежней дружбы, как ни жаль, уже не будет, а остальные разведчики просто возненавидят: еще один прыщ вылез... Креатура Живоглота! А предложи любому мое место – никто не откажется, каждый начнет делать густые намеки, что не для себя-де, а для пользы дела. И мне тоже придется.

Благопристойнее других выглядел ярус для семейных. Мусорщики сюда еще не добрались, но работы им было немного. Ярус спал. Около стены у решетки вентиляционной шахты стояла девчушка лет четырех в скромненьком платьице и водила ладошкой по решетке, а иногда делала неловкие хватательные движения. «Жуки, жуки, жуки, жуки...» – тянул тоненький голосок. Шабан остановился, с любопытством присматриваясь. Что еще за «жуки»? Может, «блохи»? Но это были и не «блохи». По решетке бегали личинки белого клеща, маленькие коричневые твари, вовсе не похожие на жуков; эта девочка никогда не видела настоящих жуков, да и откуда? Хвать! Детская ручонка устремлялась к личинке, но личинка оказывалась проворнее, и девочка разжимала кулачок, с разочарованием смотрела на пустую ладошку и все начиналось сначала: «Жуки, жуки...»

– Это не жуки, – не утерпел Шабан. – Жуки не такие. Это личинки.

Девочка недоверчиво посмотрела на него и убрала руки за спину.

– Это жуки, – сказала она. – Я их ловлю.

– Лучше не лови, – улыбнулся Шабан. – Мало ли что... А родители твои где?

– Дрыхнут, – сказала девочка. – Папка храпит – слышишь? А жуки хорошие, их просто кто-то очень напугал. Ты их пугать не будешь?

– Конечно, нет, – уверил Шабан. – Но в руки ты их все-таки не бери, ладно?

Он зачем-то подмигнул и пошел дальше. «Жуки, жуки...» – донеслось из-за спины. Хорошая девчушка. Это сколько же времени я не видел детей? Давно что-то. Хорошо бы так: луг, солнышко светит, а лучше даже не луг, а лесная поляна, звон мошкары, густые лесные запахи, ягоды в траве, а на поляне стоит... нет, лучше бежит по поляне, по траве, смешно выбрасывая ноги, такая вот девчушка в платьице, пронизанном солнечными лучами... А я спрятался за дерево, замшелый такой ствол, и меня не видно, тогда она останавливается, растерянно крутит головой и вдруг, заметив, бросается ко мне с радостным визгом, а тут из леса чинно выходит Лиза, с гордостью неся за ножку настоящий подберезовик с прилипшим к шляпке листком – первый в этом году... У нас с тобой еще будут дети, Лиза. Что с того, что модель не может иметь детей? Здесь не может, но на Земле мы с тобой что-нибудь придумаем, устоял бы бюджет перед медициной. Говорят еще, будто модель может не выдержать ренатурализацию, но кто это может знать наверняка? Никто же не пробовал. Я вырвусь отсюда не один, моя девочка, мы с тобой вырвемся вместе – я еще не знаю, как это сделать, но пока нам нечего бояться. Ты слышала: Поздняков обещал закрыть глаза. Пусть закроет. Ты думаешь, мне нужна эта должность? Мне нужна ты, солнечная поляна и девочка, бегущая по траве, но куда там... Жуки, жуки... А это еще что?

По полу в одном с ним направлении двигалось что-то мелкое, едва заметное на сером пластике. Опять личинка белого клеща? Не-ет, на этот раз не личинка: личинки не любят света и не ползают столь целеустремленно. Не личинка, а самая настоящая «блоха». Надо же, теперь им мало внутренних коммуникаций и вентиляционных отдушин, они уже осваивают коридоры, а интеллект, о котором говорил Менигон, не позволит им угодить в контейнер мусоросборщика. Ну и ну. Шабан постоял, раздумывая, не задавить ли «блоху» ногой, и отверг эту мысль. Всех не передавишь. Неплохо бы начать с хозяев, иначе хозяева рано или поздно начнут с нас. Но начинать некому. И нужно дать себе отчет в том, что мы к этому не готовы, нужно просто сознаться, что большинству на это наплевать, а те, кому не наплевать, каждый сам за себя...

Теперь он внимательно смотрел под ноги. Уже через пять шагов он заметил еще одну «блоху», столь же целеустремленно ползущую навстречу. Эта «блоха» была крупнее первой – пожалуй, не меньше пяти миллиметров в длину, – и Шабан, нагнувшись, разглядел даже тонкие усики-антенны, венчавшие головогрудь и находящиеся в непрерывном беспокойном движении. «Блоха» действительно была похожа на мелкое и, вероятно, безвредное насекомое – в очевидном расчете на простаков, наивно выстукивающих стены в поисках подслушивающих устройств.

Расстояние между «блохами» быстро сокращалось. Шабан остановился посмотреть. Ему было интересно, что произойдет, когда «блохи» встретятся. Начнут обнюхиваться, подобно знакомым псам, или выразят чувство корпоративного единства как-нибудь иначе?

На расстоянии двадцати сантиметров друг от друга «блохи» разом притормозили и замерли на месте, поводя дрожащими усиками. Похоже, обе были не рады встрече. Через десяток секунд, убедившись в неподвижности противника, первая, меньшая по размерам, «блоха» неторопливо засеменила в сторону, пытаясь обойти препятствие, но вторая молниеносно отреагировала на этот маневр и преградила ей дорогу. Некоторое время обе «блохи» сидели неподвижно, и Шабан гадал, чем это может кончиться; затем первая «блоха» попятилась назад и, развернувшись, кинулась было прочь – но в тот же момент вторая рванулась вперед с неожиданной для насекомого скоростью, послышался негромкий щелчок, и Шабан с удивлением увидел, что обе «блохи» отлетели друг от друга на полметра, будто отброшенные, – и тут же одновременно перевернулись на лапки, как ни в чем не бывало. Но теперь их связывала тонкая, едва различимая глазом и, по-видимому, очень крепкая паутинка. Вторая «блоха», деловито подняв головогрудь, принялась быстро заглывать нить, подтаскивая к себе жертву. Загарпуненная «блоха» отчаянно сопротивлялась, пытаясь вырваться, упиралась лапками, но мало-помалу сдавала позиции, все ближе подтаскиваемая к хищнику, из чьей изготовившейся головогрудки вот-вот должны были высунуться не то пилю, не то жвалы, не то иные орудия вскрытия. Из-за разницы весовых категорий первая «блоха» практически не имела шансов и, видимо, хорошо это понимала. Когда ей осталось жить на полпальца длины паутинки, «блоха» слабо пискнула, безрезультатно попыталась перекусить нить и вдруг, замерев на мгновение, резко и точно выплюнула во вторую «блоху» тонкую струйку какой-то жидкости. Слепленная «блоха» завертелась на месте, и жертва, мгновенно воспрянув, кинулась на хищника. Шабан не стал смотреть, чем кончится битва, и пошел дальше, предоставив «блохам» разбираться друг с другом как умеют. До начала заседания оставался еще почти час, и все-таки следовало сходить позавтракать. Порт-Бьюно спал и видел сны про завтрашний праздник. Только один человек встретился по дороге. Это был Эл Мейтус по прозвищу Кошкодава, некогда разведчик, а ныне неприметный лаборант, вечно куда-то спешащий, очень старательный, с вечной испариной и суетливыми движениями. Мало кто не знал, что его работа в Аналитическом отделе была всего лишь прикрытием куда более нервной деятельности, связанной с перепродажей грибного порошка. Шабан проводил Кошкодава взглядом. Попросить порошка, что ли? Нет, в другой раз. Под курткой у Мейтуса явно выпирало что-то продолговатое и очень знакомое. А не карабин ли это? Шабан даже присвистнул: не боится неприятностей парень. Давно в изоляторе на стены не бросался – соскучился? Или думает о себе, что все еще разведчик? Какие-то чудеса происходят. Может быть, Поздняков прав и собирает разведчиков именно потому, что ребята они решительные, каждый с оружием, умеет им владеть и стоит двух охранников, если только не в ближнем бою? Гм. Занятно.

В зал заседаний вошли вместе с Поздняковым. Одна из желтых касок правительственной охраны, разглядев значок второй степени, сунулась было преградить вход, но Поздняков на ходу бросил: «Это мой заместитель», и Шабана пропустили, равнодушно ощупав взглядом. Шабан был здесь впервые – на правительственный ярус заносило не всякого смертного – и с

любопытством осматривался. Зал заседаний удивил его ромбической формой и витиеватостью отделки: стены и потолок были скрыты под настоящей флорентийской мозаикой, изображающей основные этапы колонизации Прокны – от горьких и поучительных неудач эпохи Первого и Второго Нашествий (мрачные архитектурные руины с парящей над ними крылатой Мечтой), от временного упадка и жалкой растерянности, соседствующей, впрочем, с неизменной верой в прекрасное Завтра (ряд аллегорических фигур), до твердой и неуклонной поступи человечества к жизни и процветанию на отдельно взятой враждебной планете. Этапами поступи являлись: первый корабль с переселенцами, первый поселок у первой шахты, быстрое распространение влияния человека на весь гигантский материк, образование славного государства Северный Редут (с символической зубчатой стеной, обозначающей нерушимость границ), присоединение Редута к Содружеству, бурное промышленное развитие, сопровождающееся самоотверженной борьбой с силами косной природы (большая, как у Позднякова, ладонь, останавливающая приливную волну, нависшую над выводком буровых платформ на шельфе), принятие Прокны в Лигу Свободных Миров и, наконец, закладка фундамента Порт-Бьюно, символизирующего основу прекрасного Завтра. Прекрасное Завтра оккупировало потолок. К потолку, пронзая точно посередине огромный, нездешнего голубого мрамора стол, тянулась стройная колонна, увенчанная рениевым бюстом Свена Эриксона – архитектора и строителя Порт-Бьюно. Рениевый Эриксон, задрал подбородок, смотрел в прекрасное Завтра так, будто был уже почти там и приглашал за собою всех желающих.

Еще и теперь попадались старики, помнившие Эриксона, а один потомственный строительный рабочий из местных уроженцев обожал хвастаться воспоминанием о том, как удостоился лично от Эриксона дисциплинарного взыскания, и, выпросив выпивку, с гордостью доставал из кармана завернутый в бумажку коренной зуб и демонстрировал восхищенной молодежи. Был Эриксон, по слухам, человеком горячим, непреклонным, но справедливым, на опасных работах использовал только убегунов, а рабочих ценил и, редко давая делу официальный ход, предпочитал без ненужных слов насовать в личность провинившемуся разгильдяю, чем и заслужил всеобщую любовь и уважение.

Опять человек-легенда, подумал Шабан, косясь на бюст. Много их что-то, для Редута – просто непропорционально много. Мифы. А что? В этом что-то есть, мы же нормальные люди, а значит, в истории не нуждаемся. Нормальному человеку нужна не история, а именно мифология, и чтобы в ней непременно была бездна героики, заставляющая его чувствовать себя наследником некоей исключительности и свысока поглядывать на соседей, расправляя более или менее богатырские плечи. Кто сказал: нет? Уймитесь, пока не уняли. В сущности, такая мифология совершенно необходима для успешного функционирования любой государственной системы. Кто-то что-то пишет, ищет, ему, чудачку, кажется, что необходимо собрать материал для будущих серьезных исследователей. Но ведь их скорее всего не будет... Мифы! Вот что сейчас нужно. И как можно больше. Если вранье чересчур очевидно, следует приписать: факт не проверен, возможно, это легенда. Возможно! Между прочим, Эриксон действительно спился и умер самым жалким образом, когда прозрел и увидел, какая жизнь идет в его любимом детище, – он-то, бедняга, думал, что люди, объединенные общим домом, станут терпимее друг к другу... Но все твердо знают, что гениальный строитель, поняв, что ничего более величественного создать не сможет, благородно разнес себе голову выстрелом из пистолета. Или бросился с крыши Порт-Бьюно, это другой вариант легенды, и многим он кажется изящнее... Нет, история нам не нужна. Разве можно поверить в то, что когда-то до тебя было не хуже и не лучше, чем сейчас, а примерно так же? Это мучительно...

Народу мало-помалу прибывало. По одному и по двое-трое в ромбозал входили начальники отделов и подотделов, заместители, эксперты. Здоровались, рассаживались. Ждали Арбитра и Председателя. Мант-Лахвиц тоже был тут – сидел особняком, ни на кого не глядя. Кучка любопытствующих в углу, обступив взволнованного рассказчика, слушала новость о

том, как на днях разведчики Малькольм Пул и Овсей Пучковский, исследуя ущелья в массиве Чертовой Пилы, снова обнаружили явственный след босой семипалой ноги чудовищного размера, причем след был не вдавлен, а как бы вплавлен в ледник на глубину до тридцати сантиметров и заведомо не мог принадлежать ни одному из известных на Прокне животных, равно как и не мог образоваться небиологическим путем. Следствием находки было то, что вчера около полуночи человек шесть разведчиков – седьмого несли – прямо из бара, разгоняя по пути мелкую канцелярскую сошку – «Здоровенные такие лбы, под два метра – во!», – вломились к начальнику подотдела снабжения, подняли того с постели и, не дав ему как следует продрать глаза, хором заявили, что они, то есть все разведчики как один, без особых премиальных в горы больше не пойдут, а если какая-нибудь скотина, то есть из них, разведчиков, какой-нибудь подлец, любитель начальственных задниц, вроде Менигона, и пойдет, – угрожающе добавил один детина, преследуя волосатой лапой рыбок в аквариуме, – то они, то есть все как один разведчики, устроят ему такую жизнь, что он будет счастлив сменить вездеход разведчика на дисплей канцелярской крысы. А кроме того – оснастить каждого разведчика самым совершенным личным оружием, включая планирующие гранаты с самонаводящейся кумулятивной струей. А кроме того... Начальник подотдела обещал, и вся банда с победными кликами вернулась в бар, забыв у него в комнате своего спящего товарища. Возмущенный рассказчик постепенно повышал голос, и к концу рассказа стало ясно, что обращается он прежде всего к присутствующему здесь шефу отдела Особой Охраны. Совершенно напрасно: на рассказ Живоглот почему-то не прореагировал, зато, увидев Шабана, осторожно присевшего на свой стул позади Позднякова, кивнул и улыбнулся, словно хотел сказать: «А, и вы тут! Давно пора, знаете ли, давно пора...» Шабан попытался состроить ответную улыбку, но тут в зал вошел Арбитр и все кинулись по своим местам.

Арбитр – существо недоступное, из заоблачных сфер. Шабан впервые видел Арбитра и теперь тянул шею, разглядывая спокойного лысоватого старичка, мирно шествующего к своему креслу. Как и большинство, Шабан знал об Арбитре очень мало. Арбитр безвылазно живет на правительственном ярусе, он избирается пожизненно из старейших членов Совета на роль великого молчальника, ему запрещено вносить предложения и участвовать в обсуждении законопроектов и текущих дел, он не имеет права вето, зато при голосовании его голос эквивалентен десяти голосам рядовых членов Совета – потому он и Арбитр. Даже Председатель имеет всего два голоса, и на практике требуется редкое единодушие, чтобы провести в жизнь предложение, против которого проголосовал Арбитр. Для местной газеты давно стало общим местом называть Арбитра совестью Редута. Наиболее информированные из кулуарных трепачей божились, что Арбитра не существует вообще.

И тем не менее он был – маленький розовый старичок, а вслед за ним, уважительно пропустив его вперед, вошел Председатель, сопутствуемый дежурным заместителем, и теперь все были в сборе. Последовало вставание, прерванное жестом руки, заскребли по полу придвигаемые стулья, Председатель откашлялся и поздоровался, после чего предложил считать утреннее заседание открытым и дать слово заместителю Председателя для ознакомления членов Совета с текущей информацией. Возражений не возникло. Шабан сел поудобнее и приготовился слушать. Дежурный заместитель встал, махнул прической в легком поклоне, тонко кашлянул и начал говорить, заглядывая в карманную шпаргалку-комп, сбиваясь, нервно облизываясь и время от времени пытаясь поймать искательным взглядом Председателя и Живоглота одновременно. Главная новость об окончании проходки тоннеля уже была всем хорошо известна, поэтому докладчик не стал на ней задерживаться и лишь рискнул присовокупить свои собственные поздравления к поздравлениям Председателя, имевшим место на предыдущем заседании. Председатель вежливо похлопал, вслед за ним степенно поаплодировали и присутствующие. Ободренный докладчик вымученно улыбнулся и, попросив у Совета позво-

ления перейти к более свежей информации, выждал благосклонного кивка Председателя. Кто-то напрягся, кто-то шумно подвинул стул, и слушание текущих дел началось.

Первый день объявленного трехдневного праздника, вопреки известным сомнениям, прошел в общих чертах сносно. Выраженного недовольства среди лиц, чей срок контракта истек, замечено не было – напротив, народное ликование было всеобщим и искренним, омраченным лишь отдельными незначительными нарушениями порядка, вызванными в первую очередь развалом, царящим в отделе Массового Досуга, новому руководству которого уже предложено наладить работу в кратчайшие сроки. Тем не менее есть основания опасаться серьезных эксцессов в последующие дни, и так как ввиду настроения людей сокращение праздника до двух дней представляется решительно невозможным, имеется настоятельная необходимость просить руководство отделов Общей и Особой Охраны принять все меры к обеспечению надлежащего порядка в жилых ярусах Порт-Бьюно... Живолот поднял голову, равнодушно кивнул, и докладчик, облегченно переведя дух, продолжил чтение.

С окончанием работ по проходке тоннеля становятся доступными месторождения Юга. Подотделом проектных работ завершены предварительные проекты одной шахты и двух открытых разрезов, окончательно проекты будут утверждены после дополнительных исследований на местности. Ввиду компактности предполагаемого расположения рудников намечается строительство всего лишь одного рабочего поселка укрупненного типа и малой военной базы с флайдромом подскока для отражения возможной агрессии со стороны вероятного противника. Переброска воинского контингента на Юг начнется не позднее завтрашнего дня, строителей с соответствующей техникой – сразу по окончании основных работ в тоннеле.

Металлургический комбинат имени Баруха вышел на рекордные показатели по производству сверхчистых лантаноидов, но пока отстает по производству рения, что вызвано как изношенностью оборудования, с одной стороны, так и выработкой наиболее ценных руд на близлежащих шахтах – с другой. На одной из алмазоносных трубок в том же районе найден крупнейший в этом году зеленый алмаз весом 34 карата.

Произошел обвал на шахте «Роза Севера». Жертв нет, один рабочий легко ранен. Материальные потери: одиннадцать убегунов и часть уникального комплекта шахтного оборудования, закупленного на Земле. Причины обвала выясняются.

На границе с Мелкими Озерами произошла перестрелка, спровоцированная противной стороной. Сведений о потерях не поступало. Правительству Мелких Озер направлена нота протеста, почти одновременно получена аналогичная.

Вскрыты новые злоупотребления бывшего руководства отдела Массового Досуга. Отдел Контроля продолжает расследование.

В связи с приближающимся сезоном дождей и ожидаемым подъемом уровня грунтовых вод восточным рудникам грозит затопление, вызванное задержкой поставки аварийного оборудования. Есть необходимость в принятии неотложных мер.

Анклав Коммуна дал о себе знать и предлагает обменяться постоянными представительствами. Не исключено, что речь идет о попытке прозондировать почву для вступления в Содружество. Межзона обратилась к членам Содружества с предложением повысить дотации на перспективные научные исследования до одного процента национального дохода. Большинство стран предложение уже отвергнуто как неприемлемое.

Началась сезонная миграция убегунов. Большое их скопление движется с севера, очевидно намереваясь проникнуть в Южные Земли, и, по-видимому, еще сегодня обтечет Порт-Бьюно с двух сторон. Слухи об оружии, якобы имеющемся у убегунов, лишены всякого основания.

На территории пищевой фабрики «Околополярная» разыгралась пурга. Сорванным ветром щитом с наглядной агитацией по технике безопасности был убит проходивший мимо мастер.

За последнюю неделю обнаружены и сожжены две подпольные плантации ползучего гриба. Доблестными сотрудниками Особой Охраны уничтожена перевалочная база в горах, во время операции убито восемь опасных преступников, не пожелавших отдать себя в руки правосудия. Среди наших ребят потерь нет.

Вчерашняя авария на энергоподстанции, случившаяся из-за разгильдяйства дежурной смены, ликвидирована. Виновные наказаны полугодовым продлением контракта. «Мало!» – подал голос кто-то сбоку. «Достаточно», – веско сказал Председатель. Сбившийся докладчик взглянул на рениевого Эриксона, набрал в грудь воздуха и перешел к следующему пункту.

Пунктов было много. Иногда они прерывались репликами с мест, но чаще выслушивались молча, и до серьезного обсуждения было еще далеко. Шабан с удивлением чувствовал, что ядовитое настроение, владевшее им до начала заседания, постепенно уходит, уступая место уважению. Здесь, в этом дурацком зале с дурацкой мозаикой и торчащей из стола колонной решалось будущее Редута, и он, в сущности обыкновенный разведчик, ничего особенного из себя не представляющий, волею случая допущен в святая святых, и теперь он тоже причастен, и от него теперь тоже что-то зависит. Пусть пока мало... Пусть даже этот храм государственной мудрости вовсе не храм и вовсе не мудрости – все же это собрание людей, облеченных властью, равнодушных, надеющихся как-то повлиять на ход событий, а это уже очень много. Все вместе, единой командой профессионалов, не жалея сил – только так можно вытянуть Редут из стремительно накатывающегося всеобщего развала, только так, а не иначе. Шабан втянул живот и расправил плечи. Да, только так. Groш нам цена, если мы этого не сможем. Конечно, не все у нас пока идеально: вот, например, новый начальник отдела Массового Досуга заурядно не умен и разваленный отдел не вытянет, дежурному заместителю неплохо бы ампутировать косный язык, а руководитель медицинской службы отвратительно рыгает и не слушает докладчика. Ну, и Живоглота, конечно, не мешало бы заменить: законная власть должна вызывать уважение, а не страх. Люди должны идти за властью, а не бежать от нее. Тоннель прибавил уважения к правительству, нужно этим пользоваться, пока держится эйфория победы, нужно решительно встать впереди толпы в окружающем нас болоте и идти, идти, несмотря ни на что, радуясь победам и извлекая уроки из неудач, идти, оскальзываясь и проваливаясь в грязь, но неуклонно и терпеливо, и вести за собою стадо, именуемое народом Редута, не пренебрегая, когда это необходимо, и жесткими мерами, потом сам же народ спасибо скажет и тогда можно будет даже «блех» отдать в Аналитический отдел, а пока – только так, только так...

Он очнулся. Докладчик продолжал бубнить и облизываться. Председатель сидел прямо и значительно глядел перед собой. Совет слушал докладчика, а по ту сторону колонны кто-то расслабленный и мерно дышащий угрожал пространству морщинистой лысиной. Наверно, спал. Что же это, ужаснулся Шабан, что же это я делаю? Зачем я здесь нужен, зачем мне нужны эти люди? Не полечу на Землю, останусь тут и буду служить, буду воспитывать в разведчиках чувство долга и собачиться со снабженцами; если не дам себя съесть, то через десяток лет займу место Позднякова, ну какой из него, в конце концов, руководитель, какое к нему уважение? Давно пора его менять, есть, знаете ли, хорошая кандидатура – молодой, энергичный, пользуется авторитетом... Не хочу. С ними – не хочу. Прав Менигон: не то сейчас время. Да что мне Менигон, сам я разве этого не понимаю? С ними нельзя, это же не правительство, это какая-то дикая, бездарная пародия, второе-третье поколение преемников изначальной колониальной администрации. Черт его знает, что это была за администрация, только каждое новое поколение власти получалось почему-то хуже и слабее предыдущего – закон, что ли, такой? Вести за собой людей по болоту? Очень хорошо, просто замечательно, давно пора, есть предложение поддержать, кто против? Никого? Ура-ура. А кто поведет? Эриксон? Да он, знаете ли, умер, а других таких ископаемых трилобитов уже не осталось... Да так ли уж нужно по болоту-то? Грязно же, неблагодарно, затянуть может в два счета, дойдем ли еще? И куда дойдем? И надо ли? Когда под ногами удобная кочка, почти не сыро и только следует поглядывать,

чтобы соседи не спихнули, – надо ли? Бесконечная игра на удержание счета. А кругом распад, усталое безразличие, общество деградирует, отработавшие по контракту требуют ренатурализации, люди звереют до потери естественного облика, снизу прет плесень, Кошкодавы разные, и единственная сила, еще способная спасти Редут от полного распада, – как ни странно, Живо-глот со своими мерзавцами. Должно быть, и в Хинаго то же самое, и в Мелких Озерах, иначе гнить бы нам всем сейчас в лагере для военнопленных и ломать руду на благо человеческой цивилизации.

Шабан вздрогнул и помотал головой. Перед глазами маячил сивый поздняяковский затылок. Арбитр молчал. Дежурный заместитель дочитал свое, сел позади Председателя и утерся платочком, а вместо него по мановению председательской руки встал для доклада начальник Аналитического отдела. Разомлевший обладатель морщинистой лысины издал было носом свистящий звук, но его пихнули в бок, и он засопел и заворочался.

«...Наконец, я рад отметить, что известные прогнозы относительно дальнейшего уменьшения численности населения Редута, к счастью, не оправдались. С начала этого года умерло естественной смертью, погибло, пропало без вести, а также покончило с собой в общей сложности тридцать четыре человека, родилось девять, последняя цифра значительно превышает прошлогодние показатели. Вопреки опасениям, статистика суицида практически не изменилась, но все еще продолжает вызывать беспокойство. Из числа отработавших по контракту покинуло Прокну сто девяносто восемь, прибыло новых – двести двадцать три. Таким образом, можно уверенно утверждать, что демографическая ситуация в Редуте имеет тенденцию к улучшению. Цифры однозначно показывают неуклонный рост благосостояния населения, расширяется также комплекс бесплатных услуг, однако нас должен насторожить тот факт, что только двадцать процентов опрошенных согласились с тем, что их жизнь действительно меняется к лучшему. Если исключить различные чисто человеческие факторы, как то: необоснованные опасения части опрошенных, завуалированное нежелание сотрудничать с Аналитическим отделом, проистекающее, очевидно, от слабой информированности населения о его методах и задачах, то следует принять неутешительный вывод о том, что истинное число наших сограждан, удовлетворенных нынешним порядком вещей, существенно меньше числа ответивших положительно. Одно из двух: либо в Редуте незаметно для нас происходит интенсивное имущественное расслоение с непропорциональным обогащением лишь незначительной части наших сограждан, чего мы никак не должны допускать, либо, что гораздо более вероятно, бесспорные положительные сдвиги происходят столь медленно, что основная масса населения попросту их не замечает. И здесь я намерен предъявить самые серьезные претензии к начальникам отделов Удовлетворения Нужд и Устройства Быта...»

Охаянные начальники пытались перебивать, но их заставили замолчать и дожидаться конца выступления. Один из них раздраженно ерзал вместе со стулом и менялся в лице, цветом которого напоминал медицинскую иллюстрацию к ожогу первой степени, – другой же сидел спокойно и уверенно, всем своим видом давая понять, что вообще-то ему наплевать на инсинуации, но уж если его заставят отлягнуться, он отлягнется, и тогда пусть пеняют на себя. Связываться по раннему времени никому не хотелось. Аналитик метнул напрасный взгляд на Председателя, затем на Позднякова, выдержал паузу и, ничего не достигнув, в две фразы закончил доклад и раздраженно сел. Поздняков, как ни странно, не только не кинулся в атаку, но словно бы даже и не слышал. Кто-то сбоку явственно пробурчал: «Договаривались же!...» – но смотрел на Позднякова с уважением. Кто-то фыркнул в рукав. Поздняков не реагировал. Казалось, что он не понимает, зачем он здесь, почему он сидит с этими людьми и слушает вздор, в то время как где-то совсем рядом происходит что-то необыкновенное, стихийное, крайне важное, нужно только набраться сил, подняться и уйти, никого не слушая и ни на кого не глядя, чтобы в последний отчаянный момент попытаться встать у руля и успеть, все-таки успеть предотвратить страшные последствия – но нет сил встать у руля, нет сил даже встать со стула, и уже

слышится тяжелый подземный гул, уже приходят в движение неумолимые равнодушные силы, уже сдвинулись с места и расползаются древние геологические пласты, не выдержавшие тяжести куба, почву выпирает дикими горбами, рушатся горы, осыпаются шахтные выработки, а глубоко под фундаментом Порт-Бьюно уже зреет готовая раскрыться трещина – она закроется, как только поглотит корчащийся куб, она обязательно закроется... Что может противопоставить Поздняков? Полсотни разведчиков, у которых он давно сидит в печенках? Мало, и те разбросаны кто куда, козырная карта не на руках... Да черт с ним. Шабан отвернулся и перевел осторожный взгляд на Живоглота. Живоглот улыбался.

Заслушали еще один короткий доклад и перешли к прениям. Медленное время скользило по поверхности, утреннее заседание успешно продвигалось к концу. О семипалой ноге и учиненном разведчиками скандале никто не поминал. О щитоносцах тоже: очевидно, тема считалась запретной. Дважды голосовали какие-то предложения, которые Шабан пропустил мимо ушей, и обнаружили таинственную недостачу одного голоса, после чего со смехом будили морщинистую лысину и коварно предлагали немедленно проголосовать. Морщинистая лысина был «за». Председатель пожурил нарушителя порядка, сурово указав на то, что праздники существуют для народа, а не для правительства, а Арбитр, выпросив в порядке исключения слово, рассказал длинную, абсолютно непонятную, но несомненно поучительную историю из жизни первопоселенцев, к которым в свое время имел честь принадлежать, и, досказав, заперхал довольным старческим смешком. «Вот то-то и оно, – веско сказал Председатель, подняв кверху указательный палец. – Вот так и бывает, когда забывают свои обязанности, я припоминаю еще один случай...»

Господи, думал Шабан, чувствуя тупое отчаяние, – что же это? Ему мучительно хотелось зажать уши, сдавить голову руками, коленями, чем угодно, чтобы только до хруста, до лиловых кругов в глазах, и ничего, кроме хруста, не слышать. После Председателя говорили уже все. Шум нарастал, каруселью мелькали возбужденные лица – рядовые члены Совета старались не отстать. Они уже вскакивали с мест, они хватали друг друга за рукава и кричали: «А помнишь?..» Молодежь, пряча иронию, почтительно прислушивалась. Глаза Арбитра заволоклись ностальгической дымкой. Господи, ведь так не бывает, так не должно быть, это же какой-то кошмар, их невозможно остановить, это стихия, а значит, ей все равно, она даже не заметит...

Но его заметили сразу, как только он встал, а когда он шагнул вперед, двадцать лиц повернулись в его сторону. Он заговорил, и они замолчали. Они смотрели в недоумении, но они слушали, и это было главное. Изумленно молчал Председатель. Дежурный заместитель забыл закрыть рот. Живоглот поднял брови и улыбнулся шире. Поздняков просвистел сквозь зубы неслышное: «С-сядь!» и отвернулся. Только бы не сбиться, подумал Шабан. Нельзя... Он с удивлением, будто со стороны, слышал свою речь. Говорил не он, он только шевелил губами, а говорил какой-то совсем другой, незнакомый человек, которому не было дела до того, что с ним будет, когда он кончит говорить, его не волновало, что его могут оборвать и унижить, он хорошо знал, что у него лишь один шанс из многих тысяч, и он как мог боролся за этот шанс, не собираясь его уступать. Неужели это я? – изумился Шабан. Нет, размечтался, я же так не умею, я просто боюсь, трус я обыкновенный, вот кто. Или все-таки я?.. Речь текла свободно и мощно – ухоженная, выпестованная, тщательно продуманная речь, – к ней нечего было добавить, и из нее ничего нельзя было убрать, он и не подозревал, что она уже давно сложилась в его голове, пошел хоть раз на пользу синдром Клоцци! Так вас всех! Слушайте. Поймите хоть раз, хоть на пять минут, что нельзя так жить дальше, поймите, что существуют иные методы мышления, кроме метода мозгового штиля, поймите и ужаснитесь. Попробуйте в качестве упражнения быть людьми! Справляйтесь с Порт-Бьюно сами, это ваше личное дело, не требующее вдобавок особой квалификации. Но оставьте в покое разум, если обладаете им сами. Засыпьте тоннель! Он уже выполнил свою основную функцию – теперь можно затеять другую грандиозную стройку, раз уж вам это так необходимо для управления страной. Допускаю, что необходимо.

Проройте шахту под радиоактивный горизонт или осушите шельф, оградив его титанической дамбой, да мало ли что еще можно придумать. Хотите воевать – воюйте, но только с умом и недолго, я тоже вспомню, как летает флайдарт. Но не трогайте вариадонтов. Что? Пора бы знать о них хоть что-то, затребуйте из Межзоны отчеты Симо Муттика. Поймите, если вы не недоумки: они превосходят людей во всем, они будут мудрее и чище нас, они только лишь на взлете и у них еще все впереди, тогда как у человечества впереди в лучшем случае столько же, сколько за плечами. Вы хотите быть преступниками? Забыли, кто такие убегуны? Наши же потомки, все у них от нас, разве что не нам, а им не повезло с войнами и натурализациями. Почему они дошли от радиации и позволяли кремировать своих покойников в плазме направленных взрывов? Вы это очень хорошо знаете: за обещанный путь в Южные Земли! Туда-где-Тепло! За свой рай земной по ту сторону хребта, с блаженным климатом и отсутствием враждебных племен. Они еще не знают, что такое южная сельва, а предгорья их не вместят. Их миллионы. Они очень быстро вымрут или перебьют друг друга, но прежде выплеснутся, как гной из нашего нарыва, затопят собой все, что смогут, и, разумеется, уничтожат всех до одного вариадонтов. Если до той поры вариадонтов не уничтожите вы сами. Хотите подогнуть под это моральную базу? Я вам подскажу, как это сделать. Сначала чужой разум следует просто не заметить. И не замечать как можно дольше. Потом, когда это станет уже невозможно, нужно отказать чужому разуму в гуманности. Проще простого: гуманность у негуманоидов?! Бей их!! Но лучше все-таки напустить на них убегунов, а потом, через десяток лет, если напор общественного мнения станет ощутимым, если вообще найдется хоть какая-то общественность с мнением, можно объявить случившееся трагической ошибкой и учредить день траура, а то что-то мало в Редуте поводов надраться в дым, непорядок...

– ...я хорошо понимаю все практические соображения, подвигнувшие народ Редута к грандиозному прорыву на Юг, – говорил тот, решительный, человек. – Но даже в наше напряженное время нельзя, как бы нам этого ни хотелось, руководствоваться одними лишь практическими соображениями, нельзя, если мы, люди, тоже мним себя разумной расой. Я обращаюсь к вам потому, что верю в вашу государственную и человеческую мудрость. Я обращаюсь к вам потому, что мне больше не во что верить...

Только однажды в жизни Шабан чувствовал подобное: давным-давно, в кадетской школе. Двое парней со старшего курса подстерегли его в туалете. Может быть, они ждали кого-то другого, а подвернулся он; может быть, им просто было скучно или не понравилась его физиономия, но насели они основательно. После первых плюх, неумелого отмахиванья, крови из носа и боли в заломленных руках намерения верзил определились вполне: затолкнуть салагу лицом в писсуар. Нечего было и сомневаться, что им это удастся – каждый из них шутя сделал бы котлету из троих таких Шабанов. Вот тут и появился тот, другой, человек. На несколько секунд Шабан отключился и не помнил потом, как все произошло, только один из верзил вдруг оказался без сознания на заплеванном полу, а другого, пустившегося в бега, Шабан гнал через всю школу и догнал бы, но налетел с размаху на директора, был кругом виноват и провел сутки в карцере. Юность, юность... Вьюность. Девочки. Битье морд. «Дур-рак! – учил впоследствии Менигон. – Что за удовольствие одержать верх, нанеся противнику десять ударов и получив девять? Лучше нанести один удар и не съест взамен ни одного...»

Его слушали! Высокое собрание замерло перед обыкновенным, невзрачным человеком с обширной смешной плешью и молчало, загнипнотизированное. Так их! Не в плешу дело. И не в росте. А только в точке зрения. Есть древняя история, которую любят рассказывать психологи: некий начальник дрожал и трепыхался перед подчиненными, потому, оказывается, что комплексовал из-за своего скудного роста. Снизу вверх – ай-ай-ай... Психолог посоветовал ему удлинить ножки стула на три сантиметра, и начальник стал орлом...

И вдруг кто-то оглушительно чихнул. Шабан запнулся и растерянно повел глазами по лицам. Катастрофа произошла. Решительный человек исчез, бросил его и удрал – Шабан один

стоял под колонной с рениевым Эриксоном и не знал, что сказать. Он чувствовал полный провал. Лица, рожи, хари... вот лиц уже меньше, вот их уже нет совсем, а кругом одни хари – как быстро они меняются!.. Долгий миг пронзительной тишины – и вот они уже заворчали, заворчались, заговорили все разом. «М-да-а... Что-то я, признаться, не вполне уловил, а вы?» – «Ненормальный какой-то. Вообще, кто это?» – Поздняков ерзал и мучился, не зная, куда себя деть. – «А-а, вот оно что. Н-да-а... Жидковат. И дурак к тому же». – Шум в зале нарастал лавиной. – «Засыпать тоннель, ха!» – «Ну, псих, конечно». – «Балаган, а не заседание. Почему мы должны это слушать? Ему слово давали?» – «Вывести его!» – «В расход», – сострил кто-то. «Потише, не надо так шутить». – «А что?» – «Не надо так шутить, нехорошо как-то...» – «Гы-ы-га-га-а!...» – Во всем ромбозале молчал один Эриксон. «Что он сказал? А ну, пусть повторит. Это Правительственный Совет не знает, что делает?!» – «Варианты какие-то. Донты. Что за варианты-то?» – «Передайте оратору закуску!» – «Гы-ы-ы...» – «Да он же пьян!» – «На шельф таких!» – «Не на шельф, а просто вывести! Куда смотрит охрана?» Неожиданно выяснилось, что Живоглота в зале нет. Когда он встал и ушел, никто не заметил. Шабан отодвинул ногой стул и молча вышел. Хотелось бежать, но он заставил себя идти ровно. Желтые каски за дверью шевельнулись, глядя ему вслед.

Глава 7

– Однако, – сказал Гебрий Биртолли, промахиваясь бутылкой мимо стакана. – Ч-черт! Это я куда? Это ничего, что я тебе на брюки? К счастью? Ну, правильно. Да, что я хотел сказать: весело тут у вас, вот что я хотел сказать.

– Еще как, – подхватил Шабан. Он чувствовал себя в той стадии опьянения, за которой начинается уже провал, а потом очнувшийся человек уверен, что в его голове кто-то ворочает битое стекло. – Давай к нам, а? Бросай ты свою Землю. Ну на что тебе Земля?

– А на что мне Прокна?

– Прокна – это Лига, – объяснил Шабан. – Вторая молодость – понял? За кем, по-твоему, будущее, а? А Земля – музей. Ну что, уестествим по последней?

Уестествили. Местный джин «Редут» бил сперва по ногам, а потом уже по голове, как всякий порядочный напиток, хотя не напоминал самогон только цветом. Вставать и уходить от Биртолли совсем не хотелось. Вот уже полчаса, как они были на «ты».

– Музей, – согласился Биртолли. – Это правильно. Это я в статью вставлю.

– Музей предрассудков, – сказал Шабан. – Того нельзя, этого не тронь. Ничего нельзя. Были бы там у вас вариадонты – и их бы нельзя было тронуть, так?

– Опять ты за свое, – занял Биртолли. – Сказал же я тебе: буду я писать статью, буду. Ну?

Пожалуй, и вправду напишет. Шабан покивал: да-да, не сомневаюсь, как можно? Ладно. Конъюнктуру парень уловил с полуслова. Если отношения Земли с Редутом не выйдут каким-нибудь чудом из состояния активной эрозии, статья действительно появится месяца этак через два и наделает шуму на всю Вселенную. Да только будет поздно. Совсем. И уже ничего нельзя сделать. Вариадонтов выбьют до единого, а некий заместитель начальника геологической службы – впрочем, теперь, по-видимому, уже не заместитель – отправится на шельф бороться со стихиями. «Славой героев!..» В Редуте невозможно не проявлять героизма, это не по правилам. И все мы хорошо знаем эти правила, а чего мы не знаем, то объяснит Поздняков. Отключиться бы... Сволочь этот Гебрий: расплескал последнее. Нет, смотри-ка, полез еще за бутылкой.

– Вино?

– Нет. Коньяк.

– Земной?

– Угм.

Шабан с сожалением отстранил свой стакан.

– Нельзя. – Он покачал головой. – Отрава. Ты натурализованный?

– Это на неделю-то? – Биртолли хохотнул и потрогал руками курчавую голову. – Лысей сам. Я только адаптирован.

– Все равно не советую, – сказал Шабан. – Намаешься потом брюхом. Забыл, как в прошлый раз маялся?

Биртолли скривился – как видно, хорошо помнил. Морщины на его лбу собрались в сложный рельеф.

– Ага, – сказал он, – а ведь я тебя знаю. То-то смотрю: знакомое лицо. И фамилия. Постой, постой... Это не ты тогда спас этнографическую экспедицию с Мегары?

– Было дело, – признался Шабан. – Да ты же об этом писал. Помнишь?

– Э-э... То есть да, конечно. Припоминается что-то такое. Но ведь это давно было, правда? И не писал я вовсе этого.

– Как не писал? – возразил Шабан. – Очерк «Я спасу вас», автор – ты.

– Ну, ты даешь, – оживился Биртолли. – Что я, вот так сам писать и буду? На то специальный писун на каждую полосу. Сидит и строчит. Да нет, какой это секрет? От кого? Или, бывает,

комп за него строчит, и даже лучше получается... Главный не поощряет – зверь. Помню, писун выдал, будто ты, значит, вообще не дрался в норе с этими вашими... кто тут у вас в норах живет... убегуны, что ли? Так старик его с ходу за загривок и в текст мордой, мордой, а потом повернул к себе задом да как врежет по сфинктеру...

– Святая правда, – сказал Шабан. – Не дрался. И незачем. Они же людей боятся.

– Правда или неправда, а писать такое нельзя. – Биртолли ударил ладонью по столу и придержал звякнувшую бутылку. – Нужно хоть немного уважать читателя. Специфика. Если читатель ждет героики, мы не имеем морального права всучить ему будничную спасательную историю. Согласен?

– Я с ними не дрался, – сказал Шабан.

– Ну, это твои трудности. Ведь мог бы подрасться, верно? Слушай, может быть, все-таки выпьем, а? Может, не отравя?

– Нет. Я – гриба. Хочешь попробовать?

– Я? М-м... Да, пожалуй. Это как? Это нюхают?

– Нюхают. Нет, возьми больше, так ничего не почувствуешь... А теперь много, сыпь обратно. Вот теперь правильно. Ну, вперед!

– М-м-м...

– Твое здоровье. Нет, это не закусывают. Ну, как теперь?

– Не пойму. Нет, вот сейчас хорошо. Но я, кажется, где-то слышал, что это запрещено?

– Я тоже где-то слышал. Но тебе трепыхаться не надо, ты нездешний. Пока ты у себя в комнате, ты ничего не нарушаешь.

– А ты?

– «Нарушение порядка можно доверить лишь тому, кто им дорожит», – сказал Шабан и икнул.

– Это ваш Барух? – с улыбкой спросил Биртолли.

– Нет. Это ваш Шиллер.

– А, – сказал Биртолли, – да-да. Естественно. А ваш этот гриб, он что – наркотик?

– Черт его знает, – сказал Шабан. – Вот, кстати, тебе матерьял: есть гриб, вдыхание его сушеных гифов вызывает у человека легкость в движениях и ясность мысли. Если, конечно, не перебрать. Правда, налицо классический букет: похмелье, быстрое привыкание, увеличение доз, в пределах ведущее к нервному истощению. Но и только. И ничего более. Так почему, я спрашиваю, вместо того, чтобы всерьез взяться за ликвидацию побочных явлений, гриб попросту запрещают? Законодательно. Ты журналист, вот и занялся бы этим делом.

– И займусь. Почему бы не заняться? Читатель должен знать!.. – Биртолли снова замахнулся хлопнуть по столу, и вдруг лицо его вытянулось. – Ой, кто это?

– Где?

– Вон там, у двери. Женщина. Что ей нужно?

– М-м? Не вижу. Кто там может быть?

Биртолли усиленно заморгал.

– Стоит, – сказал он. – Вон она стоит. Господи, да она же зеленая!

– Не страшно, – успокоил Шабан. – Это у тебя галлюцинация с непривычки. Тоже побочное явление. Бывает один раз, а потом уже больше не появляется. Сейчас я дуну как следует, и ее отсюда вынесет... Ну как, исчезла?

– М-м... Вроде да. А она больше не появится?

Шабан уверенно помотал головой, и Биртолли сразу повеселел. Через минуту он уже пытался острить. Он-то, конечно, не бабник, но и не женофоб и готов получить эстетическое и иное наслаждение, если, конечно, попадется достойный экземпляр, только пусть экземпляр будет естественного окраса, а не зеленый. Зеленым место на грядке. И вообще, какой урод

придумал, будто зеленый цвет приятен для глаз? Бред, правда? Ты как думаешь: какой цвет лучше всего успокаивает?

– Черный, – поддержал Шабан. – Погасить свет и лечь спать.

– Правильно, – сказал Биртолли. – А у вас тут часто стреляют?

– Что?

– Я спрашиваю: часто у вас идет в ход оружие?

– Это смотря где, – сказал Шабан. – В степи случается, а здесь – нет. У нас с этим строго, – приврал он, вспомнив Кошкодава. – А что?

– А то, что стреляют, – заявил Биртолли. – Слышишь?

– Нет.

– Странно. Стреляют же!..

Хм. Опять мерещится шизоиду. Когда новички занюхивают грибом алкоголь, хорошего не жди. Обострение слуха может довести до истерики. Кто там стреляет? И в кого? И зачем? Может, просто бродят «блохи», перебирают лапками. Тук-тук. Ну и пусть себе бродят. Пусть смотрят и слушают, в последний раз ведь. Приятно вот так посидеть, зная, что это в последний раз, и болтать всякие всякости, чепуху болтать, только чепуху, и ничего, кроме чепухи, не слышать в ответ – лучше бы, конечно, не с Гебрием, плохо, что так получилось... Потому что уже ничего нельзя сделать, совсем ничего сверх того, что уже сделано, дистанция пройдена, самое время упасть без сил и ждать, когда поднимут...

– Опять, – со страхом сказал Биртолли. – Теперь ближе.

Тук. Тук. Тук-тук-тук-тук... А ведь и верно – стреляют. Шабан замер, прислушиваясь. Бум-м!.. А вот это уже гранато-пуля фугасного действия. Совсем близко: не на смежном ли ярусе? Какого черта... Или наконец-то началось? Наконец-то... Давно пора. Шабан блаженно закрыл глаза. Может быть, что-то все-таки сдвинулось, провернулось со скрипом какое-то огромное ржавое колесо и покатилося, теперь его уже не остановить, потому что люди проснулись, потому что они вспомнили, что они – люди. Не зря Поздняков с утра сам не свой. И без стрельбы не обойтись, плесень сама не отвалится, ее только скребком. Совет этот дебилный уцепится за власть так, что и не отдерешь. Ничего, отдерем. Если все вместе, все, кому нечего терять, да еще с каким-нибудь особо озлобленным на власть Шабаном... Нет, что-то не то. Не получается. Все вместе они останутся просто толпой, вымогающей у Совета особые премиальные. Господи, да я же их ненавижу! Всех этих людей, все это стадо, стиснутое с шести сторон в кубической жестянке, вечно куда-то спешащее и никогда ничего не успевающее, звереющее от бесперспективности своего будущего и от бесперспективности себя в будущем. Тупость их ненавижу, жадность, подлость. Но что у меня есть, кроме этих людей? Нет, это даже интересно, давайте разберемся... Лиза? Этого мало. Вариадонты? Они далеко, и они сами по себе, я им не нужен. Получается, что кроме этих людей у меня в жизни, по существу, ничего и нет. Забавно получается...

– Что делать-то? – спросил Биртолли. Он был бледен. Шабан оперся руками о стол и с усилием поднялся. Ноги слушались, но в голове по-прежнему плыло. Добавить порошка? Нет, позже.

– Пойду посмотрю, что там такое.

– А я?.. – задрезжал Биртолли.

– А ты сиди тут, – сказал Шабан. – Вернусь – расскажу. Матерьял соберешь, писуну отдашь. Пока.

Только сейчас он вспомнил, что при нем нет оружия. Биртолли кинулся проводить до двери, квохтал что-то вслед: кажется, призывал беречь себя, смотреть в оба, а как только что-нибудь прояснится, бежать назад и немедленно вводить его, Биртолли, в курс событий. Шабан задвинул за собой дверь, и Гебрия не стало слышно.

Грохнуло где-то совсем уже рядом. Шабан оглянулся. Пусто. Черт знает что. И здесь пусто. Если это бунт жаждущих отправки на Землю, то где ревущие толпы? Где лозунги, баррикады и кирпичи для бомбометания, что там еще полагается? Он прибавил шагу. Над головой грохотали чьи-то тяжелые ботинки – сначала туда, потом обратно, потом снова туда. Навстречу неожиданно вынесло Ли Оммеса. Этот-то откуда здесь взялся, подумал Шабан. Самый тихий, самый незаметный человек в Порт-Бьюно, больной вдобавок. Лежать бы ему сейчас с грелкой... Оммес двигался как-то неуверенно, будто учился ходить, лицо его было темнее обычного, а обеими руками он держался за живот. Даже не кашлял. Били его, что ли? Какой гад?

– Эй, Ли! Что тут, собственно...

Самый тихий человек в Порт-Бьюно вдруг всхлипнул и мягко повалился набок. И только потом раскашлялся – страшно, булькающе. Он еще хотел, как видно, прикрыть рот ладонью, но не донес руку, и изо рта его вместе со струйкой крови вылетел какой-то сгусток. Потом он вытянулся, закатил глаза и замер. Одна рука так и осталась прижатой к животу, но уже не могла скрыть того, что живот у него разорван. Шабан отшатнулся. Происходило что-то страшное. Оммес... Мозг сопротивлялся, не хотел верить. Такого в Порт-Бьюно никогда не было, это какая-то ужасная ошибка, это неправда, такого здесь просто быть не может...

– Стоять! К стене!! Руки за голову!!!

Обвальный грохот спешащих ног. Охранники. Потные ошеренные хари. Двое. Живоглота гвардия. Карабины в положении для стрельбы с бедра.

– Мордой к стене, сволочь!

Должно быть, он недостаточно проворно выполнил приказание – в бок с хрустом вломился приклад. На секунду стало очень тихо и темно, потом проснулась боль, поползла по ребрам к позвоночнику, заплясала в глазах мутными пятнами. За спиной зло сопели. Было слышно, как тело Оммеса пнуло ногой. «Этот?» – «Он самый». – «Живой?» – «Сдох. Ты ему прямо в брюхо. Кишки вон». – «А оружие?» – «Оружия нет». – «... с ним. Проверь у этого». Шабана брезгливо обыскали. «И у этого нет». – «Выбросил, сука...» Позади него презрительно сплюнули.

Рискуя получить пулю, Шабан повернулся к охранникам лицом. Боль в боку мешала дышать. Ярус постепенно наполнялся звуками. Из одного бокового коридора в другой протоптало на рысках отделение Особой Охраны. Где-то поодаль ломали дверь, кого-то шумно тащили из комнаты в коридор, а он в коридор не хотел, визжал и вырывался. Потом негромко пукнул выстрел, и визг смолк. Ярусом выше рванула одиночная гранато-пуля – тяжело вздохнули стены, с потолка посыпалась крошка. Да что же это такое, беспомощно подумал Шабан. Убивают ведь... Людей убивают. Оммеса... Неужели переворот?.. Ясно, что переворот. Вот, значит, как. Проморгали Живоглота... Он отлепил лопатки от стены и качнулся вперед. Две хари в нахлобученных по уши форменных беретах ослабились.

– Кто такой?

– Человек, – с вызовом сказал Шабан.

– Кто-о?

– Человек, – сказал Шабан менее уверенно.

– Козел ты вонючий, – определил охранник. – Руки, падлю!

– Что – руки? – спросил Шабан, держась за бок. Боль не отпускала.

– Кончай его, – равнодушно сказал второй охранник.

– А?

– Кончай, говорю, некогда.

– Нет, ты погоди! – ошеренная пасть брызгала слюной. Глаза сощурились и сделались ласковыми и масляными, как у Мант-Лахвица. – Ты слышал, что он сказал? Я тебе, плешь, покажу человека! Ты у меня свои кишки жрать будешь... – Второй охранник, не обращая вни-

мания, отшагнул назад. Ствол карабина в его руках качнулся и превратился в черный кружок. Палец на спусковом крючке лежал плотно и ровно.

Сейчас меня убьют, подумал Шабан. Вдруг стало очень тихо. Черный кружок дула притягивал, от него невозможно было отвести глаз. Время словно остановилось, замерло в испуге. Невыносимо медленно сгибался палец, топя в ложе карабина спусковой крючок. Разрывная пуля снесет голову.

За мгновение до выстрела, уловив боковым зрением какое-то движение, он упал, успел откатиться в сторону – пуля, разбрызгивая осколки, сочно чмокнула в стену. Второго выстрела не последовало. Длинное, кажущееся в прыжке еще длиннее, тело Менигона обрушилось на охранников, как лавина. Что-то лязгнуло, выбитый карабин ударился в потолок. Один охранник отлетел к стене и больше не поднялся. Второй, казалось, успел среагировать, и Менигон едва не покатился кубарем, но на короткий миг Шабан ясно увидел, как в руке Менигона блеснула узкая сверкающая полоса, и охранник сложился вдвое. Менигон молча ударил еще раз – охранник захрипел, выкатывая глаза, споткнулся и упал на труп Оммеса. Другой, с шеей, вывернутой неестественным образом, лежал у стены и царапал пол скрюченными пальцами. Менигон деловито осмотрелся по сторонам, вытер лезвие стилета об одежду убитого, подобрал с пола карабин и не глядя выстрелил – распростертое тело подпрыгнуло на полметра. Скрюченные пальцы замерли.

– Вставай. Разлегся тут... Пляжник. Оружие возьми.

Шабан, кряхтя, поднялся на ноги, выдернул из рук убитого карабин. Его мутило.

– Ты их убил? – через силу спросил он и сам подивился глупости вопроса.

Менигон повернулся к нему рывком. В желтых глазах плясало бешенство.

– У тебя были другие предложения?

– Нет. Ты извини.

– Ты пьян, что ли? – спросил Менигон.

Шабан прислушался к внутренним ощущениям. Ощущений не было. Была пустота.

– Нет. Уже нет.

– Очень больно? Идти сможешь?

Шабан кивнул. Боль в боку не ушла, но стала тупой и ноющей. Терпеть было можно.

– Тогда пошли.

– Куда? – спросил Шабан.

– Там увидишь.

В боковом коридоре уже опять грохотали тяжелые ботинки. Пришлось не идти, а бежать, и все равно не успели – далеко позади кто-то хрипло заорал на бегу, нестройно ударили выстрелы. От стены с визгом срикошетировала пуля. У поворота к пандусу Менигон припал на одно колено и лихо, как в учебном тире, расстрелял в преследователей пол-обоймы – погоня отстала.

– Быстрее, пляжник!

Шабан задыхался. Они бежали по пустым ярусам, по бесконечным коридорам сонного Порт-Бьюно, и редкие обыватели, высовывающие головы из своих комнат, завидев их, спешили укрыться за задвижными дверями. Свет неожиданно погас, потом опять включился, потом замигал и погас уже окончательно. Менигон свирепо зарычал. Они перешли на шаг и пошли было вдоль стены ощупью, но тут загорелось аварийное освещение, и Менигон опять сорвался на бег. В жилых ярусах уже не стреляли. Пальба еле слышно доносилась откуда-то сверху, как видно, с правительственного яруса и – гораздо громче и ближе – снизу, с уровней, занятых громоздкими системами жизнеобеспечения куба. Над головой что-то горело – по пандусам сверху вниз ползла ленивая пена, извергнутая автоматическими гидрантами. Воняло дымом. На несколько секунд ожили коридорные динамики, чей-то голос тягуче заныл: «Группа

«Каппа» – на выход, группа «Каппа» – на выход, группп...» – забулькало, захрипело, и голос смолк.

Вниз! С яруса на ярус – вниз! Туда, где стреляют. Туда, где ты кому-то очень нужен, где может не хватить как раз одного человека... пусть этим человеком окажется кто-то другой, не ты, тошно же потом будет... Менигон еще прибавил, и Шабан изо всех сил старался не отстать. В боку пылало кипящее железо. Менигон бежал легко и пружинисто, как опытный хищник, взятый в облаву и точно знающий, что и как нужно делать, чтобы охотники остались с носом. Хищник и есть, подумал Шабан. Гончая, профессионал. Так и нужно. Зря я тогда отказался перейти в спецгруппу, предлагали же дураку – но кто знал?.. Что за бред, знали же! Все знали, на какой планете живем, кто такой Живоглот и чего от него ждать. Центропунизм, наполеоновские комплексы при острой умственной недостаточности и еще подлость, подлость и подлость. С рождения. Было время, когда юный Мант-Лахвиц был рядовым охранником, новичком без покровителей, вечным первым кандидатом на чистку сортиров, безошибочно избранным на роль жертвы, и легко, даже как-то охотно терпел казарменные подначки и изощренные издевательства. Долго терпел. Но что это были за издевательства, рассказать теперь некому: из его бывшего отделения в живых не осталось ни одного человека. А как они заискивали перед ним, когда неожиданно для многих, как сияющий волдырь на гладком месте, возник во всей красе отдел Особой Охраны, как ползали, должно быть, в ногах, лизали пол... Дольше других, говорят, продержался некий капрал Заурус, потому что перевелся на шельф, и уже, наверно, полагал себя в безопасности, как вдруг однажды ночью исчез с патрульной платформы без следа – вероятно, был смыт в море... Не то удивительно, что Живоглот рванул напролом к большой власти, а то удивительно, что рванул только сейчас – спустя годы, – так долго ждал, что мы к этому привыкли: держит в узде своих мерзавцев, терпит над собою Правительственный Совет – значит, так ему нужно, значит, будет терпеть и впредь. Вот вам – впредь! Поздняков спохватился, да поздно. Фамилия у него такая. У Живоглота сотня обученных громил, всего лишь сотня, но на Порт-Бьюно и этого может хватить, особенно когда Общая Охрана разбросана кто куда по всему Редуту, разведчики тоже, а желтые каски малочисленны; особенно когда начинают убивать вот так – неожиданно, в праздничное утро. Ах, какое выбрано время! – никто не мечется в панике, не суетится под ногами, добропорядочные граждане в большинстве просто спят после вчерашнего, набираясь сил перед сегодняшним. Праздник же, все мы люди... Спят и видят в предпоземельных снах кружащийся волчком мир или, скажем, детский аттракцион – карусель, где можно прокатиться на имитации черного корабля в компании зеленого пришельца с классической сыроежкой вместо носа. Продерут глаза – обалдеют, спросят, что за новая власть такая, и успокоятся, если у новой власти хватит ума не отменять праздника. Толпа. Тупая, животная, непобедимая сила, почва и подкормка для всякой власти. Толпу никто всерьез не тронет: нельзя разрушать фундамент. Вот Оммес был не в толпе, значит Оммеса – можно. Кто человек, тому власть не нужна, и тот власти не нужен. А ну, где вы там, умники, падлы, плеши, козлы вонючие! Получите свою разрывную в брюхо – один уже получил, и вы никуда не денетесь...

Жилые ярусы остались над головой. В машинном зале энергоподстанции искрились и выли генераторы, воняло маслом и горелой пылью. На кожухе трансформатора лежал убитый. Менигон, хакнув, с разбегу высадил аварийную дверь, и сразу в машинный зал ворвались звуки боя – стреляли, вопили и дрались врукопашную где-то совсем уже рядом. Перед глазами замелькали какие-то узкие ходы, неожиданные повороты, лазы с протянутыми вдоль них толстыми кабелями, потолочные люки над настенными лестницами из скоб. Лабиринт. Шабан здесь никогда не был, но Менигон ориентировался и вел уверенно. Звуки боя то приближались, то удалялись, потом стали затихать. Поворот. Еще поворот, еще... И еще. Теперь в люк... Один раз в широком и непомерно длинном коридоре без дверей их обстреляли откуда-то издалека, и Менигон

ответил. В другой раз выскочили на каких-то вооруженных людей в гражданском, прямо на наставленные стволы, и Менигон, упреждая, заорал: «Свои! Свои!» Стволы опустились.

– А, Винсент! – сказал Ева Панчев. Он был всклокочен и дышал с хрипом. Комбинезон на нем был разорван до пупа и сползал с плеч, на волосатой груди запекся колтун крови и грязи. Поверх колтуна болтался на ремне короткий автомат. – Долго тебя носило. А это кто с тобой? Искандер, ты? Молодец, что пришел, мы тебя ждали... Серж, будь другом, узнай, как там со связью...

– Зацепило? – спросил Менигон.

– Ерунда, – отмахнулся Ева. – Своим же осколком по касательной. Бардак, как обычно.

Пока что мы их выбили, сейчас непременно опять полезут. Гупту убили, ты знаешь?

– Ну? А Тосихидэ?

– Тосихидэ держит воздуходувку. Слышишь?

– Слышу. У тебя гранато-пули к карабину есть?

– Найдем. Что там наверху?

– По-прежнему. Нужно десять человек.

Ева выругался.

– Блокируют – поздно будет, – предупредил Менигон.

– Сам знаю! А может, двадцать им?! Нету у меня десяти человек, нету. Не дам!

Менигон пожал плечами.

– Сказал бы мне кто вчера, кого придется защищать, – мрачно начал Ева, – я бы тому... – Где-то опять грохнуло, дрогнули стены. Издалека долетело отчаянное: «А-а-аа-а...» и грохнуло еще раз. Несколько человек, молча переглянувшись, побежали на звук. Гулко загревели выстрелы. Ева Панчев вдруг страшно засопел, ощерился и кинулся вслед за каким-то прошмыгнувшим мимо человеком в светлом кителе инженера:

– Стой! Стой, говорю!.. – заорали оба. Ева прижал инженера к стене.

– Ты где должен быть?! Ты мне связь дал? Связь ты мне дал, я спрашиваю!.. – Инженер вырывался. – Ку-уда-а?! Почему нет связи? А ну, отдай!.. – Инженер кричал что-то про поврежденный фидер и не отдавал пистолет.

– Назад! Сдохнуть еще успеешь. Марш обратно!

– Куда? Антенны нам отрубили... Фейсал там. И Брусницын...

– И ты – марш! – орал Ева. – Связь мне давай, сволочь, понял? Связь!!

– С Базой? – спросил Шабан. Ева безобразно ругался, выкручивая пистолет из инженерских рук. Стрельба приближалась.

– С Базой связь есть, – сказал Менигон. – Армия не поможет.

– Почему? – тупо спросил Шабан.

– Потому что не поможет, – объяснил Менигон. – А если и поможет, то не нам. Сейчас ребята пробуют включиться в оповестительную сеть, обратиться напрямую к солдатам, но, боюсь, толку не будет. Там каждый второй – грибник. Связь нужна спутниковая с Хинаго и Межзоной. Кто услышит. Пока мы держим системы – куб наш.

– У нас есть шанс? – спросил Шабан.

– Нет.

– Их же всего сотня...

– Кого сотня? – спросил Менигон.

– Охранников.

– А-а... – равнодушно протянул Менигон. – Вот ты о чем... Так ты, дружок, просто не в курсе. Какие там охранники... Это грибники, без них Живоглот разве бы посмел... У них в паханах Редла-Штуцер, ты его знаешь?

Шабан промолчал. Бой приближался, и нужно было идти туда, где дерутся. Штуцер... Грибники. Вот, значит, как...

– Говорил тебе, дураку: напросись в разведку, – сказал Менигон. – Ну что тебе стоило?

Не торопиться. И не зевать. Поймать в прицел очередную фигуру, как вездеход каких-нибудь гончих. Плавно надавить на спусковой крючок, и фигуры не станет. С гончими проще: можно не думать о том, что в вездеходе люди. И здесь нужно не думать. Держать их на расстоянии, это самое главное.

Они лежали за хилым завалом из стульев и выломанных дверей и ждали новой атаки. Сначала их было четверо, кроме Менигона и Шабана этот коридор держали еще двое: Гугнивый Мартин, тоже разведчик, и какой-то пожилой незнакомый механик в промасленном комбинезоне и с нервным тиком на пол-лица. Первую атаку отбили шутя: на технических ярусах никто не рисковал пользоваться лучевым оружием, зато гранато-пули вымели коридор начисто. С полдесятка охранников и боевиков Редлы-Штуцера лопнули и разлетелись дымящимися ключьями. Потом что-то крепко рвануло перед самым завалом, и механика убило, а Менигону оцарапало голову, и снова поперли, полезли орущие потные рожи в надвинутых на глаза беретах, молчаливые боевики с короткими автоматами наперевес, нанюхавшиеся грибного порошка до полного бесстрашия и желающие только одного: добраться и разорвать; и снова пули крошили завал. Отбили с трудом, а еще через минуту прибежал трясущийся парнишка с вестью о том, что с той стороны заседают, сил нет, связь по-прежнему не работает, ребята отходят, нельзя ли хотя бы двух человек? Ну хоть одного... И Гугнивый Мартин пошел с парнишкой, а Менигон молча оттащил тело механика к стене, чтобы не мешало. А потом два человека долго лежали за завалом и ждали, когда на них полезут снова, но никто почему-то не лез, прошло уже минут двадцать, но никто не пытался еще раз атаковать с этой стороны, и Шабан думал о том, что звуки боя позади становятся все громче, и как бы не ударили в спину, зато сверху, с правительственного яруса уже давно не слышно никаких звуков боя, хотя поначалу они отчетливо доносились через вентиляционную шахту – вот она, решетка, такая же, как та, на которой маленькая девочка ловила коричневых тварей. Жуки, жуки...

– Ты о чем думаешь? – спросил Шабан.

Менигон не ответил, и Шабан, подождав немного, снова прилип к своей амбразуре и стал смотреть. Противник не показывался. На полдороге к ближайшему боковому лазу покоренные стенные плиты были забрызганы неприятными кляксами и лежала чья-то нога без туловища. Еще одно тело боевика, почти целое, скорчилось перед самым завалом.

Смотреть не хотелось, было тошно. Случившееся отказывалось укладываться в голове. Живоглот – понятно, но грибники?! Почти что своя, домашняя, во многом еще неопытная мафия – кто не знал о том, что она существует? Кто не нюхал порошка? Каждый знал, каждый видел: люди как люди, ты им хорошо – и они к тебе со всем уважением, а что боевики у них, так это специфика такая, нужно только знать простые правила, и не будет никаких неприятностей. Плати аккуратно за порошок, плати разовые взносы, не задавай вопросов – вся наука.

Совсем, видно, плохи наши дела, если мафия берет формальную власть, подумал Шабан. Не хочет, наверное, а берет – деваться ей некуда, не допускать же страну до развала... Мафия подзаконна. Перестав ею быть, она перестанет быть мафией и станет высшей государственной властью, а на ее место неизбежно придут другие. Рано или поздно – придут, и Штуцер не дурак, чтобы этого не понимать, иначе не гасил бы так долго порывы Живоглота. Но кто-то же должен быть виноват в том, что нет другой силы, кроме той, что у Штуцера, способной заменить этот Совет, похожий на собрание окаменелостей, ведь нас же убивают, господа, кто-то же должен быть в этом виноват...

– Ты как думаешь, Винс: если еще раз полезут – отобьемся?

Менигон, морщась, щупал ссадину на голове, смотрел на ладонь и вытирал ее о комбинезон.

– Каждая деталь имеет свою наработку на отказ, – сказал он непонятно. – Это надо знать. С виду вроде ничего, а потом хряп – и отказывает. Очень просто.

– Это ты о чем? – спросил Шабан.

– Это я просто так, – сказал Менигон. – Ты давай за коридором смотри. Тоже мне: отобьемся – не отобьемся... Стратег вшивый.

Стрельба за спиной неожиданно смолкла. Стало тихо, только поодаль негромко гудели какие-то насосы, что-то позвякивало, и было слышно, как из пробитых труб с шумом низвергаются не то потоки аммиачной воды, не то канализационные стоки. Шабан глубоко вдохнул: почему-то вдруг стало трудно дышать. В голове зашумело.

– Э! – Менигон замер, подняв вверх палец. – Чувствуешь?

Шабан потянул носом.

– Это кислород.

– Отдали аппаратную, – спокойно сказал Менигон. Его желтые глаза погасли. – Все, крышка.

Он вдруг начал ругаться – очень грязно и очень спокойно – и все никак не мог остановиться. Шабан потащил его за рукав. Ярус снова наполнился звуками. Но теперь это были звуки бегства.

– Куда? – вяло спросил Менигон. Он был как пьяный.

Куда, куда... Шабан тянул Менигона прочь, и в голове у него трещало. Он кричал, не чувствуя, что кричит. Ты надыхался, что ли, Винс? Или все еще рассчитываешь стать экспертом? Вниз, вот куда! Нет, сначала вверх: возьмем Лизу – и вниз. Если повезет прорваться к гаражу, захватим вездеход – и тогда в ущелье, к ребятам... Ну же, Винс! Быстрее!

– А-а, – сказал Менигон, едва ворочая языком. – Вот ты о ком вспомнил... Так их убили. Разве я тебе еще не говорил?

Эта дверь поддавалась сразу – вероятно, была повреждена или просто не заперта по оплошности, – и едва она успела задвинуться за спиной, как по коридору прогрохотали преследователи. Мимо. Кажется, ушел... Шабан привалился к двери спиной и закрыл глаза. Сил не было. Где-то еще стреляли, но исход был ясен. В жилые ярусы удалось прорваться немногим; их отстреливали поодиночке. Часть защитников отступила вниз и, по-видимому, пыталась организовать оборону на новом рубеже. В глазах плавали цветные круги и стояли картины бегства: мчащаяся на выстрелы толпа, в которой каждый был сам за себя, хриплые крики, неожиданный фонтанчик брызг, ударивший из кителя инженера, и бессмысленное лицо охранника за мгновение до того, как это лицо размозжило прикладом. Карабин так и остался где-то там, и куда-то пропал Менигон, а Ева Панчев был еще жив, еще кричал, стрелял и дрался в последней рукопашной своим коротким автоматом, он был жив до самого пандуса, и только там его отбросило пулей...

– Ну и ну, – сказал знакомый голос. – Здравствуйте.

Это был Роджер. И это была его комната. Он сидел на краю смятой постели, спустив босые ноги на пол, и имел блаженный вид, а на его коленях, подставляя себя под блуждающие руки, сидела модель.

– Вон пошла, – сказал ей Шабан, пытаясь отдышаться.

Модель деловито отклеила от себя руки Роджера, прыгнула с колен, и, раньше, чем она въехала Шабану кулаком в переносицу, он понял, что это не модель. Кулачок у нее был маленький и твердый, и она знала, как с ним обращаться.

– Вы что?! – закричал очнувшийся Роджер. – Это же не модель! Это моя невеста! Магда, скажи ты ему...

– Я ему уже сказала, – девица улыбкулась, открыв мелкие белые зубки, и, подрагивая бедрами, вернулась на исходную позицию. Руки Роджера немедленно пришли в движение. Шабан механически ощупал переносицу. Синяк будет.

– Ну, что там нового? – бодро спросил Роджер.

Шабан судорожно сглотнул.

– Уже все, – сказал он, – уже больше ничего не будет. Так вот. Одежду мне дай... чистую. И попить.

Пока он переодевался, умывался и пил, Роджер смотрел на него не отрываясь. Он явно не знал, как себя вести.

– Я ненадолго, – успокоил Шабан. – Передохну вот и пойду. Минуту.

– Ну отчего же минуту... – дипломатично сказал Роджер. – Передохните, отсидитесь...

– Это ты дверь не запер? – спросила Магда.

– Сейчас, сейчас... – сказал Шабан, глубоко дыша. Круги перед глазами наконец пропали, остался только Ева Панчев. – Уже ухожу... Слушай, а может, вместе?

– Зачем? – с тревогой спросил Роджер.

– Посмотришь, как это бывает, – сказал Шабан. – Ну? Пойдешь?

– Еще чего, – сказала Магда и отвернулась, положив одну красивую ногу на другую. Роджер беспомощно покрутил головой туда-сюда, словно ожидал подказки.

– Сидеть надо, – он убрал глаза. – Спокойно сидеть, и все. Тогда ничего не будет.

В коридоре опять застучали торопящиеся ноги, кто-то отчаянно заколотил в двери и вдруг завизжал на высокой ноте. Грохнул взрыв, осколок с визгом ударил в косяк.

– Сиди, – сказал Шабан. – Ты вот что. После всех этих дел охранников, наверно, стало немного меньше, так?

– Ну? – спросил Роджер.

– Значит, будет объявлен набор. Ты бы шел. Тебя Живолот возьмет, ему такие нужны.

Роджер задумался. Шабан плюнул под ноги и пошел прочь. Ему показалось, что дверь поползла в стену слишком медленно, и он помог ей рукой.

– Сидеть надо... – сказал за спиной Роджер.

К двум часам дня все было кончено. Последние разрозненные группки сопротивляющихся были истреблены или рассеяны, последние желтые каски, загнанные в тупиковые коридоры правительственного яруса, положили оружие. Было похоже на то, что, несмотря на весь шум и грохот боя, инсургенты не понесли значительных потерь.

В два часа пять минут по коридору под конвоем наряда Особой Охраны провели пленных: Правительственный Совет в полном составе, с Арбитром и Председателем, и десяток оборванных защитников. Поздняков тоже был здесь, старался держаться особняком и шагал бодро.

В два пятнадцать сама собой включилась газета и одновременно заговорили динамики. Передавалось информационное сообщение и обращение к населению. Прежний Правительственный Совет объявлялся лишённым власти как превысивший свои полномочия касательно контрактной политики, нарушающий права свободной личности и не способный направить Редут на путь истинного процветания. Новым Арбитром с функциями Председателя назначался Нейл Маккалум Редла, его заместителем по законности и правопорядку – Юстин Мант-Лавиц. Сообщалось, что члены бывшего Совета будут подвергнуты домашнему аресту вплоть до специального решения по этому вопросу.

В связи с имеющим место массовым недовольством рабочих, чей контрактный срок истек, создавалась специальная комиссия для ускоренного рассмотрения подобных дел во главе с заместителем Арбитра по законности и правопорядку.

Все без исключения плантации ползучего гриба объявлялись государственной собственностью (с выплатой компенсаций бывшим пайщикам) и подлежали строгому учету и контролю. Особо подчеркивалась ответственность за самовольный посев гриба, а сбор, переработка и реализация урожая приравнивались к государственным преступлениям.

Обращение к населению было составлено в бодром тоне. Населению предлагалось сохранять спокойствие, не терять исторически присущего народу Редута оптимизма, оказывать всяческую поддержку и помощь новой администрации и ни в коем случае не поддаваться панике, поскольку короткий период эксцессов деструктивного характера благодаря решительным действиям нового руководства страны остался, к счастью, позади. Некий неведомый Конвент Спокойствия по поручению нового руководства извинялся за неизбежный хаос, вследствие которого праздничный отдых истинных добропорядочных граждан оказался нарушенным и вина за который целиком возлагалась на прежнее руководство, и уведомлял о том, что праздник по случаю завершения прокладки тоннеля будет дополнительно продлен на один день. Добропорядочным гражданам рекомендовалось сотрудничать с уполномоченными Конвента Спокойствия в деле выявления террористов и мародеров, препятствовавших установлению режима подлинно народной власти, а ныне напрасно пытающихся укрыться от суда народа.

Вот я уже и террорист, равнодушно подумал Шабан. Или мародер? Штуцер, Штуцер... Кто бы мог подумать? Мелкий жучок, вечный должник всех и всякого... Еще полшага – и диктатор. Диктатура не устанавливается сразу, она вырастает постепенно. Сейчас еще можно рывнуться, если с умом, еще можно пытаться пикнуть, играя на интересах то Штуцера, то Живоглота – через несколько месяцев, когда один из них перегрызет другому глотку, это станет невозможно. Люди привыкнут, да ведь они уже сейчас не против, вот что самое похабное. Люди против того, чтобы застрять в Редуте сверх контрактного срока.

Может быть, на первых порах в самом деле ускорят ренатурализацию и вывоз наиболее отъявленных горлопанов – толку от них все равно немного, – а вместо них наберут новых. Через пару лет горлопанов станут просто расстреливать. Станут шире использовать убегунов и раздавят Коммуну – это может дать одну-две тысячи военнопленных, в перспективе, после соответствующего трудового воспитания, – новых лояльных подданных. Остальных уже завтра начнут вызывать поодиночке и с пристрастием допрашивать, в какой части Порт-Бьюно был такого-то числа в такое-то время, да что делал, да какие свидетели могут подтвердить...

Сзади неслышно подкралась Лиза, потеряла о плечо, как ласковый котенок. Разве что не мурлыкала. На всякий случай Шабан пощекотал ее за ухом, а она, прильнув к нему всем телом, полузакрыв глаза, тихонько гладила его по голове, и он совсем не думал о редующих волосах. Порт-Бьюно просыпался. Редко, теперь совсем редко и очень далеко бухали одиночные выстрелы: не то охрана просто веселилась, не то творила суд народа.

...Будет ночь, и когда все утихнет, когда над Прокной хвостиком вниз повиснет Терей, дрогнут и раскроются ворота Порт-Бьюно и из его темной глубины, галошно блестя в свете прожекторов, беззвучно выползет грузовая платформа, до отказа набитая людьми, неторопливо проползет мимо вышек с развернутыми на куб пулеметами и, прибавляя ход, призраком уйдет в степь. Потом она остановится, и из ее лопнувших бортов посыплются люди: вооруженные выпрыгнут сами и распределятся широким полукругом; невооруженных выведут силой и поставят на край ямы в резком свете бьющих в глаза фар. Это – мелкую сошку. Поздняков, пожалуй, выкрутится, подумал Шабан. Даже наверняка: должен же кто-то объяснять разведчикам, что новая власть руководствуется исключительно интересами народа и чувством высокого патриотизма... А потом вся эта гниль поперет на Юг – Винсент сказал правду: тоннель только ускорил дело, – если бы не перспектива все ближайшие годы снимать сливки с южных месторождений, Штуцер, может быть, и не решился бы...

– Тебе хорошо со мной? – спросила Лиза.

– Да, – сказал Шабан. – Хорошо.

– А без меня тебе хорошо?

– Мне сейчас просто, – сказал Шабан. – Понимаешь, все было очень сложно... Я не знал, что делать, – так мне было сложно. А сейчас мне просто.

Глава 8

Прожженный шлюзовой створ, терзая ноздри вонью дымящегося металла, с грохотом выпал наружу. С крыши Порт-Бьюно мир выглядел плоским, как поднос. Унылое солнце, размытое по краям дрожащей дымкой, корчило низко над хребтом, примеряясь к спуску; где-то вдали, там, где не торчали отвалы шахт, серая равнина сливалась с серым небом, и только на севере небо наливалось чернотой – оттуда шел грозовой фронт. Запоздавший период дождей спешил наверстать свое. На космодроме было сонно: судя по всему, никто из последних защитников Порт-Бьюно не сделал попытки вырваться.

Шабан лег на край крыши, достал и настроил бинокль. В зрачки уперлась темная поверхность колоссальной колонны «Юкона», исчерченная прожилками сварных швов, мелькнул под дюзами шербатый бетон. Въездной пандус грузовика был опущен. По обе стороны от пандуса, положив руки на висащие на шеях карабины и переминаясь с ноги на ногу, тосковали два охранника. Шабан пошарил биноклем по летному полю. Других кораблей на космодроме не было, их и не могло быть в этот сезон, только на посадочных площадках выделялись неровные круги опаленного бетона. Космодром казался вымершим. Обслуживающий персонал, если он вообще присутствовал, сидел сейчас по служебным помещениям и не высовывал носа. Охранников тоже не было видно, если не считать еще одной парочки у складов да часового на вышке при въезде на летное поле. От складов по направлению к «Юкону» неторопливо пылил энергосамолет. Водитель в синем комбинезоне сидел за рулем истуканом, словно боялся сделать лишнее движение. Один из охранников отошел так, чтобы его было видно в зеркало заднего обзора, снял с шеи карабин и шутя прицелился – лицо водителя сделалось серым.

Север застилала мгла. Если на Базе что-то и происходило, то разглядеть это не было никакой возможности. Только вряд ли там что-то происходило. Где-то очень далеко, почти сливаясь с наползавшей на небо чернотой, висела летающая платформа, посланная, по-видимому, для наблюдения за миграцией убегунов. Больше в небе ничего не было.

Шабан оторвал глаза от бинокля и обернулся. Лиза подошла, и он зашипел на нее и замахал рукой: «Дальше! Дальше! От края!» Потом осторожно отполз сам. Четверо охранников, пятый на вышке... И еще неизвестно, сколько их в самом корабле. Идеально было бы сразу завалить вышку, но тогда они могут успеть поднять пандус. «Ничего, – сказал он себе, – прорвемся. Если нахрапом, только умным нахрапом, – должны прорваться. Второй попытки никто не даст, но и одну никто не отнимет...»

Прыжок, прыжок, прыжок! Уклон винтового коридора заставлял бежать. Вперед! Теперь больше ничего, только вперед и вниз, сквозь все пятьдесят пять ярусов – вниз! Прочь отсюда. А вы думали, голубчики, что я стану с вами жить? Я – с вами? Живите сами, жрите своих лангустов, любитесь с моделями и друг с другом, нюхайте натошак свой порошок... Убивайте друг друга. Вы мне не нужны, вы вообще никому не нужны, кроме самих себя, вы удержите свою власть, укрепите ее, оградите специальными институтами подавления, тщательно застрахуетесь от случайностей и сгниете живьем, отравив миазмами все, что только сможете. Но вы сгниете без меня, слышите вы!..

Когда ноги от усталости стали чужими, он перешел на шаг. Лиза пошла рядом – тонкая, прямая, совершенно не запыхавшаяся. Она хотела о чем-то спросить, но Шабан, глотая набравшую слюну, только мрачно взглянул на нее между двумя судорожными вдохами – и она не спросила. На ее лице было недоуменное выражение. «Как у ребенка, которому не объяснили, – подумал Шабан. – Ребенок и есть. Прости меня, девочка, но объяснять я сейчас ничего не стану. Не хочу. Не время. Ты только на меня не обижайся, хорошо? Не станешь обижаться? Да, я забыл, ты же еще не умеешь обижаться...»

Откуда-то снизу тянуло гарью. Из жилых ярусов сквозь задвинутые двери доносилась бодрая музыка. Праздник продолжался. Слышались смех и шарканье ног – люди уже не боялись выходить из комнат. Было слышно, как кто-то раздраженным со сна голосом требует, чтобы ему объяснили, что, собственно, произошло. Ему объяснили, что произошло. «А-а...» – разочарованно протянул вопрошавший. Потом музыку свели на нет и далекий репродуктор забормотал значительным голосом – как видно, передавалось очередное обращение к населению. Шабан ускорил шаг, споткнулся о мусор, выругался и затрусил мелкой вихляющей рысцой. Вниз, вниз! Скорее! Какой идиот придумал этот коридор, мало ему было лифтов и пандусов?.. Сам Эриксон придумал или кто-то ему подсказал? Наверное, сам. Умница, что придумал, гениальный был человек: построил ловушку-куб и дал шанс из нее выбраться. Только так и надо делать.

На нулевом ярусе едва не проскочили служебный лаз, и здесь пришлось гнуться в три погибели. Внутри было темно и воняло гарью, в тесном воздухе висел какой-то особенно едкий дым, впереди что-то торопливо капало, но не было видно, что, и руки натыкались на какие-то толстые пыльные трубы, а комбинезон с визгливым шорохом терся о шершавые стены. Дышать было нечем. Позади раскашлялась и всхлипнула Лиза, кашель прозвучал глухо, как в тумане. Ч-черт! Вот где это было... Шабан, прижимаясь к стене и стараясь не задеть оборванные кабели, боком прополз мимо нагромождения развороченных труб и стальных листов. Ладони скользнули по чему-то липкому. Кровь? Кровь, конечно. Кто-то прятался в этом лазе... Кого-то достали гранато-пулей. Чтобы не прятался – зачем добропорядочному гражданину прятаться? Шабан нащупал и стянул с руки прилипший комочек. Та-ак. Опять. Опять кровь, не можете вы без крови. Лет через сто скажут, если будет кому сказать: вынужденная необходимость, объективный-де исторический процесс, куда денешься? И вообще, кровь (не своя персональная, разумеется) при подобных социальных эксцессах, может быть, и не вполне оправдана с гуманистических позиций, но уж безусловно необходима как смазка для исторического процесса... Скажут, и выпьют, и зажуют вкусным дымящимся лангустом, рыгнут в платочек и откинутся в удовлетворении... Он поперхнулся дымом и вытер рукавом слезящиеся глаза. Дьявол, какое мне дело до потомков? Потомки – дураки, им простительно. Не нам. Не вам, сволочи! Рвите друг друга дальше. Не буду я с вами жить, а ведь вы про меня главного не знаете: я с вами не только жить не хочу, я с вами еще и помирать не намерен, и других убивать я вам не дам...

Прыжок! Прыжок! Прыжок! Рывок к служебному шлюзу, ведущему в гараж со стороны энергоподстанции – так ближе всего до главных ворот. Быстрее! Какой он длинный, этот машинный зал... Еще быстрее, ну же! Кто-то в синем, попавшийся на дороге, – по виду, дежурный механик – порхнул в сторону балетным прыжком. Фильтр на босу рожу. Охранников, как ни странно, нет. Почему здесь нет охранников? Надоело глотать дым? Непорядок. Или, может быть, Штуцер решил, что все уже кончено? Это он по неопытности; не умеешь – не берись... Шабан с размаху влетел в шлюз, втолкнул Лизу.

– Фильтр надень, девочка.

Пришлось помочь: сама она никак не могла управиться. Даже в наморднике она была красива и желанна, но сейчас не было времени любоваться. Сейчас откроется шлюз и не будет ничего удивительного, если в гараже окажется охрана и в живот без обиняков упрется начиненный ствол. А я что? Я ничего, не надо меня пугаться, ребята, вот он я, весь, целиком перед вами, уберите от пупка свое железо. Разведчик спустился посмотреть, как идет ремонт вездехода и идет ли он вообще, потому что нынче праздник, – кому праздник, а кому завтра на маршрут, никто ведь не отменял... Что? Ах, модель? Это моя модель, ясно вам, я ее одну не оставляю, как хотите, у меня в соседях половой маньяк, я ему позавчера бил морду и вчера бил морду, а сегодня, если что замечу, – вообще кастрирую, чтобы не исходил слюной на чужое... Тут можно и переиграть, только не очень сильно, главное – их насмешить, тогда, может быть, даже пропустят, но более вероятно, что дадут пинка и, приказав убираться, с гоготом посове-

туют не тянуть с кастрацией, и тогда можно будет выждать и попытаться еще раз. Конечно, все будет зависеть от того, сколько их там окажется, и если, к примеру, всего двое-трое, то можно и не ждать... Шабан нащупал в кармане лучевик, снял его с предохранителя и переключил на непрерывный режим. Секунд пять выдержит, но ведь и одной достаточно. Карман загорится, черт... Плохо то, что Лиза все это увидит, ей бы этого видеть не следовало, замучает потом вопросами: «А они умерли, да?», «А как это – умерли? Зачем?», «А я тоже могу умереть?» Лиза, Лиза...

Охраны в гараже не было, зато дыма было еще больше. Дым ел глаза, у главных ворот он висел слоями, он тек ленивыми мутными струями, сворачивался в кольца и вращающиеся хвостатые спирали, делился на фракции и медленно растекался по потолку и полу. У потолка его затягивало в вентиляцию, но толку было чуть: плотные дымные столбы стояли над откинутыми настежь люками гигантского «армадила» с развороченным бортом, края пробоины были вывернуты наружу, как лепестки уродливого цветка. Вокруг вездехода на щербатом бетоне вповалку лежало несколько трупов. Вот оно что, отстраненно подумал Шабан. Значит, попытка вырваться все же была... Он осмотрелся. Та-ак. Вон там «армадил», кроша бетон, вывернул со стоянки, вот тут он взял разгон, намереваясь с ходу пробить ворота, но его уже ждали и вон оттуда хладнокровно, как в макет, всадили в борт планирующую гранату, и «армадил» загорелся, пошел юзом на заклинивших гусеницах, а набившиеся в него люди, те, что не были перемешаны в кисель кумулятивной струей и стаей осколков, полезли наружу под карабины охранников. Ясно, почему пусто: охранники сделали свое дело и ушли, когда им приказали, а приказали им тогда, когда прорываться наружу стало уже некому, и, кстати, держать под охраной все жизненно важные объекты Порт-Бьюно у Живоглота холуев не хватит. Между прочим, ворота можно открыть из диспетчерской, если только они не заблокированы, а заблокированы они или нет, мы сейчас выясним...

– Они не спят, – со страхом сказала Лиза, указывая на трупы. – Они не такие.

– Такие, такие, – мрачно сказал Шабан. – Они спят. Они уже проспали все, что могли.

– А ты спать не будешь? – спросила Лиза.

– Мне еще рано...

Пока все шло как по маслу. Диспетчер, какой-то незнакомый красномордый здоровяк с толстым, распирающим фильтр носом, увидев Лизу, в первый момент оторопел и не сразу потянулся к пульту, а через секунду Шабан уже бил его по черепу рукояткой «магнума» и, отвернувшись от непонимающе-расширенных Лизиних глаз, кряхтел, стаскивая с диспетчерского кресла расслабленное тело. Ничего, ничего, моя девочка, бормотал он, вот примерно так с ними и надо. Живой, очухается. Тут главное, чтобы процесс был обратимым, это очень важно, нельзя лишать человека шанса когда-нибудь понять и проснуться, это – преступление, хоть я и уверен, что эта рожа до смерти не проснется, но мало ли, в чем я уверен... Да, как там ворота, не заблокированы? Нет, и это прекрасно. Где мой «эшвен»? Вот он, мой побитый, корма оплавлена, локатор, разумеется, не починен. Это ладно. Мы с тобой обязательно вырвемся, моя хорошая, слушай меня внимательно. Сейчас ты сядешь за управление... я знаю, что ты не умеешь, но это не сложно, я тебе покажу, как это делается, ты только очень постарайся... Для меня постарайся. Прогрей двигатель... вот так, хорошо. Я открою ворота на тридцать секунд, там есть такой режим, а ты, как только я окажусь на броне, трогай и набирай умеренную скорость. Обязательно умеренную, скучную такую, зевотную, нельзя ни гнать, ни ползти, иначе на вышках всполошатся, а нам с тобой это ни к чему. Дорога одна, не ошибешься, ты только плавнее рули, а я буду торчать из люка и поплевывать по сторонам, мою плешь охранники знают и должны пропустить, нужно только вести себя спокойно и нахально, тогда пропустят. А если нет...

– Там нет крыши, – сказала Лиза. – Я не хочу туда. Там страшно.

– А если не пропустят, – сказал Шабан, не обращая внимания, – тогда слушай мои команды и четко их выполняй. Я не собираюсь быть мишенью. Ты меня поняла?

– Хочу домой, – сказала Лиза. – Пойдем домой, ладно?.

– Заткнись! – грубо оборвал Шабан, чувствуя, как внутри у него что-то болезненно сжалось. – Тебя еще слушать...

Первые тучи напозавшего дождя, еще не черные, еще только свинцовые, но уже захватившие половину неба, вытягивали перед собою короткие косматые хвосты, на равнине шевелились неясные тени. Север окончательно почернел и сжался. Отсюда Порт-Бьюно был похож на кристалл пирита, только цвет был не совсем тот, отсюда без бинокля не было видно ни вышек, ни проволоки. Здесь не было людей, здесь индикатор радиоактивности наливался вишневым цветом и по краям насыпи среди хаотичного рельефа вывороченной и вздыбленной земли толпились строительные механизмы. Отдельно зиял недокопанный котлован, куда после окончания строительства предполагалось спихнуть террикон строительного мусора – малая победа бывшего отдела Поддержки Среды. По пологой насыпи шла и уходила в тоннель обыкновенная рельсовая однопутка, временная, конечно, позднее намечалось строительство скоростной магнитотрассы. Как Шабан и предполагал, охраны у входа в тоннель не было: очевидно, бывший Совет намеревался пропустить убегунов без нежелательных случайностей. Вместо охраны на левом рельсе бок-о-бок сидели два голых убегуна – оба разом вздрогнули, когда вездеход со скрежетом остановился в десяти шагах от них, завозились, пихаясь, и завертели безволосыми головами на морщинистых цыплячьих шеях. Лица у них остались равнодушными, вездеход их явно не заинтересовал. Шабан натянул хитин, жестом приказал Лизе сделать то же самое и выбрался на броню. Один из убегунов заметно вздрогнул и дернулся, порываясь вскочить, другой, успокаивая, неестественно вывернул руку, почесал первого между лопаток и сам же захрюкал от удовольствия, будто скребли его. Убегуны были прирученные, рабочие. Диким вид человека внушал, несомненно, панический ужас – очевидно, наследие каких-то древних времен, – и они успокаивались только тогда, когда пространство степи между ними и человеком превосходило границы прямой видимости. Впрочем, бывали исключения. Эти два убегуна убежать не собирались. Они ждали своих. Когда первая волна орды нахлынет и полезет на насыпь, они пойдут в тоннель первыми и поведут орду в Южные Земли. Туда-где-Тепло. Туда, где много света, пищи и совсем нет людей – в это они верят, ведь и убегуну нужно во что-то верить. Туда, где их опять ждет обман, таких кретинов сам бог велел обманывать, а в видах рекреации им, может быть, позволят быть загонщиками, когда какому-нибудь хмырю придет в голову позабавиться охотой на вариадонтов... Хватит! Раньше надо было ныть! Шабан боком слез с вездехода на землю, нашел и высыпал на ладонь остатки грибного порошка. Жмурясь, втянул в ноздри, привалившись спиной к броне, ждал, когда подействует. Перед глазами плясал и качался мир, горы дышали, как исполинские животные, как огромные умирающие киты, выброшенные на берег, – слабее, слабее... Порошка мало, черт... Не доза – едва полдозы, надолго не хватит. Он отшвырнул коробочку, и она запрыгала по насыпи. Хватило бы до космодрома...

У входа в специальный бункер, построенный с началом работ в тоннеле как склад ядерных зарядов для проходки, бродил, загребая ногами пыль, одинокий охранник, судя по форме – не Живоглотов. Увидев Шабана и Лизу, он заморгал было и даже раскрыл рот, но тут же справился с растерянностью, сдернул с плеча карабин и петушиным фальцетом скомандовал: «Стой! Назад!» Совсем молодой парнишка, еще старательный. Юный верзила под два метра по вертикали, уши трогательно оттопырены, даже ряшку себе еще не наел... Наверное, присутствовали и веснушки, но под слоем пыли на лице их не было видно. Нормальный молокосос. Шабан остановился, сдерживая себя. После сушеного гриба стоять не хотелось, хотелось броситься вперед на наставленный ствол.

– Караулишь? – спросил он, сплевывая себе под ноги.

– Кара... – начал охранник и вдруг, спохватившись, выпятил челюсть и взял карабин поудобнее. – Кто такие?

– Почему один? – строго спросил Шабан, игнорируя вопрос и изо всех сил стараясь придать голосу начальственное звучание. Он помнил, что охранников на этом посту должно быть двое. – Почему один, спрашиваю! Подойдите сюда, рядовой!

Охранник растерянно потоптался на месте, потом сделал один нерешительный шаг вперед. Потом подумал и сделал второй. «Живо!» – прикрикнул Шабан. Караульный подошел. Он явно не знал, как себя вести, и плечи его при каждом шаге поднимались, словно от холода, но черный зрачок дула по-прежнему смотрел Шабану прямо в лицо. Расстояние для одного прыжка было великовато.

– Инспекция, – сказал Шабан первое, что пришло на ум. – Что тут у вас? Выкладывайте, рядовой.

Рядовой начал выкладывать – озираясь по сторонам и нервно облизывая губы. Он чуть не хныкал и был готов схватиться за протянутую соломинку. Что произошло, почему нет смены? Они с Луи в карауле с утра, уже и чужую смену отстояли, ноги гудят и жрать охота – сил никаких нет, радио почему-то не отвечает, хрип один, четыре часа назад Луи пошел пешком в Порт-Бьюно, чтобы выяснить, за это время можно дважды успеть туда и обратно, а Луи все нет и нет, и смены нет, о чем там думают? Он-то, разумеется, пост не бросит, но все же должен быть свой предел... В голосе охранника звучала неподдельная мальчишеская обида.

– Убили, наверно, твоего Луи, – сказал Шабан, переступая на полшага вперед. – Так-то.

– Как это? – Охранник заметно растерялся.

– Насмерть, – сказал Шабан. – Соболезную. Государственный переворот, понял?

– Д-да, – нерешительно сказал охранник. – Вот оно что... А как же... это... смена? – Слово «смена» он произнес почему-то шепотом.

– Будет вам смена, рядовой, – отчаянно плел Шабан. Зуд стал нестерпимым, телу хотелось действия: броситься, ломать, рвать, только не стоять на месте. Он сделал еще полшага. – Сейчас там просто не до вас. Свяжитесь с Особой Охраной – пришлют вам смену. Не обещаю, что не арестуют, но смена будет.

– А радио... – унылым голосом проговорил охранник. – Радио-то не работает...

– У меня в вездеходе есть радио. – Шабан показал рукой. Он млел от предчувствия удачи. – Это вон там. Идите и свяжитесь.

Лицо охранника прояснилось. Он сделал шаг, хотел сделать второй и вдруг замер с поднятой ногой: по-видимому, до него начало доходить, что он делает что-то не так. Не дожидаясь, пока сомнение караульного перерастет в уверенность, Шабан прыгнул вперед. Поднырнув под наставленный ствол, он ударил с коротким вскриком, целясь в солнечное сплетение, но, кажется, попал мимо, потому что охранник не задохнулся, а завопил и попытался ударить сверху карабином, – тогда он схватил охранника за штаны и натужно перебросил через себя. В нем было немало весу, в этом молодом здоровом теле, и Шабан с размаху приложил его о камни. Охранник взвыл. Где-то рядом с ухом грохнул карабин, пуля бесполезно ушла в небо. Ненужный шум. Шабан выдрал оружие из цепляющихся рук и, размахнувшись, забросил его за бункер. Вот так. – А теперь встать! Встать, я сказал! Ну!

Охранник встал. Его лицо выражало полную растерянность. Он еще не успел по-настоящему испугаться за свою жизнь, он боялся реакции начальства на неуставное ротозейство, глотал воздух и кривился от боли в подбитом боку. Ничего, сейчас он перестанет кривиться... Шабан извлек оба пистолета, «магнум» отдал Лизе:

– Стой тут, девочка. Шевельнется – стреляй без предупреждения.

Охранник замер. Теперь до него дошло, и пыль на его лице стремительно потемнела, впитывая нервный пот. Со лба, не удержавшись, сорвалась струйка, прочертила след. Лиза, довольная игрушкой, вертела в руках тяжелый «магнум».

– «Стреляй» – это как?

– Вот так. – Шабан повернул ее руку так, чтобы ствол пистолета глядел на охранника. – Так и держи, девочка. А шевельнется – нажмешь вот сюда, на этот вот крючок. Справишься? – Она радостно кивнула. – Ты у меня молодец, – серьезно сказал Шабан, и она просияла. – Жди тут. Я скоро.

Минут пять он возился, отключая сигнализацию, затем расплавил замок и откатил дверь вручную. Над этим бункером особенно не мудрили, внутри не было ни хитрых устройств распознавания, ни связанных с ними газовых, радиационных или иных ловушек: в горячую пору проходки бронированные двери откатывались по пять и более раз на день и никому не хотелось случайностей. Мелкие заряды хранились прямо здесь, более мощные и редко используемые прятались в бетонированном каземате под бункером. Там могли быть и универсальные заряды, годящиеся для использования в качестве бомб, и многое другое, но вход туда преграждала толстая броневая плита, и там могли быть ловушки. Шабан покачал головой: нет, хватит риска, обойдемся тем, что есть. Стотонные заряды, похожие на карандаш, и тысячетонные, похожие на стаканчик для карандашей. Есть еще пятисоттонные и какие-то совсем маленькие... нет, это лишнее. Четырех тысячетонных должно хватить с избытком. Взломав стенной шкаф, он выбрал иницилирующую таблетку – стандартную, на десять минут. Доста точно. Только не зевать, не терять зря времени – и вездеход на полной скорости ворвется на космодром как раз в ту минуту, когда горы вздрогнут от взрыва, взрыв отвлечет охрану. Посеять панику, рассеять, разметать, прорваться в «Юкон» и дать Штуцеру тридцать... нет, пятнадцать минут на то, чтобы разыскать и доставить на корабль экипаж, угрожая в противном случае поднять на воздух корабль, космодром и Порт-Бьюно... я не знаю, как это делается, но Штуцер поверит... Возьму пилота и навигатора, остальных мне не нужно. Придется не спать несколько суток... Он приложил пылающий лоб к свинцовой облицовке стены. Холодная... Это я выдержу – не спать. Ты знаешь, что такое Земля, Лиза? Ты ее увидишь через два месяца – невзрачный такой шарик у спокойной желтой звездочки. Это наш с тобой мир, он такой же большой, как Прокна, только лучше. Может быть, потому и лучше, что там сделано больше ошибок, на Прокне же их только предстоит совершить. Не хочу так думать. Скажут: человечество молодое, ему простительно, скажут так, будто человечество – это человек. С человека много не возьмешь, человеку свойственно ошибаться. Еще ему свойственно бить тех, кто мешает ему совершать ошибки, но это не значит, что не надо пытаться помешать, надо только вовремя унести ноги и ждать, когда одумается... Одумается, пожалуй, лет через двести.

Для какой надобности на боковом пути вот уже несколько лет ржавели три сцепленные вагонетки, вряд ли кто-нибудь знал. Может быть, в них когда-то намеревались возить в тоннель разные грузы, например, сменные бригады убегунов или другие вещи, но потом оставили эту затею. В дождливый сезон ковши вагонеток по край наполняло аммиачной водой, сухим сезоном воздух вытягивал воду прочь, и набросанный на дно мусор пополам с фекалиями давно уже слежался в монолит и даже не вонял. Крайнюю вагонетку удалось отделить, только разрезав сцепку, но катиться она не желала до тех пор, пока Шабан, ворча и ругаясь сквозь зубы, не срезал приржавевшие тормозные колодки. Быстрее, черт... Забравшись внутрь, он разместил заряды по углам ковша, установил максимальный угол раскрыва струи – пять с половиной градусов. Этого хватит. На всякий случай придавил заряды камнями – теперь они никуда не денутся, четыре взрыва ударят веером в потолок тоннеля. Быстрее! Торопясь, он выдолбил каблуком лунку для иницилирующей таблетки – точно посередине: заряды должны сработать одновременно, с точностью до наносекунды. Быстрее! Штуцер или Живоглот могут опом-

ниться, могут найти время подумать о тоннеле или о складе зарядов. Южных Земель захотели, живоглоты? Вот вам Южные Земли! Они не по вашим зубам, и до вариадонтов вы у меня не доберетесь...

Потревоженный мусор защищался, как умел: вагонетка наполнилась вонью. Шабан выбрался из нее на насыпь и перевел дух. Где Лиза? Вон она, отсюда плохо видно, но ясно, что у нее все в порядке и охранник не рыпается. Молодец, девочка.

И-и... раз! Вагонетка качнулась, колеса отчаянно застонали. И-и... два! Колеса нехотя провернулись. Ну же! Ну давай! Шабан уперся ногой во вторую вагонетку. Ага! Еще раз! Кажется, пошла. Главное, не останавливаться, толкать и толкать, вогнать эту тяжесть тоннелю в глотку, дальше она пойдет сама, там уклон. А здесь подъем, здесь тяжело и воздуха нет. Где воздух? Дышишь какой-то ватой... Шабан сорвал с лица дыхательный фильтр, швырнул под ноги. Вот так-то лучше. Ну же! Ну, еще!..

Вагонетка скрипнула и остановилась. Шабан вытер лицо рукавом и пнул вагонетку ногой. Пот на лице лез из всех пор, ладони были в ржавчине. Нет, так не пойдет. Он поискал глазами по сторонам. Один из убегунов куда-то исчез, зато второй все так же сидел на рельсе и смотрел на вагонетку тусклым взглядом. Экземпляр был молодой и еще крепкий, видно, работал в тоннеле недавно. Чтобы привлечь внимание, Шабан плюнул в его сторону.

– Эй! Поди сюда.

Пришлось еще прикрикнуть. Убегун, вытянув выдвижной рот, хлопнул губами.

– А что мне за это будет? – голос у него был тягучий и гнусавый, как при насморке – мешало неприспособленное для речи строение носоглотки.

– Шею сверну. Поди сюда, я сказал.

Убегун осклабилсь совсем по-человечески, с хлюпаньем втянул свой рот и отвернулся. Кажется, он сообразил, что пугают не всерьез, и наслаждался. Должно быть, в тоннеле его иногда баловали подобными шутками. Уж чему-чему, зло подумал Шабан, а своему юмору мы их научили!

– Смотри, – сказал он. – Это лучевой пистолет. А теперь смотри на тот камень. Ты все понял? Надо еще повторить?

Камень шипел и шкворчал, ярко полыхал покрывавший его лишайник, вокруг расплзающегося огненного пятна текло и пузырилось, – и вдруг с гулким хлопком камень лопнул и развалился на несколько кусков. Шабан убрал палец с курка и повел стволом в сторону убегуна:

– Живо.

Вдвоем пошло веселее. И – раз! – кричал Шабан, наваливаясь на вагонетку. – И – два!.. – Колеса уже не скрипели, они победно пели на высокой ноте: вагонетка разгонялась. – Вперед!.. Толкай, слышишь! Сильнее! Кто так толкает, гад? Убью! Вот так надо! И еще р-раз! Хорошо!.. Вагонетка подпрыгнула на клацнувшей стрелке, покачнулась, и у Шабана упало сердце. Вот он – тоннель, теперь ее уже не остановить... Впер-ред! Еще раз! Не-ет, от толчка заряды не сдвинулись, это было бы слишком несправедливо, они просто не могли сдвинуться, не имели права, я это чувствую... Теперь хватит. Скорость еще небольшая, но дальше эта ржавь пойдет в разгон. Пора.

Рядом тонко мычал от натуги убегун, в сумраке тоннеля жутко светились его внешние кольцеобразные зрачки.

– Пошел вон! – закричал на него Шабан. – Убирайся, ну! – Убегун не заставил себя ждать. – И у входа не торчи, – крикнул Шабан вдогонку, – плохо будет! – Убегун, втянув голову в плечи по самые уши, нелепо скакал по шпалам к выходу. Часто-часто мелькали ноги. Пусть живет, подумал Шабан, пусть забудет работу в тоннеле и сам тоннель, где расплыены в атомы сотни таких, как он, пусть как можно дольше не знает, что такое лучевая болезнь, потому что все это человек и дела человека, а убегуны тут ни при чем...

Некоторое время он трусил рысцой, держась за борт вагонетки. Один раз ему показалось, что вагонетка замедляет ход, но тут же он понял, что это не так и что скорость мало-помалу увеличивается. Время! Он сдвинул в пальцах иницирующую таблетку – она загорелась красным, – запрыгнул животом на борт ковша и точно послал таблетку в приготовленную лунку. Попал! Задыхаясь, он спрыгнул вбок, споткнулся о шпалу и несколько шагов бежал на четвереньках. Ничего, ничего... Главное сделано. Вагонетка обогнала его, ее уже не нужно было толкать, она с нарастающим гулом сама рвалась под уклон. Грохотали колеса, что-то жалобно дребезжало, стонали ржавые оси. Разгоняясь, заряд уходил в гору. Через десять минут где-то там, в самой сердцевине горы, тысячи и тысячи тонн камня придут в движение и потолок тоннеля рухнет на протяжении нескольких километров – хорошо бы по всей длине... Вагонетку уже нельзя было догнать, ее можно было только проводить взглядом. На миг Шабан почувствовал страх, сознание чего-то непоправимого. Оказывается, он не был готов к тому, что когда-нибудь уже ничего нельзя будет изменить и некуда будет отступать, оказывается, он принимал это только в мыслях – то, что в мыслях для мыслей же и хорошо, а вот когда кончается действие грибного порошка... Шабан яростно замотал головой: грохочущая вагонетка уже исчезла из виду. Вперед! То есть назад! Прочь отсюда! Повернувшись, он побежал к выходу. Все нормально, время есть... Времени как раз хватит: до космодрома вездеходу на полной скорости гнать минут шесть, не больше. Успеем: еще целых девять с половиной минут... нет, уже только девять. И «ишак» сдох, скотина... Надо спешить. Все будет хорошо... Он надал и понесся к выходу так быстро, как мог. Вот вам! Он торжествующе вскрикнул, и своды тоннеля ответили гулким эхом. Хотелось расхохотаться. Вот вам на память от Искандера, живоглоты, штуцеры и кошкодавы, вот вам ситуация, до которой вы не додумались, но теперь вам придется думать, думать быстро, иначе вы не удержитесь...

Восемь минут! Уже только восемь, а надо еще добежать, надо еще стукнуть по голове охранника и сесть в вездеход... нет, охранника достаточно припугнуть, парнишка вроде ничего, не надо его бить. Но как просто! Как легко все получилось, даже не думал, что так может быть, я теперь все могу, вы слышите! Все! Оказывается, здесь самое главное – решиться, а дальше намного проще, нужна только капелька везения. Я уже решился, и вы мне помогли. Каждая деталь имеет свою наработку на отказ, это надо знать, и вы у меня еще вспомните эту отказавшую деталь! Вы ее долго будете помнить!..

Он выскочил из тоннеля на свет. Тусклые преддождевые сумерки показались ему слишком яркими. Сначала он не поверил своим глазам и замер в изумлении: равнина шевелилась. Она колыхалась и рябила на всем своем гигантском протяжении, она была покрыта чем-то движущимся, наползающим, нацеливающимся. Шабан бешено выругался. Так вот что за тени гуляли по степи – началось великое переселение! Вся равнина до горизонта была заполнена убегунами, их было невообразимо много – миллионы – должно быть, к северу от хребта Турковского разом опустели все стойбища. Убегуны шли молча, и только топот множества ног сливался в ровный гул, на всей равнине не было ни одного звука, кроме этого гула. Шабан не мог себе представить, что на Прокне живет такое множество убегунов. Они надвигались, как море. Это было похоже на запомнившийся с детства учебный фильм о миграции леммингов, только тот фильм был совсем не страшным.

– Назад! – заорал Шабан.

Кольшущееся море вытягивало вперед язык, нацеливаясь в устье тоннеля. Передовые отряды уже лезли на насыпь с обеих сторон. Мужчины, одни мужчины, сильные и выносливые, тяжело дышащие, некоторые в рваной одежде – как видно, из прирученных, – но в большинстве совершенно голые, пропыленные до серости и чем-то очень напоминающие людей. Толпа. Бессмысленная напиральная плоть. Самки с детенышами отстали – наиболее сильные из них поспеют в тоннель как раз к самой давке, и тоннель огласится криками, когда под напором тел захрустят их кости, но некуда будет свернуть, а сзади, не обращая внимания ни на крики, ни

на дергающиеся тела под ногами, будут напирать и напирать новые толпы, пока от взрыва в глубине горы не расколется своды и на тех, кому повезет пробиться сквозь давку, не ринется сверху потолок...

– Стой! – надсаживаясь, кричал Шабан. – Сто-о-о-ой!

Его не слушали. Его видели, но на него не обращали внимания. Человек был страшен для убегуна, но не для всего народа убегунов. Пусть будет хуже для человека, если он мешает. Орда поглотит и растопчет его, уходя прочь с этих холодных равнин. Туда-где-Тепло. Без оглядки. Шабан сжал в руке рукоять лучевика. Толпа была уже шагах в пятидесяти.

– Наза-ад! – яростно заревел Шабан. – Кретины! Сто-о-ой! Там смерть! Назад, животные!

Огненная дорожка прочертила линию перед ногами забежавших вперед. Повис легкий дымок и тут же всколыхнулся – орда перевалила через линию. Взвизгнул какой-то убегун: как видно, наступил босой пяткой на горячее. Ах, вот вы как? Нет, вы у меня остановитесь! А ну, стой!!

Дымящийся зигзаг пересек насыпь. Вот так! И еще раз! Мало вам?.. Крича что-то невообразимое и не слыша сам себя, Шабан с локтя бил лучом перед собой, стараясь попасть как можно ближе к толпе. Он очень боялся, что дрогнет рука. Густо дымила земля, вспыхнули шпалы, расплавился и потек рельс. Первые ряды замялись. Ага-а! Назад! Я кому сказал! Шабан шагнул вперед, и орда попятилась. Кто-то из убегунов бессмысленно оглядывался, кто-то уже повернул, чтобы бежать, но бежать было некуда: сзади напирала те, кто еще не видел лазерного луча. Ничего, сейчас они побегут... Шабан заорал сорванным голосом и еще раз прочертил насыпь перед пятящейся толпой. Как только выдерживает лучевик? Сейчас, сейчас... не задеть бы только вездеход. Толпу бы не задеть... Еще немного – и побегут. Вас же спасаю, кретины!.. Он сделал еще шаг, и тут в него полетели камни.

– Наза-а-а-ад!!!

Теперь уже отступал он, и орда снова накатывалась. Кто-то в передних рядах споткнулся и дико завизжал, упав на дымящуюся землю. Упавшего топтали, не замечая. Некоторые выбежали вперед, нырком нагибались, хватая очередной кусок щебня с полотна. Метальщики они были никакие, но их было много, и Шабан сразу же получил чувствительный удар по ноге, другой обломок щебня зацепил ухо. Отступать было некуда: толпа уже обошла его с боков. Какой-то низкорослый убегун проскользнул вдоль скальной стены и с торжествующим воплем скрылся в тоннеле. «Кинутся все сразу – конец», – отчаянно подумал Шабан.

– Назад, сволочи!

Все-таки они боялись – толпа надвигалась медленно. Кое-кто из первых рядов силился протиснуться назад. Неожиданно ударил выстрел – пуля с визгом срикошетировала от свода тоннеля. Слава богу, обычная пуля... Шабан затравленно озирался. Значит, оружие у них все-таки есть, слухи не врут. Откуда у них оружие? Попасть не попадут, но еще один выстрел, еще только один – и они кинутся...

Он попятился к самому зеву тоннеля, еще на что-то надеясь, но когда грохнуло второй раз и они кинулись, надеяться стало не на что, тогда он зажмурился, чтобы не видеть, и с длинным страшным криком полоснул лучом по толпе, по тянущимся к нему уродливым рукам, по бессмысленным лицам с выдвигаемыми ртами. Прочь! Он кричал, чтобы не слышать их криков, и на лице его не было фильтра, чтобы уберечься от запаха горящего мяса. Прочь! Луч метался над насыпью до тех пор, пока лучевик не отказал, и тогда Шабан открыл глаза. Ему захотелось закрыть их снова. За несколько секунд на насыпи не осталось ни одного живого убегуна. Уцелевшие бежали кто куда, толпа по обе стороны насыпи стремительно таяла, паника передавалась дальше, и теперь на равнине не было равномерного колыхания, теперь в живом шевелящемся море возникали неожиданные течения и водовороты. Каждый спасался сам, слабые и замешкавшиеся, упав под ноги бегущим, больше не поднимались. Над равниной стоял тысячеголосый вой. Шабан перевел дух и сбежал с насыпи. Следовало уходить, пока не поздно.

Какой-то убегун ползком выбрался из-под дымящейся груды тел, скатился следом и медленно, мучительно пополз наугад, как слепой, не видя, куда ползет, и двигая свежей культей так, как будто на этом месте все еще была нога. Наверное, было бы гуманно его застрелить, но Шабан почувствовал, что не сможет. Его вдруг неудержимо вырвало какой-то желчью. Прочь отсюда! Он вытер слезящиеся глаза и побежал, ускоряя шаги, но почти сразу же ахнула и застонала земля, что-то сбило его с ног и бросило ничком на камни. Гора содрогнулась. Из тоннеля вылетел горячий вихрь. Крепления сводов стонали и корежились, как живые, каменная тяжесть ломала тубинги. Высоко над зевом тоннеля что-то трещало, ворочалось и сыпалось, но это были только оползни, а самое главное происходило сейчас в глубине горы, где ожили и подвинулись геологические пласты, где в ревушей ярости взрыва погибал двухлетний титанический труд – равнодушный труд равнодушных людей, половина из которых вообще не знала, зачем нужен этот тоннель, а другой половине было плевать на все, кроме заработка и срока контракта. Где-то уже катились камни, слышался нарастающий гул близкого обвала. Шабан вскочил на ноги и побежал прочь от склона. Вездеход? Нет, вездеход стоит нормально, его не должно задеть. Нам опять повезло, моя девочка, нам просто невероятно везет. Все хорошо, все у нас с тобой в порядке, самое главное сделано, вот только упустили удобное время, но еще неизвестно, что для нас лучше: неожиданный для охранников взрыв или нашествие на космодром полчищ обезумевших убегунов.

– Ли-и-и-за-а!.. – Лизы нигде не было видно. Бункер стоял на месте, но рядом с ним не было ни Лизы, ни охранника. – Ну я вас, – сказал Шабан неуверенно. Ну нельзя же так... – Ли-и-и-и-за-а! – Кой черт... Убегуны? Нет, до бункера убогие не дошли, хотя были совсем рядом... не настолько, впрочем, рядом, чтобы увлечь их с собой при бегстве. Девчонка! Охранник удрал, конечно, да и как от такой не удрать, а она играет в прятки!

Он позвал еще раз и обежал бункер кругом. За бункером валялся мусор и кал, карабин охранника тоже был здесь, но Лизы не было. Может быть, вон за теми валунами? Конечно, там, где же ей еще быть... Уши оборву. Сатанея на ходу, Шабан двинулся к валунам и тут же увидел Лизу.

Она лежала на боку там, куда ее отбросило, – маленький скорчившийся комочек. Она уже не была похожа на Лизу, и не застонала, когда Шабан перевернул ее на спину. Вероятно, она была еще жива, когда гранато-пуля, выпущенная из «магнума», разорвалась в трех шагах от нее и охранника не стало, а огненный вихрь опалил и отшвырнул ее пробитое осколками тело. Она еще жила, когда упала на камни, и, наверное, пыталась подняться, но смогла только скорчиться, стараясь унять боль и не понимая, откуда вдруг взялось столько боли. Хитин спереди был сожжен и висел горелыми лохмотьями. Нажав на спуск, Лиза не успела закрыть лицо, и Шабан заставил себя посмотреть еще раз на то, что было ее лицом. Он смотрел долго, запоминая, он боялся, что забудет какую-нибудь подробность, а перед глазами стояло живое растерянное лицо, и Лиза говорила: «Там страшно. Там нет крыши...» А ведь она сегодня первый раз вышла из Порт-Бьюно...

Все было кончено. Шабан осторожно опустил ее голову на камень, встал и побрел прочь. Наверное, Лизу надо было похоронить, но он не мог себе представить, как будет копать какое-то специальное углубление, оглядываясь на обожженное мертвое тело и не веря, что все так просто, и как придется все-таки поверить и закидать могилу землей и камнями. От охранника не осталось ничего, и не на ком было отыграться. Подлец, все-таки рыпнулся... А может, нет? «Шевельнется – нажмешь на этот крючок», – вспомнил Шабан. Лиза, девочка моя... Ты же уже не модель, как ты могла понять буквально? Попробуй простоять столько времени и не шевельнуться...

Он сходил к вездеходу, нашел в бортовой нише флакон, выторгованный у Роджера, и вернулся. Его движения были точны и спокойны. Когда ослепительно-белая пенная струя ударила в труп, он вздрогнул: ему показалось, что тело Лизы шевельнулось. Но он не прервал

работы, и вскоре тела не стало видно под рыхлым коническим сугробом, а флакон все извергал и извергал из себя быстро твердеющую пену, пока сугроб не превратился в высокий снежный конус – тогда Шабан отшвырнул баллончик, повернулся и зашагал в степь. Сначала он шел наугад, затем свернул туда, где уже надсадно стонали сирены, где над Порт-Бьюно хаотично взлетали в небо сигнальные ракеты и где на крышу куба только что упали первые капли дождя.

У каждого свои проблемы

1

Окна в кабинете полковника Нуньеса все еще продолжали противно дребезжать, но дурнота уже отхлынула, и теперь следовало собрать и привести в порядок мысли, нарушенные неожиданным толчком. Долгий гул потревоженных гор продолжал давить на уши, было прекрасно видно, как вслед за обвалами над ущельями встают облака пыли: сегодняшней толчок оказался намного сильнее всех предыдущих – судя по всем признакам, противник, ничуть не скрываясь, развивал бурную и совершенно непонятную деятельность. Цель этой деятельности обозначилась сегодня вполне отчетливо, не вполне ясными оставались методы и уж неясными совершенно – способы их реализации. Полковник не находил себе места. О случившемся следовало доложить немедленно по обнаружении, но он доложил только днем, когда стало очевидно, что невидимая твердая стена, укрывшая за собой все южные территории Редута и часть чужих земель в придачу, не только существует, но намерена существовать и далее, издеваясь над всеми попытками задроганных людей найти в ней брешь, пробить ее залпами зенитных ракет или прожечь насквозь с лазерного поста. Доложил с отчаяния, отчетливо понимая, какую это вызовет реакцию, и услышал, как на том конце кто-то вполголоса подал реплику: «Плюнь, у старого пня мозги с плесенью», – наорал, добился, чтобы соединили лично с командующим и, как мальчишка, стоял перед телефоном навтыжку, выслушивая финальное: «Вы мне за это ответите!..»

За что? Сжимая голову руками, Нуньес не находил ответа на этот вопрос. За то, что у противника появилось новое, секретное и, по-видимому, совершенно неуязвимое средство защиты? За то, что противник продолжает дробить горы как хочет и смеется над военной мощью сопредельных государств? Начальство найдет, за что. Когда ничего нельзя сделать, начальство всегда ищет виновных – это тоже занятие. Нуньес закрыл глаза. Отставка, отставка... Уже не избежать, не отсрочить. Хорошо, если в память о прошлых заслугах позволят самому написать прошение, а не выгонят с позором и без пенсии. Но разве в пенсии дело, когда не будет ни линейной пехоты, ни даже этого гарнизона в сельве, когда вокруг не станет привычного размеренного порядка, требовательности начальствующих и исполнительности подчиненных, а будет только пустота и ничего, ничего не останется в жизни, кроме пустоты и приближающейся старости... Разве в пенсии дело?

Он встал и подошел к окну, как делал много раз до этого, оглядывая с высоты свои владения. Низкие сизые облака, гонимые ветром к хребту, наткнулись на невидимую стену и расплзались по ней; затем их продавливало внутрь и они растрепанно ползли дальше. В горах продолжало грохотать, но уже слабее. Напуганная стайка каких-то некрупных животных, совсем потеряв голову, выскочила из сельвы чуть ли не на самый плац – сработали периферийные пулеметы и на границе зарослей заплясали огоньки разрывов. С шумом упало дерево. Так их... Подлость: всякое зверье свободно шляется сквозь стену в обе стороны, а человеку хода нет. Видели, как туда свободно прошел чудовищных размеров глипт, а обратно выползло нечто совсем уже невообразимое, поминутно меняющее форму, постояло, плясая на ошарашенных дозорных, и успело уйти за стену за секунду до выстрела. И лазерный луч гаснет в стене, несмотря на всю ее прозрачность, и сверху не достать, и из-под земли... Может быть, в самом деле пора в отставку, подумал Нуньес. Новое оружие – новые люди. Так было всегда. Старики не нужны. Они могут рассчитывать лишь на то, что молодые им объяснят, когда разберутся сами, и пусть кто-нибудь скорее разберется, ведь я уже не способен, я сойду с ума, мне просто страшно, пусть кто-нибудь разберется и объяснит мне, ведь я же уже не могу...

2

– Он идет, – сказал Менигон.

Сидящий напротив ответил ленивым кивком. Идет – ну и пусть себе идет, мало ли, кто там идет. Никогда не знаешь, что у куратора на уме, подумал Менигон. Если и не разобрался, что к чему, то виду не покажет.

– По-моему, он идет сдаваться, – осторожно уточнил он.

– Я понял, мусорщик.

Ага, теперь-то уж точно понял. И наверное, намерен что-то предпринять, иначе бы мы тут не болтались. Суконное это дело – быть куратором. Существуют тысячи дел поинтереснее. Спросить бы его прямо, сам ли вызвался, а если не сам, то за что его сюда и на какой срок. Так ведь не ответит – что ему какой-то мусорщик?

– Не уйти ли нам выше, равный? – Менигон оторвал взгляд от бредущей по равнине фигурки, поймал презрительную усмешку и опустил глаза. – Не в самый Ореол, конечно, – быстро поправился он. – Только на внешний уровень, не более. Мы сможем наблюдать и оттуда.

– Для чего, мусорщик?

– В облаках разрывы, равный. Нас заметят. Хватит с Искандера диверсии, зачем же еще шпионаж в пользу щитоносцев?

Куратор равнодушно пожал плечами. Черный корабль неторопливо вошел в разрыв. Блеснуло слабое солнце, по степи раскорячкой побежала тень. Теперь наверняка заметят, засуетятся, но какое ему до этого дело? Он из Ореола, ему все равно, хоть он и куратор. Но обращение «равный» проглотил, даже дважды, а это уже кое-что. Может быть, хватит намеков, пора прямо просить его за Искандера? Но что теперь можно для него сделать? Что, спрашивается? Мальчишка потерял терпение, даже не подумал, что до вариадонтов можно добраться не только с севера через тоннель, не предположил даже теоретически, что о них есть кому позаботиться, кроме него, как о единственной расе, достойной стать партнером Ореола... да, собственно, уже позаботились. Когда терять уже нечего, обычно теряют голову. Жалко мальчишку, очень жалко.

– Муравей, – сказал куратор, глядя под ноги. – Ползет к своему муравейнику. Уже и инстинкт самосохранения нарушен, только не стадность. Что ему грозит, мусорщик?

Менигон скосил на куратора один глаз: неужели не понятно? Впрочем, откуда им может быть понятно? Что они там, в Ореоле, знают о людях и об их обществе? Кому об этом нужно знать? Мусор, пыль под ногами...

– Разорвут, – сухо объяснил Менигон. – Ясное дело: тоннель будут восстанавливать, отправку отработавших контракт на Землю снова отодвинут на несколько месяцев. Может быть, Живоглот сумеет отбить его у толпы. Тогда через пару дней его вместе с другими пленными вывезут подальше в степь и заставят вырыть яму, если он еще сможет двигаться. Впрочем, здесь же Биртолли... Вероятно, изобразят какой-то суд, Искандера приговорят к пожизненному, поскольку смертной казни в Редуте не существует, а Биртолли накропает об этом заметку «В добрый час!», где подчеркнет демократизм нового правительства и исключительное уважение к законности. После чего в камеру осужденного вполне можно будет пустить кислородно-азотную смесь в земных пропорциях, само собой, без примеси этой гадости – аммиака. Кто сказал, что человек не способен этим дышать? Заключенный умрет своей смертью...

– Утихни, мусорщик. Я понял.

Пренебрежения в голосе куратора Менигон не уловил. Он и не пытался уловить. Что с того, что мусорщик, кому-то надо и мусором заниматься, всякая работа на благо Ореола достойна и уважаема, если делается от души, а по-другому и не бывает. Неспособных нет. Ранняя отбраковка делает дело, даже на Земле об этом начинают догадываться.

– Спустись к нему, мусорщик.

– Его прощают? – спросил Менигон.

Куратор посмотрел на него так, что пришлось отвернуться. Вредно подолгу жить вне Ореола, начинаешь забывать элементарные вещи. Ореол не прощает и не наказывает. Ореол отсекает от себя лишнее, это очень тонкая работа – заметить лишнее и вовремя убрать, пока оно не пустило корни. Лучше перестраховаться, допущенную ошибку можно потом исправить.

– Пригласи его сюда, мусорщик.

– Ясно, равный.

Так и есть, они там намерены исправить ошибку. Исправлять будет мусорщик – это его работа, работа очень редкая, один-два случая на сто лет, – а куратор проследит, чтобы все было как надо. Потом он подхватит эстафету и передаст ее дальше, потом еще дальше и так до самого Ореола, до окончательного исправления ошибки. Что нужно отбракованному, чтобы Ореол признал свою ошибку? Может быть, взорвать одну-две горы?

– Ты еще здесь, мусорщик?

– Иду, равный.

Надо идти. Искандер обалдеет, когда к нему с неба аки ангел спустится его бывший наставник. Кстати, почему бывший? И сейчас придется наставлять, куратор имеет в виду именно это. Добрый ангел-хранитель, мудрый и всепрощающий, заботящийся по-отечески – кто может поклясться, что никогда не мечтал о таком, хотя бы подсознательно? Искандер не может, нет сомнения. И это замечательно.

«Ну вот и все, Искандер. Ты видишь, как просто все кончается. Нужно только смотреть на человечество со стороны, а лучше сверху, и тогда все будет очень просто. Попробуй, это совсем не трудно. Неаппетитное зрелище, правда? Забудь свои земные детские воспоминания, их не было. Забудь все до того дня, когда твой отчим привел тебя в кадетскую школу».

«Это был ты, Винс?»

«Нет, это был другой мусорщик. Меня тогда на Земле не было».

«А мои настоящие родители?»

«Они в Ореоле. Возможно, они захотят с тобой встретиться».

«Возможно?!»

«Если найдут время. Мы очень много работаем, Искандер. Без этой работы и тщательнейшего, скрупулезнейшего отбора достойных мы бы никогда не вырвались вперед и не стали такими, какие мы есть. Человечество унижительно следует законам природы – мы научились менять их по своему вкусу. И создавать новые. Вселенная людей тесна и убога даже по сравнению с внешним уровнем Ореола, а ведь в нем двенадцать уровней. Будущее человечества ничтожно по сравнению с нашим будущим. Мы работаем на будущее, Искандер. Мы его делаем».

«А своих отбракованных детей вы, значит, отправляете на Землю? Вываливаете мусор?»

«Именно мусор, Искандер. На Земле ему самое место».

Хорошая фраза. Вот так и надо ему сказать, пусть прочувствует. Захочет стереть ложную память – сотрем. Восстановить истинную? Может быть, лучше не надо: маленький мальчик, больше всего боящийся быть отбракованным, преувеличенные детские страхи... Ошиблись, бывает. Радуйся, бывший человек, ты признан достойным Ореола!

«А Лиза?»

«Что – Лиза?»

«Ее ведь можно спасти, правда? Ты ведь ее оживишь? Ну скажи мне, Винс!»

«Зачем?»

«Винс!»

«Она никогда не сможет встать вровень с нами. Ореолу не нужны примитивные биороботы».

«Плевать на Ореол! Винс! Сделай же что-нибудь, это не для нее, это для меня. Вы же там всемогущие, для вас это раз плюнуть. Не нужно мне никакого Ореола, оставь меня здесь, только оживи ее, слышишь, только оживи, ведь ты же можешь!..»

Могу, подумал Менигон. Наверное, именно поэтому при исправлении ошибки всегда присутствует куратор: от этих мусорщиков можно ждать чего угодно. Специфика работы у них такая: одной ногой в мусоре, другой в Ореоле. Ни один мусорщик не скажет, что ему по душе эта работа. И ни один из них не хочет навсегда уйти в Ореол. Почему? Об этом не говорят. Даже мусорщик с мусорщиком не станут об этом говорить. Это стыдно. Никто из нас не признается в том, что мы просто любим этих людей, это бездарное, грешное, плоско-нахрапистое человечество с предсказуемым будущим, что часто, очень часто нам отчаянно и бесплодно хочется помочь этому человечеству стать немного счастливее, помочь хотя бы одному человеку, хотя бы одному...

– Равный, – сказал Менигон, – ты уверен, что он согласится вернуться?

Варетлиния

Часть первая Поплавок

Глава 1

Смерч рассыпался в полумиле по правому борту; только минуту назад ходил зигзагами, медленно приближался, рос в высоту, пил море бешено вращающимся рукавом – и вот, пресыщенный, рухнул сразу, опрокинув в океан килотонны воды. Большая волна подбросила капсулу. Уронила в провал. Еще волна, уже поменьше. И еще. Качнула. И снова штиль. Ни волны. Ни ветерка. Лишь мелкая рябь, бегущая неизвестно откуда. Лишь прорывы в тучах, а в прорывах – нестерпимо слепящие, бьющие наотмашь лучи солнца.

Лишь одиночество...

Филипп позволил подъемнику вознести себя на палубу, короткую и узкую, изъеденную укусами волн. Подъемник еще работал. В принципе, существовал еще трап, оканчивающийся аварийным люком, открывающимся вручную, – но люк после бомбежки заело намертво, хорошо еще, что не сорвало совсем.

Обшивка была цела и даже на глаз находилась в довольно сносном состоянии. Не пузырилась после случайного цунами, не крошилась, отваливаясь кусками, как бывало с капсулами, пересекшими на предельной скорости пятно желтого прилива. От желтого прилива нужно уходить только на предельной скорости и немедленно возвращаться на контрольный пост или прямо на Поплавок, послав кодированную шифровку о прекращении патрулирования. Инструкции точны. Через два-три дня поднявшийся из глубины пласт маслянистой жгучей жидкости растечется по поверхности океана и под лучами солнца утратит активность – но этого времени с избытком хватит, чтобы вчистую растворить крейсер высшей защиты, не то что капсулу.

Никто не знает, отчего возникает желтый прилив. Среди противоречивых гипотез преобладают биогенные. Родившись на пятисоткилометровой глубине вблизи границы Вихревого пояса, плотный кокон, состоящий из смеси органических кислот и вихревой оболочки, быстро поднимается к поверхности. Уплощаясь по мере подъема, он всплывает гигантской линзой от одной до сотни миль в поперечнике. Там, где он всплыл, ничего особенного не происходит, вид океана мало что скажет самому внимательному глазу. Зато рецепторы на обшивке – что капсулы, что крейсера, все едино – передадут на кожу глубинного пилота щадяще ослабленное ощущение жжения, и одновременно замигают, заквакают, взвоют индикаторы, сообщая, предупреждая, категорически требуя: уходи! Немедленно прочь отсюда! Или ныряй поглубже, если еще доверяешь прочности разъедаемого корпуса.

Взамен отказавших рецепторов остаются глаза. Бесспорно, есть смысл следить за обшивкой и в том случае, если плавсредство потеряло ход. Свою жизнь не спасешь, конечно, но хотя бы успеешь умереть безболезненно. Барахтаться в кислоте еще никому не нравилось.

Иногда желтый прилив можно предсказать, если регулярно брать пробы воды на соленость и радиоактивность. Филипп делал это, сам не понимая зачем. От желтого прилива ему не уйти и не поднырнуть под линзу – ослабевший корпус не выдержит теперь и пятисотметрового погружения.

Мертвая зыбь покачивала капсулу. Как вчера, как третьего дня. Поборов отвращение, Филипп осмотрелся по сторонам. Пусто. Лишь в свинцовых тучах далеко на юге закрутился было новый смерч, потянулся к воде гнутым хоботом и, не дотянувшись, рассеялся. В субэкваториальных широтах смерчи не редкость. Бывают и тайфуны. Часты неведомо откуда налетающие грозы с обилием шаровых молний. Гидросейсмы. Неожиданные водовороты, способные увлечь капсулу на десятимильную глубину. О желтых приливах нечего и говорить – самое обычное дело.

Филипп со вздохом спустился вниз, в рубку (она же навигаторская кабина, она же спальня, она же библиотека по праву единственного помещения капсулы, приспособленного для обитания человеческого существа). От нечего делать взял в руки книгу.

«Из миллиардов планет, существующих в Галактике, из миллионов известных землянам миров, из тысяч миров разведанных и, уж конечно, из сотен заселенных, вряд ли найдутся два мира, похожих друг на друга. Искорки в безбрежности, игра сотворивших их причуд, планеты несхожи, как снежинки в зимнем облаке – перебери их все, а не найдешь двух одинаковых, хоть потратить на это занятие одну свою жизнь, хоть миллион чужих, если тебе это по силам. Прекрасные, холодные, поражающие красотой – но увы! – такие разные. Неповторимые. Похожесть – но не тождество.

Встречаются уродцы. Как всегда, как везде. Иные заставляют улыбнуться, иные – недоуменно пожать плечами. Любая норма подразумевает возможность отклонения, а значит – уродство. Но и уродцы не схожи между собой.

В самой гуще Третьего спирального рукава, во внутренней его части, заполненной сжимающимся газом, миллионами бело-голубых звезд, тысячами холодных гигантов – еще не разогревшихся, погруженных в пылевые облака, возле заурядной белой звезды, согреваемая ее лучами, была найдена планета во всех отношениях уникальная и столь же неудобная. Имейся в радиусе триллиона километров хоть что-нибудь более подходящее, лишь немногие уникамы из тех, кому платят деньги за накопление бесполезных знаний, обратили бы внимание на космическую диковину. Беда заключалась в том, что для создания перевалочной и ремонтной базы поблизости от выходов сразу четырех стабильных субпространственных Каналов и, следовательно, от пересечения давно освоенных торговых путей не нашлось ничего более пригодного.

Планета, открывшаяся взорам исследователей, вдвое превышала Землю в диаметре и в полтора раза по массе. Вода, из которой она состояла от поверхности до центра, находясь в зональном вращении, несла растворенные соли и примитивную жизнь. Перенасыщенная влагой атмосфера позволяла дышать сквозь фильтр и даже некоторое время обходиться без фильтра. Именно наличие свободного кислорода и воды побудило проектировщиков отклонить космический вариант базы в пользу плавучего. Сами себе иногда напоминая клопов-водомеров, люди начали жизнь посреди океана.

Ни материка, ни островка, ни мели.

Только вода.

Громадная жидкая Капля.

Никто не придумывал планете имени. Оно нашлось само так же естественно, как естественно чихнуть в дождливый день.

Капля – и все. Круглая, неправдоподобно большая. Пугающая. Просто Капля...»

Ругнувшись, Филипп выдернул из книги вкладыш с надписью «Для юношества: Беллетризованная история освоения Капли» и, поискав среди исторических романов, сунул в книгу первое, что попало под руку.

«... Несмотря на то что оружие противника было длиннее на целых два дюйма, молодой барон молнией проскользнул под описывающую грозные круги бензопилу де Ренси и нанес, казалось, неотразимый удар наискось снизу вверх. Изабелла, уверенная в своем избраннике, захлопала в ладоши. Трехсотсильный портшез, стоявший на радиоактивных развалинах, весь

содрогался от охвативших молодую женщину бурных треволнений. Но маркиз не зря считался одним из лучших фехтовальщиков в гвардейских казармах. Злобно усмехнувшись, он дал отпор. Две изящные бензопилы, визжа и кромсая друг дружку, встретились крест-накрест между побледневшими от гнева лицами противников...»

Почему-то не читалось. Зевнув, Филипп съел вторую за сегодня галету, запил водой из опреснителя, бросив в дистиллят крупинку соли. Переключив книгу на «действие», оживил картинку и досмотрел сцену дуэли в движении и звуке. Выключил. Посмотрел на часы. До времени, которое он сам себе назначил, оставалось еще порядочно, но нетерпение оказалось сильнее.

Радио по-прежнему молчало. Это не удивило: невооруженным глазом было видно, что повреждения, полученные капсулой при бомбежке, слишком серьезны, чтобы имело смысл надеяться на естественное регенерирование. Связи с контрольным постом нет и не будет. Сработала система аварийного всплытия, и то удача. Девятый день спокойного, без происшествий, дрейфа – удача вдвойне.

Судя по всему, он очнулся на второй день. Аварийное отключение от рецепторов капсулы почему-то не сработало, и несколько часов он провел, исходя безмолвным криком, извиваясь червяком в борьбе со слепотой, слабостью и болью, пока наконец ему не удалось ошупью найти и выдернуть из гнезда тонкий кабель-пуповину, соединявший шлем с приборной панелью. Придя в себя, долго с остервенением пинал шлем, ругательски ругая умника, додумавшегося до cerebroуправления с обратной связью. Цепь аварийного отключения удалось исправить, но Филипп больше не испытывал потребности сунуть голову в шлем. И без того было видно, что за несколько истекших дней капсуле не стало лучше.

На второй день, считая от бомбежки, он выпустил два ракетных маячка, выдержав между запусками шестичасовой перерыв. На третий день он повторил попытку. Затем запустил маячки по одному в день. Последний ушел в небо вчера в полдень. Маячок опускается на парашюте почти час и все это время сотрясает эфир воплями о помощи. Не запеленговать невозможно. Через два-три дня, максимум через четыре, если очень не повезет, можно ждать помощи: терпящего бедствие подберет сосед-патрульный или даже возьмет на борт вместе с капсулой подводный крейсер.

И – ничего...

Все впустую. Девятый день.

Навигационный комплект действовал, но поправки теперь приходилось вносить вручную, а точность определения координат не превышала полуградуса. Взяв пеленги на три стационарных спутника, Филипп рассчитал свое местоположение: три с довеском градуса южной широты, сто восемнадцать – восточной долготы. За последние три дня капсулу снесло на сто миль к северу и на четыреста к востоку. В это время года экваториальные антипассаты нередко пробуждают незаконные течения.

К северу – это плохо. Экватор – граница, рубеж. Пересеки его в дрейфе – и ты либо пленный, либо покойник. Вероятность остаться незамеченным крайне мала, а после серии маячков, можно сказать, нулевая. Строго говоря, беспомощная капсула в приграничье – уже добыча, северяне могли бы рискнуть отбуксировать ее в свои воды, да что-то не торопятся. Такая осторожность непонятна: не постеснялись же они взять патрульное судно в бомбовый «ящик»!

Без связи с контрольным постом, не говоря уже о Поплавке, оставалось только гадать о причинах. Война, атака северян на южные базы? Южан на северные? Тогда конечно: в большой заварухе обе стороны легко могли позабыть о беспомощной капсуле.

Война на море. Здесь и не может быть иной войны. Допустим... С другой стороны, уцелевшие приборы не фиксируют эхо от мегатонных ядерных взрывов – подводных и надводных, – и не летят над головой радиоактивные тучи. Обычный фон, не более.

Ограниченная война? Вряд ли. Крутой пограничный конфликт? Дело знакомое, но конфликт, растянувшийся на целых девять дней, это уже слишком. Это уже война – со всей неизбежностью. Со всеми вытекающими. Северяне всегда предпочитали нагадить исподтишка и юрким ужом улизнуть от законного возмездия. Не дураки же они, чтобы не понимать: порознь им с зоной Федерации не тягаться, кишка тонка. Но уж если допустить, что зона Лиги, зона Унии Двенадцати Миров и Независимая зона, забыв склоки, вошли в тесный союз, то жди неприятностей...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.